

КРЕСТЬЯНКА

8.87

**Порознь
песня
не сложится...**
(стр. 5—7)

ВИД С МОЕЙ «КОЛ

Возвращались домой с областной конференции женщин. Как обычно, шофер автобуса тормозил по пути, и человек выходил на том участке дороги, откуда ему ближе всего до дому. Одна из моих спутниц изображала в лицах, как она отучала мужа бушевать в нетрезвом виде. Переходила с русского на украинский и с украинского на русский. Дело, говорит, было в январе, муж еле до крыльца добрался. А она заперла дверь. Он протрезвел от холода. Уж и ругался!

— Кажется: «Батько мой был прав, ты колтовка, ты меня заколдовала». Та была бы я колтовка, как же, разве ж такого, как ты, приворожила бы? Я бы такого приворожила, чтоб к дому у него душа лежала, чтоб детьми занимался, меня уважал. «Прости,— говорит,— ты в последний раз слышишь плохие слова». И что ты скажешь, даже не простудился.

— Ну и как, сдержал слово?

— Ну! Бывает, правда, выпьет. Тогда супится. Но молчит. Только супится.

Паразитный народ — женщины. Вот эта

моя спутница: на ней и работа, и дети, и дом, и муж — не подарок. А она как-то справляется. Еще и другим через свой женсовет помогает. А над бедой своей вроде как и посмеивается. Только с таким характером и можно что-то сделать в жизни. Тем более, что почувствовала женщина: в борьбе за нормальный дом, за семью все общество на ее стороне. Я тогда подумала, что, может, вся суть перестройки в том и есть, что лучшие стремления каждого человека получили поддержку. Председатель нашего колхоза Дадык Алиевич Баташев — уж такой осторожный в оценках, но недавно и он сказал: да, успехи ощутимы. Уточнил: по крайней мере, по трем направлениям. Крепче стала дисциплина («за счет сокращения водочных систем»). Улучшилось снабжение техникой («еще бы ее качество поднять»). Меньше стало заседаний («хотя бумаг пока не убавилось»).

— А кто мешает перестройке, Дадык Алиевич?

— Все! — от души ответил председатель.

И он прав. В своих попытках шагнуть вперед мы спотыкаемся друг о друга, мешаем друг другу. Потому что и нам самим надо перестраиваться.

Полтора года назад, возвращаясь по этой же дороге со съезда партии, я думала: только бы скорее домой, на ферму. Горы свернем. Не могу передать словами то свое настроение: казалось, чуть не за неделю можно все наладить. А приехала — те же болячки, те же проблемы: чем кормить коров, куда девать телят? У нас, как вообще в нашем регионе, выпасов почти нет, а плотность крупного рогатого скота большая, 18 коров на гектар. Бывший когда-то заливным луг после неудачной мелиорации заболачивается, зарастает, дает по 150 центнеров зеленой массы с гектара, а мог бы по 600, да по три укоса. А телят мы должны держать на ферме по двадцать дней, держим же до двух и более месяцев: соседний колхоз имени Крупской, где откормочный комплекс, не может их вовремя забирать, перегружен, там «пробка», как бывает на автострадах.

Проблемы те же, да я не та. И люди после съезда партии не те. И раньше мы говорили, что луг надо окультурить, что необходима специализированная бригада по заготовке кормов, которая бы зарплатой отвечала за их качество. Теперь же стали на этом категорически настаивать, считать ближайшей программой-минимум. Появился доброволец, готовый взять заготовку кормов на себя, если в помощь дадут двух хороших, опытных механизаторов. А ему не дают: те механизаторы нужны и на свекловичных полях, сахарная свекла — у нас приоритетная культура. Дадык Алиевич, Иван Федорович Рощупкин, главный экономист колхоза, — они, конечно, понимали, что мы предлагаем разумные вещи. Но им казалось, что мы «тянем одеяло на себя».

«Ты только о своей ферме думаешь, — слышала я, — ты на все смотришь со своей колокольни». Это правда. Но как же я могу о своей ферме не думать? Кто за меня о ней подумает? Наверное, у председателя с «его колокольни» обзор шире. Наверное, было бы замечательно, если бы каждый работник каждую минуту умел видеть всю картину хозяйства в целом. Но это же благое пожелание — не больше. Это же нереально. Из пожелания всем забраться мысленно на самую высокую «колокольню» выйти может только одно. То, что недавно было повсеместно. Люди, которых обязывали смотреть на жизнь с «высокой точки», вокруг себя уже не глядели, а если и глядели, то глазам своим как бы и не верили.

Таисия Борисовна Носатова на этой неделе поработала лучше всех. Ей — поздравления и цветы.

ОКОЛЬНИ»

Нина Афанасьевна
ДОРОХОВА,
заведующая
молочнотоварной
фермой № 5
колхоза «Дружба»
Волоконовского
района
Белгородской
области,
делегат XXVII
съезда КПСС.

70
ЛЕТ ОКТЯБРЯ

Родители Нины Афанасьевны Дороховой вступили в колхоз среди первых. Отец ее, Афанасий Иванович, участвовал в Сталинградской битве. Крупнейшие даты нашей 70-летней истории — важные вехи и в жизни этой семьи.

О себе Нина Афанасьевна говорит: «Я — третий делегат из нашего хозяйства». До нее в работе партийных съездов участвовали Василий Степанович Головин, один из лучших председателей этого колхоза, Иван Николаевич Гроицкий, Герой Социалистического Труда, замечательный механизатор. Когда Нину Дорохову избрали делегатом XXVII съезда партии, она поняла: теперь главная ответственность за страну лежит на людях ее поколения.

И отводили взгляд, и смотрели вверх, ждали, что скажут оттуда, какой вид им ДОЛЖЕН открываться, ждали на этот счет указаний. И как нереален для всех и каждого взгляд с точки зрения руководителя, точно так же нереально, чтобы председатель видел в деталях то, что открыто каждому с его рабочего места. А я уверена: нет у нас другого резерва, кроме луга. Как нет возможности улучшить качество кормов, не создав специальной бригады на подряде. И я снова и снова говорю об этом на областной профсоюзной конференции, на сессии районного Совета, пристаю к председателю, к главному экономисту, к специалистам. Раздражаю их: ведь у них, кроме нашей фермы, еще пять МТФ, да ферма молодняка, да овцеферма, да свекла, да зерно (не считая таких «мелочей», как посадки картофеля и посева кориандра). Я говорю, что без луга мы не шагнем за наши нынешние 2500 килограммов молока от коровы, и слышу в ответ:

— А кто от вас больше требует?

Это не позиция — только раздражение. Ведь и председатель наш, и главные специалисты многое делают для колхоза. Про Дадыка Алиевича у нас говорят, что он за колхозную копейку зайца догонит. И про луг он все понимал. В тот день, когда я была на женской конференции, он, оказывается, тоже ездил в Белгород — к мелиораторам, чтобы побывали у нас, посмотрели, что делать с лугом. И кормодобывающую бригаду решили этим летом организовать в колхозе. Приезжали специалисты, рекомендовали, где какую траву сеять. Правда, пока только у нас на отделении, но мы и добивались этого энергичнее, чем другие. На партийном собрании член партбюро Александр Федорович Ходарев отчитывался недавно о том, как выполняются критические замечания коммунистов, высказанные на партсобрании, в том числе и те, которые касались проблемы кормов. Вроде все вышло, как мы хотели. Но наша настойчивость не нравилась. И не нравится. Привычнее, удобнее и, наверно, приятнее, когда все доброе как бы изливается «сверху», в назначенный день, в свой черед, который для себя установил председатель.

Уже год, как мы работаем по системе нормативного планирования, по так называемому «литовскому методу». Суть его в том, что при снижении себестоимости продукции, росте выработки человек получает все, что сэкономит. Не часть, а все. Правда, так будет, когда система отладится. А пока специалисты осторожничают: установили потолок — 250 рублей, а сюда все входит: и стаж, и качество, и классификация. Одна из ферм отказалась перейти на этот метод: не захотели доярки целый год на аванс жить во имя конечного результата по итогам года. И хорошо, что их не заставляли: старый и новый методы как бы вступили в соревнование, и тем убедительнее будет победа нового.

Но должна сказать: когда этот «литовский метод» только вводили, я снова столкнулась с попыткой противопоставить «колокольни» разного уровня. Попыток пренебречь «нижестоящей колокольней» сколько угодно. По-

мню, когда мы переходили на нормативное планирование, наши доярки сначала не соглашались. Их упрекнули в косности и несознательности. Хотя и экономист, объяснивший им всю эту премудрость, и я сама поняли суть дела не с одного раза. Я всю зиму этот метод изучала. Зачем же людей упрекать, если они с одного раза не поняли!

Принесли мне договор:

— Подпиши!

— Я еще не читала, я вникнуть должна.

Вникаю. Вижу: все, что обязуются сделать работники фермы, перечислено подробно и дотошно. А все, чем обязуется обеспечить хозяйство, — все в общем, без цифр, без конкретики. Говорю об этом и слышу в ответ: «Это формальность».

Я понимаю, почему так говорили: представители администрации знают, что все возможное для фермы сделают, а если случатся какие нехватки в снабжении, то пищи не пищи, дать будет нечего. Но ведь по этой логике и мы все, что можно, сделаем, а не будет кормов — никакая организация труда не поможет: чтобы беречь корма и экономить, надо их все-таки иметь. Для того и нужно нормативное планирование, чтобы исходить не из благих пожеланий, а из экономической реальности — и той, что «сверху», и той, что «снизу». Однако как есть привычка инициативу одобрять только ту, что предусмотрена, так точно есть и привычка делать ответственным только непосредственного исполнителя.

Недавно я, готовя отчет, пропустила один чек (а мы работаем на подряде и по чековой системе). Главный бухгалтер мне на это публично указал. Но не обратил внимания на то, что после меня этот отчет завизировали пять человек, и они тем самым тоже отвечают за ошибку.

Этой весной случилась у нас на ферме беда: падеж телят. Мы виноваты, что несколько дней давали глубокостельным коровам незапаренную свеклу, а она была подморожена. Виноваты, что отелы спланировали неосторожно: поверили, что телят от нас вовремя заберут. А вот что кормили глубокостельных коров силосом не лучшего качества да соломой, а сена наши коровы не знают, что скученность телят была большая из-за того, что их от нас не забирали, — это, извините, не наша вина. И когда на собрании нам стали говорить об ответственности и добросовестности, правильно, на мой взгляд, ответила доярка Тамара Васильевна Носатова: «У меня, — говорит, — 14 коров растелились благополучно, в день сдаю по 150 килограммов молока, когда в рационе 6 кормовых единиц и 540 граммов протеина. В чем моя вина? Что я еще должна?» Это не попытка отгородиться от общей беды — попытка конкретизировать ответственность, перевести сознание на уровень экономического мышления. Доярка должна то, что должна доярка. Заведующая фермой должна то, что должна заведующая фермой. И так далее — по восходящей. Иначе никогда виноватых не найдешь, а значит, не найдешь и ответственных.

Весной стало известно, что ожидается большой паводок. То есть наше село совсем грози-

ло отрезать от мира. С кормами туго. Я, привыкнув, как и все, мыслить по-старому (то есть в данном конкретном случае добывать корма любой ценой), ездил в РАПО выпрашивать концентраты. Потом к председателю колхоза имени Крупской Николаю Ивановичу Никитенко: «Вы, к моей несчастной доле хоть каплю жалости храня, — вы не оставите меня!» Не оставил: дал жома.

Чувство товарищеской взаимопомощи, конечно, вошло в нашу жизнь, но полагаться только на него безответственно. Каждый должен научиться работать добросовестно, точно выполнять свою часть общего дела и не заедать труд других, как я, если смотреть объективно, заедала труд колхозников, у которых Николай Иванович Никитенко председателем.

Поймите меня правильно: я не за то, чтобы каждый замыкался только на своем деле. Я за то, чтобы свою работу, свою заботу на другого не сваливать. За точные оценки. Ответственность без точных оценок становится только делом совести. А совесть не у всех определяет поступки, пока есть возможность сказать: что это я один буду жить по совести, когда другие и без нее удобно устроились. Именно отсюда идет стремление «сбросить» ответственность, адресовав ее вниз или вверх. Человек в этом положении часто не хочет чувствовать себя личностью, раз спрос на личность нет. А если ты себе не позволяешь стать личностью, то и другим скорее всего не позволишь. Работает на нашей ферме скотником Анатолий Григорьевич Носатов (у нас полсела Носатовы). Золотые руки у человека, не терпит он бесхозяйственности, беспорядка, несправедливости. Сломается что на ферме — другие и заметить не успеют, а Анатолий Григорьевич уже чинит, не дожидаясь указаний. Но если вопрос, как говорится, не его компетенции — обязательно скажет, где видит непорядок. К примеру, построили новую ферму, асфальт к ней подвели. Все радуются. А Анатолий Григорьевич заметит: «До фермы в туфлях будете ходить, а здесь в сапоги переобуваться: двор-то не забетонирован, грязи будет по колено». И слывет наш скотник критиканом. И не хотят многие видеть, что претензии Анатолия Григорьевича всегда справедливы, а предложения — по делу. Когда ждали мы большого паводка, он не только говорил, что мы к нему не готовимся, он лодки делал. Когда колхозникам на дрова выписывали лес, он не просто сказал председателю, что бесхозяйственно переводить на дрова деловую сосну, — предложил заготовливать ее для того, чтобы построить новый сарай для телок, и сам же организовал работу. Но какой-то холодок по отношению к нему есть. И Анатолий Григорьевич его чувствует. Становится все более упрямым: «Еще резче выступлю!» Но все-таки хватает у нашего строителя объективности понимать, что у председателя колхоза много таких забот, с какими он бы на его месте не справился. Как-то его спросили: «Вот ты все критикуешь. А сам бы мог быть председателем?» Подумал. «Нет, — отвечает, — разве что заместителем». «А почему?» Подумал: «Характер

не подходит. Не говоря об образовании». К себе он, как видите, тоже строг и справедлив.

А справедливым быть трудно. Вряд ли и я это умею всегда. Помню, как, став заведующей фермой, обидела одну женщину. Ночь потом не спала, плакала. Теперь не плачу, «обгавкалась», как у нас говорят. Я не себя защищаю — только свое право видеть и судить. Ну, например, о том, что когда сдаем молоко на завод и бывают конфликты, связанные с определением качества, то это не случайно: сталкиваются «ведомственные» интересы. Сейчас на заводах действует госприемка. Разумно было бы организовать и на молокозаводах «нейтральные» лаборатории. На мясокомбинатах, кстати, тоже. Чтобы мы могли если не копейки, то хоть рубли считать. А пока и здесь действует принцип, что «следующей» инстанции виднее, чем «предыдущей». Или районное предприятие по ремонту сельхозтехники: сегодня они, меняя доильные аппараты, берут с нас 90 рублей, завтра — 300. Почему? Я хочу это понимать. Ведь все это ложится на себестоимость молока, надо же хотя бы знать, за что мы платим. Документация поступает дней через десять, пишет на выполнение работ тот, кто работы эти выполнял. А мы не знаем всех этих тонкостей. Знать же их нам нужно, чтобы уметь оценить выполненную работу.

С этого, собственно, и началась перестройка — все мы стали задавать вопрос «почему?». Гласность, демократизм исключают автоматическое подчинение. И хорошо, что люди сохранили стремление к самостоятельному суждению. Как мой покойный отец. Он всю жизнь работал в животноводстве, не считая военных лет, когда был солдатом. Для себя он писал стихи. Когда умер, я нашла в его бумагах целую поэму. Она называется «Как начинался колхоз». Я очень любила и уважала отца, но даже удивилась, насколько заинтересованно, трезво оценил он все перипетии колхозной жизни за десятки лет. Вот как он писал, например, о неудачном, на его взгляд, председателе:

Не было б войны сто лет —
Был Макаркин или нет?
Нет, наверное, не стал бы,
И никак не может быть,
Чтоб какой-то там Макаркин
Мог людьми руководить.

То было время, когда чуть весь колхоз не разворовали — даже дверь в конторе сняли, унесли.

Кончается поэма так:

Теперь предом стал Дадык,
Замечательный мужик.
Под конец о нем напишем...

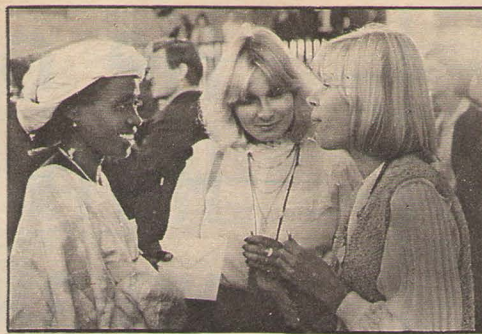
И все. Строчки обрываются. И я тогда подумала, что следующую страницу колхозной жизни писать уже нам. И кто-то будет это читать и о нас судить...

Фото И. ЯКОВЛЕВА.

Не оборвать НИТЬ ЖИЗНИ...

Пять дней, с 23 по 27 июня, работал в Москве Всемирный конгресс женщин, лозунг которого: «К 2000 году без ядерного оружия! За мир, равенство, развитие!» Он еще раз подтвердил, что для тех, кто дает жизнь человечеству, нет ничего важнее, чем сохранить мир на планете.

Приветствуя конгресс, Михаил Сергеевич Горбачев сказал: «Старинная притча гласит: три главные ценности есть на свете. Хлеб насущный, дающий жизненную силу и здоровье. Мудрость, заключенная в книгах и обеспечивающая связь времен. И женщина, не позволяющая оборваться нити жизни».

Чтобы сберечь, сохранить эту нить, и приехали 2800 участниц конгресса из 154 стран, с таким настроением и работали.

Дискуссии, обсуждения не кончались в аудиториях, они продолжались в холлах Международного центра торговли, Высшей школы профсоюзного движения, Центрального Дома туриста, гостиницы «Салют». В автобусах, во время обеда и потом до позднего вечера. Перерывов фактически не было.

У каждой женщины, приехавшей на конгресс, за плечами своя история, трудная, часто трагическая, и за ее же плечами жизни тысяч подруг по борьбе.

Англичанка Сэра Хиппенсон пришла в лагерь мира Гринэм-Коммон, выросший около американской военной базы, пять лет назад. Пятеро ее детей выросли, встали на ноги, и она, наконец, смогла очистить, как она говорит, свою совесть, которая мучила ее со времен войны во Вьетнаме. Каждодневный реальный протест — вот что такое лагерь в Гринэм-Коммон.

— Я уверена, что женщины могут помешать войне, если они объединятся и будут делать конкретное дело, — сказала Сэра участницам комиссии «Женщины за мир и разоружение».

На трибуну поднимается красивая черноволосая женщина в алом платье.

Обращаясь к женщинам-парламентариям, Исабель Маргарита Гумисо просит оказать поддержку в борьбе за освобождение женщин Чили, заключенных и сосланных по приказу Пиночета.

Голос срывается у пожилой делегатки из Бразилии. Тяжелым бременем ложатся на плечи женщин ее страны тяготы экономического кризиса и социальной несправедливости.

Бразилия, с таким большим

трудом добившаяся некоторых успехов в развитии, все еще имеет долг 100 миллиардов долларов. Страдают от этого в первую очередь женщины, чей труд, преимущественно в сельском хозяйстве, оплачивается мизерно, голодают дети.

Какие бы проблемы ни обсуждали участницы конгресса, будь то борьба с апартеидом, за ликвидацию дискриминации, социальное равноправие, участие в экономическом развитии своей страны, — все единодушно сходились в том, что главная и общая цель — прекратить гонку вооружений на Земле. Миллиарды долларов идут на создание оружия в то время, как миллионы людей голодают, умирают от болезней, не имеют крова над головой. Защита мира — это и защита, спасение обездоленных, измученных нищетою.

По мнению большинства участников Всемирного конгресса, он помог уяснить сильные и слабые стороны женского движения во всем мире, наметить стратегию на будущее. Этот форум еще раз подтвердил слова Михаила Сергеевича Горбачева, произнесенные на его открытии: «Именно в женщинах, которым природой предназначено хранить и продолжать человеческий род, идея мира обретает сегодня своего самого бескорыстного, самоотверженного и массового защитника».

И ЛЮБИТЬ, И БЫТЬ!

Собираясь на конгресс, его участницы договорились: давайте дадим всем возможность открыто высказаться. При обсуждении таких важных проблем, как сохранение мира, развитие, ликвидация насилия и дискриминации, важны все точки зрения, все мысли, потому что они выстраданы.

Может быть, поэтому на заседаниях комиссий дискуссии сменялись страстными монологами — каждый спешил высказать свое, наболевшее...

Действительно ли есть у женщин социалистических стран возможность работать наравне с мужчинами во всех сферах,

быть руководителями самого высокого ранга? И надо ли это женщине? Такие вопросы с большой заинтересованностью задавали представительницам социалистических стран.

Женщина прежде всего должна выполнять свое самое главное предназначение — быть женой, матерью, хозяйкой дома, заявляет оратор из Франции. (Участницы дискуссии в центре «Женщина и социализм» так увлечены, что не всегда называют свои имена.) Существуют социологические исследования, подкрепляет ее мысль делегатка из Швеции, в ходе которых были опрошены женщины 25 стран — министры, члены государственных советов, директора крупных предприятий. Выводы таковы: эти женщины, как правило, перегружены, переутомлены, сказывается на отношениях в семье, на воспитании детей, а в результате женщины-руководители недовольны жизнью.

Микрофон тут же перехватывает не менее эмоциональная представительница Болгарии: надо дать женщине реальное право выбора, и она выберет то, что соответствует ее естеству. Ученые стран, говорит она, провели незамысловатое анкетирование равного числа мужчин и женщин. В каком порядке, спрашивали они, исходя из ваших жизненных ценностей, вы поставите следующее: быть (то есть иметь социальное лицо), любить, иметь? Мужчины в абсолютном большинстве расположили эти ценности так: «Быть, иметь, любить». Женщины: «Любить, иметь, быть». Я не уверена, что именно так ответили бы женщины моей страны. «И любить, и быть!» — таков был бы наш ответ. Женщины знают, что им нужно, — право выбора.

В конференц-зале гостиницы «Салют» собрались женщины преимущественно европейских стран. Звучала английская, французская, испанская речь. Возглавляли работу комиссии «Насилие в отношении женщин» на этот раз норвежки. Они рассказали, с каким трудом им удается рассеивать миф о том, что сама женщина виновата, если ее

притесняет муж, унижает ее человеческое достоинство, избивает, плохо обращается с детьми.

Сейчас в Осло создано уже 60 так называемых кризисных центров, куда женщина может обратиться за помощью. В создании их очень помогли женщины — политические деятели. Если шесть-семь лет назад правительство категорически отрицало существование такой проблемы, то сегодня кризисные центры финансируются министерством социального обеспечения.

Во всех комиссиях, о чем бы речь ни заходила, делегатки с интересом знакомились с опытом Советского Союза и социалистических государств, где на деле утверждено социальное равенство мужчины и женщины. Особое внимание вызывали процессы демократизации советского общества, утверждение в нем открытости и гласности, справедливости и доверия.

ПОРОЗНЬ ПЕСНЯ НЕ СЛОЖИТСЯ...

В тот поздний час (встреча была назначена на девять вечера) организаторы советско-американского диалога не рассчитывали на большую аудиторию. Однако очень скоро зал наполнился до отказа. Все места были заняты, а делегатки все подходили, заполняя просветы свободного пространства.

Кто-то окликал знакомую из другого конца зала, кто-то приветственно махал рукой недавно обретенной подруге, кто-то уже деловито наговаривал в магнитофон первые впечатления.

— О, Мариетта, хелло!

— Мери? Неужели ты?

Неожиданные встречи вдвойне приятны. Год назад на одном из зарубежных симпозиумов было дано обещание встретиться в Москве. И вот радостный миг. Профессор Института философии Академии наук СССР Мариетта Тиграновна Степанянц и Мери Релжик, менеджер по специальным проектам фирмы «Травенол», обнялись, забросали друг друга вопросами.

Мариетта, автор трех солид-

ных философских трактатов, прекрасно владеющая несколькими языками, темноволосая, энергичная, как резко отличалась она от невысокой, кругленькой, уютной в каждом своем движении светловолосой Мери! Учеба в Иллинойском университете, работа, брак с югославским эмигрантом, двое детей, денежные трудности — у Мери судьба, каких тысячи. И если бы случай не привел ее в одну из старейших в Америке женских организаций, вряд ли так далеко на восток, за океан простерлись бы ее надежды в поисках мира.

193 тысячи членов насчитывает Ассоциация университетских женщин Америки.

— У нас есть главная цель, — рассказывала Мери Релжик. — Современной женщине в нашей стране, да и в любой другой, считаем мы, должны быть обеспечены три права: мир, справедливость, образование. Все эти понятия лежат, по существу, в сфере политики, так что наша организация глубоко политична. Вот почему приветственная речь господина Горбачева глубоко нас тронула — это образец миротворчества. Нас поразило, какие громадные средства тратятся в СССР на образование. Для сравнения приведу вот такие горькие для нас цифры: каждая средняя американская семья выплачивает ежегодные налоги в сумме 3800 долларов, из них лишь 1—2 процента идут на образование, а 53 процента — на военные нужды. И я думаю: такая ли уж нужда в этих «нуждах», особенно сейчас, когда от главного «противника» постоянно исходят самые реальные предложения разоружаться? Нас трудно теперь сбить с пути, запугать «советской угрозой»: ведь мир меняется и мышление американцев тоже...

Как бы продолжая эти мысли, другая делегатка конгресса, Мери Рит из Бостона, говорила о насущной необходимости мира:

— Мои взрослые дети отказываются иметь детей, потому что боятся бросить их в жерло ядерной катастрофы. Так что я могу не увидеть внуков, если мы не изменим мир к лучшему.

Был момент, когда казалось, что женщины собрались сюда, чтобы вместе поплакать, выплеснуть всю боль, которая годами копилась в их сердцах...

Но мужество пересилило. Слово взяла Барбара Витнер, вырвавшая 10 детей, имеющая 12 внуков, основательница популярного в США и других странах общества «Бабушки за мир»:

— Хватит нам жаловаться! Сейчас другое время — время действий. Десять раз я подвергалась арестам, но готова снова пережить любые испытания ради дела мира. Мы, американки, не поддерживаем ядерные и космические игры нашего правительства. И пусть администрация Рейгана знает: мы не отступим!

Как бы подтверждая эту решимость, Джин Блюмлитман со спокойной деловитостью предложила:

— Давайте создадим ударные группы по ключевым вопросам — наука, политика, экономика, образование и так далее. Эти ударные группы должны оказывать

постоянное давление на руководство по всем доступным им каналам. Ведь если не подталкивать правительство в сторону разоружения, оно и не будет двигаться. Сегодня надо говорить не о сокращении производства и продажи оружия, а о его уничтожении. Если не будет оружия, нечем будет и торговать, нечего будет и сокращать. Это единственная дорога к безъядерному двухтысячному году!

Зал снова заплодировал, а Мариетта Тиграновна с удовольствием заметила:

— Рада, что мы достигли такого единодушия. В сущности, все в мире развивается диалектически, в том числе и наши отношения с американцами. Сначала шел период роста неприязни друг к другу. Затем период выяснения отношений — кто в чем виноват. За ним пришло время принимать конкретное решение, и я горжусь тем, что наша страна проявила здесь несравненно большее благоразумие, большую мудрость, если хотите...

Долго не расходились женщины: обменивались адресами, сувенирами. И тут удалось наконец задать вопрос обеим одновременно — и Мери, и Мариетте:

— Так что же между вами обещано?

Они обнялись и рассмеялись почти по-девчоночьи:

— Да очень многое! Во-первых, мы женщины. Во-вторых, матери.

В-третьих, дочка Мери изучает философию, мечтает быть таким же серьезным ученым, как Мариетта.

Ну, а в-четвертых, вернее, прежде всего, обе эти женщины живут мечтой о мире, о счастливом будущем голубой планеты. И так естественно их голоса влились в хор, исполнивший песню, специально написанную для Всемирного конгресса женщин. Пели обнявшись. Ведь порознь песню о мире не сложишь.

**Н. ГОРШКОВА,
В. ХАНАДЕЕВА**

Фото Г. КОПОСОВА и
Б. ЗАДВИЛЯ

Э то может показаться странным, но свою тетку Гелену я не помню молодой. Будто она всегда была такая — седая, в морщинах. А может, я просто раньше к ней не присматривалась и только теперь разглядела? Не помню я тетку и отдыхающей. Те случаи, когда она гостит у нас в городе и ложится спать в одно время со всеми, не считается: гость — невольник...

У себя дома она в постоянном движении. Все спят, тетка еще ходит. Утром встали — она уже на ногах. На дворе, у колодца, в летней кухне. Нет ее в поле зрения — значит, пошла косить траву для бычка.

— Чччерт! — говорит Гелена о рогатом иждивенце. И это тройное «ч» звучит смачно, как знак восхищения, превращая бранное слово в комплимент. — Чтоб я на следующее лето еще такой крест брала... Да ни в жизнь! Пущу всех на колбасу, положу для похорон денег на книжку, и пусть меня даже святые угодники умоляют брать скотину на откорм — во я им! — И тетка так звонко щелкает пальцами, что собака на кухне под столом просыпается и тявкает с перепугу.

— Ну, конечно, — соглашаются тетнины дочь с зятем. Кивает головой теткин муж, в обиходе называемый просто Папочкин. И мы, гостящие у тетки, тоже присоединяемся к этому согласию. Да, все мы очень хорошо помним: в прошлом году Гелена давала точно такое же обещание. Те же слова были и в позапрошлом. Вот только щелчки, по-моему, из года в год становятся звонче. Наверное, потому, что каждый откормленный для колхоза бычок все тяжелее и глаже...

Удивив нас очередным щелчком, тетка одной рукой срывает платок — жарница! — а другой хватается с остывшей плиты тарелку с оладьями, уже потемневшими и похожими на подошву. Наступило время теткиного завтрака. Правда, мы тетку звали к столу, когда сковородка еще шворчала. Но Гелена в это время как раз мыла у пруда картошку для свиней.

— Все просят и просят... Стоит мне через дверь перейти, как они — в крик! И как они знают, что это я там хожу? Ну умные, чисто студенты! Вот только дожидаться холодов — всех на окорока! Я тоже хочу пожить на волюшке, вольной, хоть разок в этой жизни передохнуть.

Правда, представления об отдыхе у Гелены весьма неприязнительные. Развлечением она согласна считать даже поход в сельмаг за два километра. Только тетка должна туда пробираться по-партизански, огородам и задворками. Иначе корова увидит хозяйку уходящей и подаст такой голос, который, наверное, и называется иерихонской трубой.

Рассказывая о корове, тетка от души смеется, ее даже раскачивает от веселья.

— Как только увидит меня на дороге, бросает самую лучшую траву, начинает носиться по кругу, точно рысак, и оре-ет, оре-ет... У магазина слышать. Конечно, знаю я эту шельму, но все одно мне каждый раз кажется: может, она ногу сбила, может, ее гадюка укусила. Или еще что. И я бегу домой, бегу, а сердце вот-вот выскочит...

Раз в год, в середине лета, тетка Гелена на несколько дней уезжает навестить сестру, а заодно и поклониться могилам родителей. Но за это короткое время в доме все становится вверх тормашками. Куры, бросают насиженные гнезда и начинают нести в крапиве. Пеструю кошку кто-то запирает в платяном шкафу. Ни с того ни с сего собирается и улетает пчелиный рой, да с такой поспешностью, будто у него поезд уходит. И если наряду со всеми этими событиями еще прошла гроза, обильным ливнем замочив все скошенное сено, то и это можно отнести к непорядкам, порожденным теткинским отсутствием. Поэтому зять, встретив тетку на вокзале, везет ее домой на своих «Жигулях» осторожно и все домашние новости рассказывает постепенно.

Но тетка ничему не удивляется. Она только кивает головой и говорит скорбно:

— Конечно, разве же на вас что-нибудь можно оставить...

Домочадцы с этим соглашаются. Они бесконечно рады, что тетка наконец дома, что она положит конец этой кутерьме, взяв бразды в свои руки.

Тетка так и делает. Быстренько снимает выходное платье, второпях выпивает ковш холодной воды и мчится вершить дела, попутно раздавая клятвы: вот еще только этот год такая каторга, вот припасу немного для похорон...

— Мне много не надо, «Жигули» покупать не собираюсь. — Она косит взглядом на зятя. — Коньяком тоже не интересуюсь. — Это уже камешек в Папочкин огород...

— Тебе бы, мама, зубы вставить, — говорит теткина дочь.

— Да, вот это надо, — тетка соглашается. — А то уже действительно скоро простоквашу не раскусишь.

Зубы начали крошиться еще в войну. Как дети пошли. Многого тогда детям не хватало. Вот они и брали у матери, даже из зубов. Но разве для детей чего-нибудь жалко? Да, вот когда она пустит на колбасу и окорока всех нахлебников из хлева, всех этих «чччертей», тогда поедет в город. Пойдет к зубному врачу. Потом к тому, что кости лечит, тоже. В пошивочной мастерской новое платье закажет. Возможно, даже в парикмахерскую заглянет — во!

— А что? Разве я не имею права пожить на волюшке вольной? — Тетка ставит вопрос ребром. А глаза сияют таким светом, что я вдруг вспоминаю ее рассказы о далекой молодости и танцах-вечеринках.

Тетка Гелена считает, что повеселилась в самый раз. Хозяин, у которого она батрачила, пять раз на гулянья отпущал. Некоторым и этой малости не было дано. А у нее все же пришлось пять гулянок на пять лет работы в чужом хлеву.

На шестой год тетку сосватали. У жениха был клочок земли, очень нуждающийся в хватких Гелениных руках. Всякое в жизни было. Но, несмотря на это, при каждом удобном случае тетка говорит, что вышла замуж по любви. А невезения, беды разные... Куда от них денешься? Хотя бы с ногой. Ломала дважды. Кость срослась неровно, и из-за этого тетка прихрамывает.

Летом дом постоянно полон гостей. Но я никогда не видела тетку недовольной.

— А зачем тогда на свете жить, если людей не привечать? — Тетка говорит, помешивая в большой кружке парное молоко. — Беда с этими городскими детьми, не хотят пить теплое. Да какой с них спрос? Они настоящего-то молока не знают. — Тетка вздыхает и жалеет.

Настоящий праздник в теткинском доме собирается только поздней осенью, на Папочкины именины. Тогда варят холодец, творят торт из трех десятков яиц и делают клюквенный квас. И еще на эти именины обязательно топят баньку. Кто хочет, может чередовать застолье с березовым венником.

— Так то у мужиков, — считает тетка, — занятие есть. А вот за бабами глаз да глаз нужен! Такое вытворят, батюшки-светы!

Ты только послушай, что было в прошлый раз. — Тетка никак не может успокоиться. — Ты послушай... Значит, все уже попарились, остался только тот молодой шофер с молоковоза. И тут-то я слышу, как Мария шепчет Анне: «Давай пойдем в окошко подглядим...» Как встала я в двери, так и не пустила этих бесстыдниц! А парню потом говорю: «Я твою честь спасла, сынок». Он хохочет, заливается: «Зря, тетенька, надо было бы пустить...» И они заливаются, что надо мной так подшутили. Вот какой народ пошел, что ты скажешь!

Но это не значит, что на следующие именины Марию с Анной не пригласят. Будут, конечно, и они, и другие, которым тоже палец в рот не клади. Да и сама тетка говорит:

— Что за гульба без шуток? Молодым надо подурчиться. Кровь лучше перебродит — в старости легче.

У самой тетки тоже язык подвешен — будьте здоровы. Она может посреди всего народа спросить колхозного бригадира:

— Ты придешь на осенний праздник с женой или, как прошлый раз, за девками с прискоком?

А то встанет на общем собрании:

Многие из тех, кто стоял у истоков колхозов, не получали за свою работу никаких наград, да тогда их и не давали. Написала слово «награда» и вспомнила свою тетку Гелену, которая, считай, всю жизнь проработала в колхозе имени Ленина и сейчас там живет. — Как это мы не получили награду? — спросила бы она. — А разве вся наша жизнь в родной деревне, жизнь, которую молодые считают обидной, разве это не награда? Наверное, так оно и есть. Точно — так! Тетке моей надо верить.

В

МЮШКА ВОЛЬНАЯ

Насилу упросил наш фотокорреспондент тетьу Гелену посидеть спокойно, чтобы сделать этот снимок.

— Погодите голосовать за зоотехникову премию! Он ведь каждый день под мухой. А зарплата идет. Что же это получается: жирному борову еще и бока салом натирать?

Иногда после таких теткиных речей зять предлагает ей брать колхоз в свои руки. Тетка отвечает всерьез:

— А кто дома за живностью будет смотреть? Чего хмыкаешь? Вот расхаживаете теперь тут все при галстуках, в чистых рубашечках. Потому что в свое время такие, как я, вот этими руками.— тетка трясет кривыми, потрескавшимися пальцами.— вот этими самыми колхозный воз вытянули из канавы.

За то, что этот воз тянула добросовестно, тетка Гелена получает пенсию. Каждый раз, когда приходит почтальон, она не перестает удивляться, откуда государство берет тьму-тьмушущую денег, чтобы платить всем старикам. Только в ближайшей окрестности, по ее подсчетам, их человек двадцать.

Но в повседневных разговорах тетка считает себя вне этой двадцатки. Выше! Разве она еще не носится, как жесть по ветру? Вот только перед сменой погоды спину ломит, моченьки нет. Хочешь не хочешь, присядешь. А сидеть просто так тетка Гелена не умеет. Она устраивается на кухне перед плитой чистить картошку. Заодно, чтобы время даром не терять, наставляет домочадцев по поводу своих похорон:

— Так вот, вся одежда в моем шкафу, в прозрачном мешочке. Чтобы эта зараза, моль, не сожрала. Чего дергаетесь-то? Сколько было случаев — в переполохе уложили покойника без рубахи, потому что под рукой не оказалось. Так вот — на голову наденете коричневый платок. Ну и что, что не шелковый, зато на лоб не сползает. А с чулочным поясом ко мне и не подходите! Я сама пошила резинки, мягонькие. Рубашку белую, без всяких там цветочков и ягоек. Потом — розовую кофточку, а то платье будет кусаться. Такую нынче грубую шерсть делают, руки бы им оборвала! Вот с обувью беда... Ну, ничего, куплю себе тапочки, в которых городские дамочки по своим паркетам ходят. Мне нужна удобная обувь, а то я с места не двинусь.

— И куда же ты там собираешься разгуливать? — Тут уж Папочка не может удержаться.

— Не лезь со своей ложкой в чужой горшок! — Тетка сердится, что ее перебили.

— Ну, мама, перестань ты наконец! — Теткина дочь уже давно вытирает глаза.

— А чего?! — Тетка вскидывается, забыв о больной спине.— Не скажи вам десять раз, обязательно чего-нибудь перепутаете...— Тут она замолкает, прислушивается: никак боров в хлеву опять загородку ломает.

На спокойно стоящую тетку Гелену я могу посмотреть только вечером, когда солнце уже почти село. Закат серебрит осины на опушке леса, с востока идет туча, и свет борется с тенью. А посреди двора у жасминового куста из консервной банки лакают молоко кошки, и тетка стоит рядом. Конечно, кошки со своим ужином вполне справились бы и без пригляда, но тетка, мне кажется, стоит над ними потому, что ищет себе еще какое-нибудь дело. Будто за день не наработалась. Она смотрит на пустой двор. На песочницу у крыльца. Там играл внук и оставил уйму всякой техники. Тетка подходит, ставит ее в рядок.

Потом, уже в белых летних сумерках, я слышу, как тетка Гелена ходит по дому. Скрипнет половица, звякнет подойник, упадет ложка со стола на кухне. И мне кажется — это с хозяйкой по-своему разговаривает сам старый дом. С этой мыслью я засыпаю в полной уверенности: ничего плохого в мире не может случиться, пока такие тетки Гелены ходят по этой земле.

Моника ЗИЛЕ

Колхоз имени Ленина,
Огрский район,
Латвийская ССР.

Фото Н. СОФРОНОВОЙ.

Здравствуй и

Автовокзал на окраине небольшого города Старица Калининской области. Воскресное утро. Подходит автобус из Калинина. Среди пассажиров сразу заметны люди не здешние. С интересом, а кто и с робостью оглядываются, спрашивают, где гостиница. Как пройти в райком партии, в РАПО, как добраться до колхоза «Искра» или «Ленинский путь»?

Местные жители, отвечая, нет-нет да и спросят: из «Крестьянки»? И сразу куда девалась робость! Да, да, из «Крестьянки»! Про ваш район писали, вот журнал... Так куда идти-то?

Для начала — в гостиницу. Она одна в Старице, неподалеку от вокзала. У дежурной тот же вопрос: из «Крестьянки»? Словно пароль спрашивают. И устраивают на ночлег, хоть и без особых удобств, зачастую на раскладушке. Но, бывает, и отказывают.

— Сегодня двоих завернула, вы уж не сердитесь, Олег Сергеевич. — сказала молодая уже дежурная Плетневу, первому секретарю райкома партии, когда он заехал вечером в гостиницу «узнать обстановку».

— Размалеванные обе с папиросками. Где, говорят, тут женихи у вас побогаче. Ну, я им от ворот поворот и сделала... А пятеро девчат сами уехали. Грязи, говорят, у вас много. Я уж объясня-

ла, что это после дождев, но они и слушать не стали. А ведь издалека приехали — с Алтая, из Казахстана. Легкий на ногу народ нынче пошел...

Что верно, то верно: легкий на ногу народ. Прочитав в «Крестьянке» (статья называлась «Глаза боятся, а руки делают») о районе, где не хватает рабочих рук, особенно женских, где парням зачастую невесту не найти, в Старицу только за первые три недели после выхода майского номера журнала приехало более тысячи человек. И не только девушки и молодые женщины, приехали и семейные люди, и холостяки.

Несколько дней подряд, поселившись в той же гостинице, я до поздней ночи беседовал с приехавшими. Каких только историй не наслушался! К каким только проблемам не приобщился! И слез посмотрелся, и улыбок. Об этом напишу подробно в следующий раз, а пока расскажу читателям о том, что сейчас происходит в Старицком районе, и отвечу на некоторые вопросы.

В общей сложности на публикацию откликнулось более девяти тысяч человек, к тому же многие письма за двумя, тремя или более подписями (есть и за десятью, и за двадцатью). Какова судьба этих писем, кто и что на них отвечает?

Вот три из тысячи, полученных правлением колхоза «Ленинское знамя».

От семьи Коночкиных из Чучковского района, Рязанской области.

Жена — доярка, муж — тракторист. Ребенку полтора года. Неблагоустроенное жилье, запущенное хозяйство — и ферма, и машинный двор. «Надоев в моей группе коров нет, плохо с кормами. Муж только считается трактористом, трактор у него на ремонте, а запчастей нет». Спрашивают, есть ли работа для доярки и тракториста, жилье, детясли.

Ответ председателя: «Все, что просите, у нас для вас есть».

Вот, казалось бы, и счастье людям. Но почему же нет им счастья в родной Рязанской области? Ведь не бог вещь что хотят! Самое насущное. Несколько лет назад из-за отсутствия этого самого насущного опустела Калининская область, вот только недавно подниматься начала. Так что же, теперь Рязанской, и сейчас не очень-то людной, черед настал? Пока там хватятся, начнут условия создавать, не одна семья Коночкиных уедет...

Что интересно, думают об этом в Рязани, в колхозе «Дружба», из которого хотят уехать доярка и тракторист?

Второе письмо из Орска Оренбургской области. Семья Битюковых (жена — бух-

Прочитав в «Крестьянке» (статья «Глаза боятся, а руки делают») о районе, где не хватает рабочих рук, особенно женских, где парням зачастую невесту не найти, в Старицу только за первые три недели после выхода майского номера журнала приехало более тысячи человек.

Крестьянка

галтер, муж — сварщик, тридцатилетние, детей нет). Спрашивают о работе, жилье, природе: есть ли рядом лес, речка. Хотелось бы устроиться, а потом взять к себе маму.

Ответ председателя: «Работа и жилье есть. Лес рядом, речки нет. Маму можно брать сразу».

А на правлении, где письмо обсуждалось, сказал: «Для бухгалтера и сварщика, если приедут, мы и пруд выроем, раз уж речки нет. И карасей разведем».

Вот как нужны здесь специалисты.

А если нет специальности, есть только молодость и надежда на счастье?

Не буду называть имя автора письма, но несколько строк приведу: «Мне 25 лет. Не замужем. Специальности сельскохозяйственной нет, но работы не боюсь никакой. Хотела бы работать и учиться, а может быть, и личное счастье найти».

Ответ председателя: «Если желание Ваше искренне, приезжайте. Работы много, но трудной. Учиться напомним по любой нужной колхозу специальности».

Более пятисот человек уже получили примерно такие ответы от председателей колхозов, от Старицкого РАПО. Около трехсот (семейных и одиноких) уже работает в районе. Пополнились фермы, телятники, машинные

дворы. Оживилась служба быта, открылись пустовавшие магазины в деревнях, появились квалифицированные воспитатели в детских яслях и садах, школы комплектуются учителями, а фельдшерские пункты — медиками. Людно стало в клубах. Насчет свадеб пока умолчу, но, думаю, к осени районному загсу и сельсовету работы прибавится: сужу по активному вниманию сельских холостяков к приезжим. Так что дома и квартиры, где поселились одиночки, скоро снова станут свободными. Пока весь пустовавший жилой фонд практически заселен. Но строительство новых домов и целых улиц идет полным ходом.

Это пятисот писем. А что с остальными? Их, напомним, тысячи. Большая часть писем передана в районные агропромышленные объединения, в областной агропром — квалифицированные люди нужны и в других местах. Руководители районов и областных организаций внимательно знакомятся с каждым письмом, откладывая в сторону те, где скучающие девчата просят подробнее рассказать о каждом из трех парней с обложки «Крестьянки» или дать адрес другим холостым ребятам: извините, но отвечать недосуг. А на серьезные, деловые предложения отвечают тоже по-деловому. Так что пусть

не удивляются читатели журнала, что писали в редакцию, а ответ получают из Старицы, Калининской области.

Вот на этом и закончу. Дело только началось. И письма идут, и люди едут. Не на каждое письмо принесет почтальон желаемый ответ, не у каждого автобусного билета «счастливый» номер. Но надежда всегда с нами.

О том, как сбываются надежды, а если и не сбываются, то почему, расскажу в следующий раз. Так и назову очерк — «Надежда».

Валентин СЕРГЕЕВ

Калининская область.

Фото Е. МАТВЕЕВА

Когда Галина Максимовна окончательно выздоровела, она пришла в правление колхоза с просьбой направить ее в доярки.

Председатель растерялся.

— Вы никогда не работали со скотом, — сказал он. — У вас даже своей коровы не было...

— Научусь.

— Да поймите, Галина Максимовна. — Олейников положил заявление на стол. — ведь на ферме работать — это не бумажки в конторе перебирать. А у вас, извините, руки-ноги покалечены.

— Врачи сказали, все хорошо. Можно работать.

— Ну, я не знаю. — председатель развел руками. — Попробуем. Если тяжело станет, уйдете в контору.

— Спасибо. — Галина Максимовна, прихрамывая, вышла из кабинета.

С приходом Галины Максимовны на ферму в семье Верховиных наступил наконец ощутимый перелом к лучшему. Теперь даже самые злые языки не могли упрекнуть их в иждивенчестве. Галина Максимовна впервые за долгие месяцы вздохнула свободно. Доставалось ей, правда, на ферме до кровавых мозолей и пота, но ничего — потихонечку дело ладилось. Коровы в ее группе стояли чистыми, сытыми, обихожеными. Если признаться, то боком выходило ей все это. За день, бывало, так изматывалась, что насилу доползала домой. Валилась на диван в полном изнеможении и порой даже не чувала, как Нина или Люба стаскивала с ее ног сапоги...

Нина росла крепышом. Ее не брала никакая простуда, никакой грипп. Энергичная, не по годам рослая, она с утра до вечера вертелась как юла.

А вот Люба Галину Максимовну тревожила — не по-деревенски хрупкое и болезненное создание, постоянно углубленное в какие-то свои думы.

И Галина Максимовна, и Нина всячески

оберегали младшую, и она платила им тихой любовью, от которой, как от вечернего летнего света, тепло и покойно делалось на душе.

Впрочем, вскоре и мать, и односельчане взглянули на Любу с иной стороны.

...Однажды учительница Антонина Трофимовна пришла в класс взволнованная, бросила на стол стопку тетрадей, журнал и, поздоровавшись, резко сказала:

— Верховина — к доске. — Удивленные одноклассники уставились на Любу, которая сидела за второй партой крайнего ряда возле окна. — Запиши условия задачи.

Люба подошла к доске, взяла мел и стала писать цифры. Почти сразу она вывела на доске и ответ.

Антонина Трофимовна обратилась к классу: — Проверьте ответ по учебникам.

Зашелестели страницы — класс оживился.

— Правильно! — крикнул наголо остриженный лопухий мальчик, сидевший напротив Антонины Трофимовны.

Все остальные хором подтвердили.

— Найди еще какую-нибудь задачу. — сказала Антонина Трофимовна, обращаясь к стриженному.

— Вот эту мы не решали. — сказал он.

— Диктуй.

Мальчик продиктовал. Одна минута, и задача была решена.

— Надеюсь, теперь все удовлетворены. — сказала Антонина Трофимовна, повышая голос и глядя в дальний угол, где сидела Люба Макарова. — Или еще кому-нибудь взбредет в голову нелепая мысль, будто Верховина лишь потому стала отличницей, что я питаю к ней какую-то особенную слабость? Ее, видите ли, люблю больше всех и поэтому ставлю пятерки. Ведь это ж надо додуматься до такого!

— Я этого не говорила. — сказала Люба Макарова, вставая.

Девочка, сидевшая на соседней парте через проход, повернулась к ней и сообщила с места:

— Говорила, Людочка, говорила, что Верховина получает пятерки по блату.

— Выражение-то какое! — воскликнула Антонина Трофимовна. — «По блату»! Где только нахваталась таких словечек. стыдно, Макарова, садись!

Людмила села за парту, и класс затих.

— А пусть Люба решит задачу с «хэ», — предложил стриженный мальчик.

— Во-первых, — сказала назидательным тоном Антонина Трофимовна. — это не «хэ», а икс. Во-вторых, такие задачи и примеры решать будем еще не скоро, в третьей четверти.

— А может, она решит. — возразил Колосов.

И Люба решила. Весь этот необычный урок она решала самые сложные, никому, кроме Антонины Трофимовны, не знакомые задачи...

Слух о Любе докатился до районного центра. Из газеты прибыл корреспондент, молодой и в очках. Но в ближайших номерах никаких сообщений о Верховиных не появилось. А заведующий районо сказал директору школы, что, мол, случаи, когда особо одаренные дети опережают на два-три года своих сверстников, теперь не редки, поэтому шума поднимать не стоит.

И все-таки односельчане гордились тем, что Любу причислили к разряду особо одаренных, и на все лады пророчили ей блестящее будущее. И вот тут как раз и подоспели новые события, и началась та самая загадка...

Однажды, придя, как обычно, в пять утра на работу, Галина Максимовна увидела, что кормушки битком набиты люцерной, а чан для приготовления корнеплодов полон отборно крупной брюквы.

Галина Максимовна разыскала Анфису, которая дежурила ночью и теперь возилась в кормокухне, и спросила строго:

— Кто был в моей группе?

— А я откуда знаю? — Анфиса пожалала плечами и зарумянилась. — А что случилось?

— Как что? Все сделано. Послушай, а может, это ты группы перепутала? Ошиблась?

— Я ошибаться не люблю, от этого одни неприятности. — ответила Анфиса и засмеялась: — Дед Мороз приходил...

А утром вчерашняя картина повторилась в точности. Галина Максимовна делала вид, что не замечает шушуканий доярок, однако не выдержала и в удобный момент остановила Анфису:

— Скажи, пожалуйста, что происходит.

Анфиса рассмеялась.

— Я ж тебе вчера сказала, что приходил Дед Мороз.

(Окончание. Начало в № 7.)

Анатолий СЕМЕНОВ

Коровка, коров

— Что ты глупости-то городишь? Какой Дед Мороз? Мужчина, что ли?

Анфиса прыснула и убежала.

Творилось что-то необъяснимое. Уж чего-чего, а за время своих бед Галина Максимовна, кажется, досыта натерпелась людских переглядываний, но то, что происходило теперь, было даже ей в диковинку. В магазине, куда она вошла, разом прервались разговоры; в конторе, где полным-полно набилось мужиков, ее встретили лукавыми взглядами, а в кабинете председателя, где находился и секретарь парторганизации Шитиков, произошел разговор до того странный, что у Галины Максимовны чуть сердце не зашло от смущения.

— Корова у меня захромала,— сказала Галина Максимовна.— Надо бы прислать ветеринара, а то скажут: у хромой доярки и коровы хромые.

— Ну-ну, не приbedняйтесь,— с улыбкой ответил председатель.— Нам хорошо известна обстановка в вашей группе.

И тут Шитиков, отвернувшись, стал чесать в затылке. Председатель, чувствуя, что сболтнул лишнее, порозовел и стал что-то искать на столе. Не чуя под собой ног, Галина Максимовна вышла из кабинета и закоулками пробралась к дому.

Одно было ясно: мужчина холостой, иначе его нелепых ухаживаний на селе не одобрили бы. Но кто он? Да и глупо как-то: кому она нужна — покалеченная да с двумя девчонками на руках...

За полночь Галина Максимовна, крадучись, вошла в коровник и спряталась в закутке из досок, в котором хранилась солома для подстилки. Соломы было навалено много, и Галина Максимовна, у самой стенки приготовив себе наблюдательный пункт, стала дожидаться, когда войдет тот, кого она хотела и страшилась увидеть...

В половине третьего дверь скрипнула, и сердце у Галины Максимовны сжалось.

— Здравствуйте! Проходите. С чего будете начинать? — спросила Маргарита.

— Сначала загрузу брюкву, потом сена на-таскаю.

Не доверяя своим ушам, не желавшим признавать, несомненно, знакомый голос, Галина Максимовна припала к щели и тотчас же отпрянула: перед ней, точнее, в десяти шагах от нее забрасывал в мочечную машину брюкву Виталий Константинович Завадский.

Три года назад при тяжелых родах скончалась его супруга. Смерть жены, казалось, от-вратила его ото всех женщин: за три года ни

одна не удостоилась его внимания. В школе он преподавал историю, но при надобности мог провести урок труда или физкультуры. И вот такой человек остановил свой выбор на Галине Максимовне.

Маргарите, видно, не сиделось на месте, так и подмывало завязать разговор. В который уж раз заглянув в дверь, она наконец решилась и, величаво ступая, приблизилась к стойлу.

— Как дела, Виталий Константинович?

— Идут помаленьку,— откликнулся учитель.

— Не надоело еще ходить сюда?

— Что вы, мне нравится. Я ведь просыпаюсь рано, для меня это как разминка, а Галине Максимовне все же помощь.

«Пожалел,— покачала головой Галина Максимовна,— пожалел! Если сейчас выйти из закутки и вырвать вилы из рук Завадского... Спокойно!» — сама себе приказала она и, стараясь ступать искалеченной ногой как можно легче и от этого хромая сильнее обычного, вышла из своего убежища.

Маргарита вскрикнула. Глядя потемневшими глазами прямо в его глаза, Галина Максимовна глухо проговорила:

— Не надо приходить сюда. Люди смеются.

Виталий Константинович растерянно оглянулся на Маргариту.

— Галина Максимовна,— проговорил он,— честное слово...

— Не надо,— сказала Галина Максимовна,— не надо сюда приходить.

— Это кто же смеется-то?! — завопила друг Маргарита.— Не верьте ей, Виталий Константинович, не верьте!

Учитель совсем растерялся. А Галина Максимовна повернулась и пошла к выходу.

— Галина Максимовна! — крикнул Завадский, когда она уже достигла дверей.— Погодите!

Она не остановилась. Захлопнула дверь и налегла на нее спиной...

За день Галина Максимовна окончательно успокоилась, вернее, перестала думать о Завадском. Было не до него: Любу направляли на математическую олимпиаду в Новосибирск.

О Завадском она вспомнила только под утро, когда прозвенел будильник. Утро было холодное, ветренное, злое. Галина Максимовна прямо-таки обрадовалась, когда добежала до фермы. Юркнула за дверь, в тепло, и обомлела: опять ее коровы жевали сено.

«Да что я ему, девчонка: что ли? — вспыхнула Галина Максимовна.— Смеяться взду-

мал...— И, осерчав, решила: — Пусть ходит! Надоест — перестанет!»

Терпение Завадского казалось неистощимым. Доярки уже не встречали Верховзину подмигиваниями и улыбками, похоже, что и им надоела эта затянувшаяся комедия в одном и том же действии...

Но всему бывает конец. В одно прекрасное утро кормушки оказались пустыми.

— Ну, вот и все,— сказала Галина Максимовна. Постояла-постояла, взяла вилы и пошла за сеном.

— А может, заболел? — высунулась из кормоцеха дежурная Анфиса.

— Наоборот. Выздоровел...

Вечером Галина Максимовна справляла свой день рождения. Гостей не звала. Но дочери втихомолку испекли пирог, стол накрыли.

Мать вошла в дом, а в доме — праздник, все блестит, сверкает. Галина Максимовна даже всплакнула от умиления: доченьки в мои родненькие! Пришлося и самой нарядное платье надеть. Только прихорошилась, а тут и гости. Целой гурьбой ввалились доярки. С шумом, гамом, с поздравлениями да подарками.

Не успела одних приветить, как снова дверь распахнулась — чуть ли не все правление во главе с председателем и парторгом. Спасибо хоть вареньем запаслась да с пирогом доченьки не подкачали. Наелись-напились гости досыта. Наладились уж песню затевать: Анфиса подперлась ладошкой и тонко, высоко вывела: «Ой, цветет калина...»

В эту минуту в дверь постучали.

— Входи, свой будешь! — крикнула, не переев духа, Анфиса.

Дверь отворилась, и за столом все оцепенели. С огромным букетом шагнул в комнату, щурясь от яркого света, Виталий Константинович Завадский.

Галина Максимовна не заметила, как разошлись гости, как затворились в своей комнате дочери. С момента появления Завадского она находилась как бы в забытьи: все вроде делала правильно, да бессознательно. Опомнилась лишь, когда почувствовала, что Виталий Константинович держит ее руки в своих. Кажется, до этого они о чем-то беседовали, и она, кажется, отвечала, потому что Виталий Константинович горячо продолжал:

— ...выходите за меня замуж, и все разговоры прекратятся.

Галина Максимовна отняла свои руки и, сторонясь его глаз, то ли сказала, то ли спросила:

Рис. С. СИТНИКОВА.

ка, дай молочка

О ТРАКТОРЕ И О СЕБЕ

— Но ведь для этого нужна любовь...
 — Да, конечно,— подхватил Завадский и осекся.
 — Извините,— сказал он чуть спустя.— Извините.

Он поднялся из-за стола, высокий, ладный, в новом костюме, и, склонив голову, приблизил руку Галины Максимовны к своим губам.

Наутро все село знало, что Виталий Константинович Завадский уезжал в город, привез оттуда тридцать пять роз Галине Максимовне, на дне рождения которой была уйма народа и в том числе председатель колхоза. Но всего поразительней было то, что с не меньшей убежденностью судачили о том, чего никто вроде не мог видеть, а именно: что Завадский объяснился в любви и поцеловал Максимовне руку, после чего — и этого никто не мог растолковать — встал и вышел. Если бы он остался в доме, то все было бы понятно, но его уход переворачивал все с ног на голову.

Загадку могла разрешить только сама Максимовна, к ней и обратилась в окружении доярок Анфиса. Галина Максимовна, услышав подробности, ахнула, нагнувшись на Анфису, которая испуганно попятилась и покраснела.

— Все ясно,— сказала Галина Максимовна.— Подглядывала.

— Да не томи ты душу,— не выдержала Дарья.— Ну подглядывала! Чем дело-то кончилось?

— А ничем.
 — Отказала, что ль? — не поверила Дарья.

Нескладная Евдокия Муравьева вдруг обхватила обеими своими ручищами укутанную в платок голову и, запричитала:

— Ой, бабоньки! Ой, подруженьки! Это что же такое на свете-то делается?!

Прошло время. Любу Верховзину, студентку-первокурсницу, в центре города окликнул незнакомый мужчина. Выражение его лица было и растерянным, и напряженным одновременно.

— Вас Любой зовут? — спросил он.
 — Да.— Люба растерялась.— А откуда...
 — Потрясающе,— перебил ее мужчина.— Помните корреспондента?

Люба кивнула.
 — А я вас отлично помню. Я ведь хотел тогда о вашей семье очерк написать, начал уже, да силенок не хватило. Но вы мне очень, очень нужны. Я вас теперь долго не отпущу. И не надейтесь. Все выясню.

Потом они сидели на скамейке в парке, и Люба вела рассказ легко и охотно, без всяких понуканий. Андрей Иванович лишь изредка уточнял:

— Так, значит, доярки маме форменный бойкот объявили?

— Верно! — смеялась Люба.— Даже разговаривать не хотели, уж очень обидно им было за Виталия Константиновича. Но мама держалась, хотя сама, конечно, переживала. Впрочем, вскоре все наладилось. Виталий Константинович начал опять приходить на ферму, но теперь уже по вечерам и не таясь. Не каждый, разумеется, день, но частенько. Он провожал маму домой, чаевничал вместе с нами, рассказывал что-нибудь интересное... Ну, а потом свадьба была, и какая!

— Ну, а Нина как же? — спросил Андрей Иванович.

— Нина? Она вместе с мамой на ферме работала. А сейчас у нее своя группа. «Коровка, коровка, дай молочка...» Вот так и жили. И живем!

ОРЕ Е

Тема встречи за «круглым столом» «Крестьянки» была такая: «Современной женщине — современную технику». Но, по сути, обсуждалась проблема занятости сельских женщин завтрашнего дня. Впрочем, это уже день сегодняшний... Хотим мы или не хотим — «обручение» женщины с техникой произошло, процесс этот уже не остановишь. Но все ли сделано для того, чтобы женщине-механизатору, смело взявшейся за исконно мужское занятие, работало легко, радостно, в меру своих женских сил?

Сначала представим гостей. **Вячеслав Иванович ЯЛОВ-НАРОВ**, начальник сектора отдела по механизации и электрификации Госагропрома СССР. Благодаря отделу лауреаты приза имени Паши Ангелиной с нынешнего, 1987 года будут получать постоянно вместе с призом и право на новейший трактор: таково условие соревнований.

Олег Борисович КОТИЕВ, заместитель начальника Главного технического управления Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР. Ему труднее всего пришлось на нашей встрече: много было нареканий в адрес тракторов, а значит, и тракторостроителей.

Доктор философских наук, заведующий сектором социального развития колхозного крестьянства и деревни Института социологических исследований АН СССР **Владимир Иванович**

СТАРОВЕРОВ. С большим интересом наши гости слушали, что думает наука о сегодняшних проблемах сельских женщин, а главное — как их решает.

Доктора медицинских наук, заведующего отделом ВНИИ охраны труда Госагропрома СССР (г. Орел) **Вадима Владимировича ПЛОТНИКОВА** должна знать каждая женщина, взявшаяся за руль сельскохозяйственной машины: как ученый, занятый проблемами эргономики (то есть науки о взаимодействии машины и человека), он многое сделал для механизаторов. А чтобы было с кем спорить, пригласил с собой коллегу, **Анатолия Георгиевича ВАЛАГОВА**: ведь существуют разные мнения о том, надо ли женщине вообще работать за рулем.

«Безусловно, надо! — считает тренер советской сборной команды пахарей **Эдвин Юганович НУГИС**. — Только чтобы руль был современным, а кабина удобной».

Анатолий Михайлович ЦУПРИК руководит в отделе охраны труда ВЦСПС сектором охраны труда женщин и подростков. Не без его участия Госкомтруд СССР и президиум ВЦСПС в марте нынешнего года сняли многие ограничения по допуску женщин к управлению автомобилями.

Разумеется, самое почетное место за «круглым столом» принадлежало механизаторам, лауреатам приза имени Паши Ангелиной. Знатный комбайнер из Ростовской области, Герой Социалистического Труда и герой очерков «Крестьянки» **Нина Васильевна ПЕРЕВЕРЗЕВА**. Трактористка из Подмоскovie **Валентина Петровна ФОМИНА**. Бывшая трактористка из Мордовии, ныне заведующая совхозной автозаправочной станцией **Светлана Тимофеевна КОРШУНОВА**. А **Камила Омербаевна АМРИНА** очень не хочет, чтобы ее считали «бывшей» трактористкой: она хоть и стала слушательницей Алма-Атинской высшей партийной школы («Вон куда проложил мне дорогу мой трактор!»), но каждое лето садится за руль, помогает родному совхозу. Впрочем, Камила навсегда останется лауреатом приза имени Паши Ангелиной, где бы ей ни пришлось работать: как и звание олимпийского чемпиона, оно дается навечно. Быть может, поэтому так мечтают получить его землячка Паши Ангелиной трактористка из Донецкой области **Раиса Ефимовна КУТОВАЯ** и бригадир женской тракторной бригады из Волгоградской области **Наталья Степановна БОГДАНОВА**...

О ТРАКТОРЕ...

● **Нужен ли специальный трактор для женщин? Или просто хороший, удобный и для женщин, и для мужчин, и для всей семьи?**

● **В чем «рыцарский» долг мужчин? Не пускать женщину за руль или усовершенствовать машину?**

● **Плохой и дешевый или хороший, но дорогой трактор предпочтет член семейного звена на подряде?**

● **«От женщин должно пахнуть духами, а не бензином и соляжкой» — считают одни. «Взялась за мужское дело, так хлебни сполна» — есть и такое мнение.**

В. В. Плотников. Разрешите начать с цифр. В 1979 году у нас в стране 26,7 тысячи женщин работали на тракторе. В 1985 году их стало 18 тысяч. Сейчас — около 17 тысяч. Средний возраст трактористок все повышается, молодые девушки в механизаторы не идут.

Все существующие конструкции тракторов рассчитаны только на мужчин. Причем и к их организму не слишком хорошо приспособлены, не соответствуют имеющимся нормам. Так, например, согласно требованиям эргономики, в кабине должно быть не более 80 децибелов шума. У нас нет ни одного трактора с такой кабиной. Поэтому многие специалисты считают: поскольку условия труда на тракторах тяжелые, не допускать женщин до этой работы. Пусть подождут, пока кабина трактора по комфортности и безвредности для здоровья сравняется хотя бы с кабиной легкового автомобиля. Такие машины, кстати говоря, выпускают за рубежом. Фермы там, как правило, семейные, тракторами пользуются и муж, и жена, и дети-подростки, значит, всем должно быть удобно и приятно.

Надеемся, и у нас будут когда-нибудь такие «семейные» тракторы. А пока их нет, что делать? Об одной точке зрения я уже сказал: пока вся техника не будет соответствовать женскому организму, не пускать женщин на трактор. Другая — и ее придерживается большинство — такова: все-таки, несмотря на отсутствие зарубежных аналогов, сконструировать трактор специально для женщин. Сельское хозяйство заинтересовано в привлечении женщин к этому виду труда, значит, надо считаться с реальностью экономической ситуации.

Э. Ю. Нугис. Я так думаю: уж если наши легковые автомобили оснащены удобными кабинами, то насколько же нужнее такие кабины в тракторе! Ведь не по асфальту — по полю ездить приходится: и камни встречаются, и ухабы... Почему же на тракторе так неуютно человеку? Будто специально сделано все, чтобы отпугнуть женщину. Просто удивительно, что у нас еще остается семнадцать тысяч отважных трактористок.

Р. Е. Кутовая. Конечно, специальный трактор для женщин — это прекрасно! Но сколько его ждать? Нам хоть бы из ныне существующих тракторов давали те, что полегче в управлении и поудобнее! Мне вот буквально «выбило» МТЗ-80 с новой кабиной. Нет, я не жалуюсь: и в мехотряде, и в колхозе ко мне хорошо относятся, я ведь единственная в хозяйстве трактори-

Каким мы видим этот будущий трактор? Прежде всего легким в управлении, не требующим приложения физической силы. В идеале — не рычаги, а пульт или кнопочное управление. Рабочее место с регулируемыми параметрами, чтобы можно было приспособить к своему росту, комплекции. Кресло откидывается. Известно, что на женский организм особенно сильно действуют вибрация, шум. Значит, и по этим показателям к машине должны предъявляться жесткие требования. Кабина, конечно же, должна быть герметичной, чтобы не проникали пыль, гербициды, в ней должен стоять фреоновый кондиционер. На таком тракторе можно работать в хорошей одежде, в туфельках. И пахнуть от женщины будет духами, а не бензином и соляжкой. Да, этот трактор дороже, чем обычный трактор для мужчин. Но, как сказал Александр Сергеевич Пушкин, не гонялся бы ты, поп, за дешевизною...

О. Б. Котиев. А я хочу спросить Валентину Петровну Фомину (у нее семейное подрядное звено по выращиванию картофеля). Так вот, возьмет ли она совершенный по нынешним меркам трактор, который мы сегодня можем изготовить в экспериментальном цехе и который, естественно, будет очень дорогим? Хотя и вибрация будет минимальна, и управление легким, и даже фреоновый кондиционер поставим... Как, Валентина Петровна, возьмете такой трактор?

В. П. Фомина. Если придется платить за него — пожалуй, не возьмем. Звено прогореть может. Мы ведь каждый рубль считаем. А нельзя разве, чтобы трактор был и хорошим, и дешевым? Нам такой нужен.

Э. Ю. Нугис. Я так думаю: уж если наши легковые автомобили оснащены удобными кабинами, то насколько же нужнее такие кабины в тракторе! Ведь не по асфальту — по полю ездить приходится: и камни встречаются, и ухабы... Почему же на тракторе так неуютно человеку? Будто специально сделано все, чтобы отпугнуть женщину. Просто удивительно, что у нас еще остается семнадцать тысяч отважных трактористок.

Р. Е. Кутовая. Конечно, специальный трактор для женщин — это прекрасно! Но сколько его ждать? Нам хоть бы из ныне существующих тракторов давали те, что полегче в управлении и поудобнее! Мне вот буквально «выбило» МТЗ-80 с новой кабиной. Нет, я не жалуюсь: и в мехотряде, и в колхозе ко мне хорошо относятся, я ведь единственная в хозяйстве трактори-

стка. Не принято различать, кто ты, мужчина или женщина, коли механизатор. Мы же сами идем, нас никто не заставляет выбирать «мужскую» профессию. Вот только где она, «женская» профессия в селе? Мне, например, тяжелее кажется труд доярки, чем механизатора. Но ведь должен кто-то подумать и о таких, как я? О тех, для кого трактор, техника — призвание? Так что я за идею Вадима Владимировича двумя руками голосую. Но пока она осуществится (а так хочется поработать в нормальных условиях!), хоть бы имеющиеся трактора по-человечески были сделаны.

Я работаю механизатором 18 лет. Практически все тракторы, которые есть, попробовала, иногда и на комбайне приходилось. Долго работала на ЮМЗ с компрессором. Хороший трактор, выносливый, но не по женской силе. Дверь тяжелая, кабина неудобная. Как я мечтала о своем именном МТЗ-80! Наслышалась о новой-то кабине... Ну, вот приходит. З апреля получила. С радостью плюхаюсь на сиденье, мягко, но... полспины куда-то уходит. Смотрю: скос какой-то. И низко, надо бы повыше для моего роста. Рычаг переключателя всего 20 сантиметров! Я потом еще столько же надбавила... Чтобы бак водой залить, надо залезть на крыло, а за что держаться? А вот что понравилось, так это аккумулятор: хорошо, что закрытый. Обзор хороший. Если бы все, что задумано, сделали в кабине, кондиционер, например, чтоб окна не открывать, стекло затемненное, у нас ведь жара летом, вот и был бы трактор для женщин, на сегодняшний день хотя бы такой...

С. Т. Коршунова. Двенадцать с половиной лет я проработала трактористкой. До сих пор во сне

мой ЮМЗ снится, я его на съезде комсомола получила. Именной. Что снится? А разное... Например, когда его привезли — радости было! Домой уходить не хотелось. Но только ушла — за мной следом прибежали: «Что-то там загорелось». Пришлось снимать аккумулятор, а потом и проводку менять. Мотор, правда, мощный, но, кроме мотора, сколько еще-то частей! Крепленое слабое, втулки слабые. Муфта сцепления вообще никуда: едешь, и на ходу отрывается диск. А внутри — все жестяное. Сиденье жесткое, не только женщине, но и мужчине трудно. Одни кругом недоработки. И все же, думаю, если довести ЮМЗ до ума — хороший будет трактор, выносливый, надежный. Я из всех именно его бы выбрала.

В. И. Яловнар. Видите, какие разные мнения. Раиса Ефимовна Кутюкова предпочитает минский трактор. Светлана Тимофеевна Коршунова — днепропетровский. А мы, честно говоря, считаем, что ни тот, ни другой не соответствуют современному уровню качества. Изготовители утверждают: машины хорошие, а вот эксплуатируют их плохо, неумело. Думаю, дело не в этом. Помню, в 60-е годы мы 40 «Кировцев» испытали в работе, проверили как следует. Все недостатки, которые обнаружили — несколько десятков, — сразу же были исправлены прямо на конвейере. Сейчас же работа над новыми моделями затягивается на годы. Получили заключение, подумали, включили в план... А время идет.

Сейчас много разговоров о новом липецком тракторе ЛТЗ-145. По отзывам тех, кто на нем работает, удобен в эксплуатации, маневрен, надежен, щадит почву и силы тракториста. Но испытания пока не утешительны.

И еще. Сейчас в село идет новая, сложная техника: электроника, гидравлика, гидростатика. Конечно, повышается техническая подготовка людей. Но просьба к промышленности: трактор не телевизор, с которым положено обращаться нежно. Механизатор должен быть с техникой на «ты», он ведь в поле с ней один на один, тут особая надежность требуется, простота в обращении.

О. Б. Котиев. В том, что женщины работают на неподходящем тракторе, виноваты прежде всего мы, мужчины. Я знаю, что это такое: целый день провести за рулем. У нас колоссальное количество техники, требующей столь же колоссального количества механизаторов, которых, как известно, не хватает. Мы производим ежегодно около 600 тысяч тракторов и 100 тысяч комбайнов — больше, чем где бы то ни было в мире. 20 лет назад на каждый трактор в стране приходилось в среднем два механизатора. Теперь наоборот: на одного механизатора — два трактора. И при этом считаем, что потребности сельского хозяйства в технике не удовлетворяются. Надо ли нам столько тракторов и, стало быть, трактористов? Пока надо. Потому что низка производительность труда в сельском хозяйстве. Работали бы мужчины лучше — не призвали бы женщин на трактор.

Мы, тракторостроители, в большом долгу у женщин. Печальное признание, но я его должен сделать: производим мы пока некачественные машины. От 70 до 80 процентов дефектов — это дефекты производства. Наша вина. 10—15 процентов — конструктивные недоработки. Госприемка выявила очень много недостатков. Но тем не менее говорим между собой:

наконец-то! Последнее время наша «заброшенная» отрасль находится в центре внимания. В 1983 году было принято постановление «О мерах по развитию механизации сельского хозяйства». Через три с половиной года правительство проверило, как оно выполняется. Оказалось — неважно. Но что же делать: для хорошей машины нужны хороший металл, хорошая резина, хорошая краска. А возьмите любой тракторный завод — оборудование там не менялось по 20—25 лет.

Принимая критику, все же не могу не сказать, что работаем мы только по заказам Госагропрома. Что он сочтет нужным, то и выпускаем. Скажем, трактора малой мощности, которые нравятся женщинам-механизаторам, Госагпропром считает ненужными, отказывается от них. Например, МТЗ-50 выпускаем только на экспорт: 8 тысяч тракторов в год идут за рубеж, а Госагпропром их не берет! Маломощный липецкий трактор Т-40 попросту снимают с производства: потребитель от него отказывается.

Сейчас кипят страсти вокруг универсально-пропашного трактора ЛТЗ-145. Кому-то он нравится, но все же специалисты отдали предпочтение новому минскому трактору: он надежнее и унифицирован с базовой моделью. Для липецкого же надо было бы организовать производство совершенно нового двигателя воздушного охлаждения.

Сейчас, когда отрасль готовится к переходу на самокупаемость и самофинансирование, мы, чтобы не оказаться банкротами, уже не сможем выпускать трактор, который никому не нужен. К 1990 году мы должны максимально перестроить производство. Но какой бы трактор мы ни выпустили, сам по себе он не

«ЗАБОТИТЬСЯ О ЖЕНЩИНЕ — ПЕРВЕЙШИЙ ДОЛГ МУЖЧИНЫ!»
(На снимке слева направо: В. И. Староверов, О. Б. Котиев, В. И. Яловнар, В. В. Плотников, А. Г. Валагов.)

«ОХ, И ЗАДОЛЖАЛИ НАМ МУЖЧИНЫ!»
(На снимке слева направо: Н. В. Переверзева, Н. С. Богданова, С. Т. Коршунова, К. О. Амрина, В. П. Фомина.)

решит проблему производительности труда в сельском хозяйстве. Выполнить рыцарский долг перед женщиной — это трудиться так, чтобы ей не понадобилось садиться за руль. Каким бы совершенным он ни был.

В. И. Староверов. Хотим мы того или нет, «обручение» женщины с техникой произошло, процесс этот уже не остановишь. Но будет ли «брак» счастливым — зависит от нас. Если уж говорить о «рыцарском долге», вижу его в том, чтобы обеспечить женщину хорошей техникой. Не эксплуатировать женский энтузиазм, призывая работать на тракторе, на котором и мужику, рыцарю то есть, тяжело приходится. Я убежден: улучшение техники и привлечение к работе на ней женщин должны идти параллельно.

Есть одна любопытная, на мой взгляд, закономерность: в республиках, где высокий уровень механизации, доля женщин, занятых в сельском хозяйстве, значительно ниже, чем там, где уровень механизации низок. То есть ручной труд — это труд «женский». Так неужели вручную трудиться легче, чем на машинах?

Только что мы завершили обследование в Молдавии. Там в основном овощеводство, садоводство — женские отрасли. Потому что трудно поддаются механизации. Кто курит табак? Мужики. А выращивают его «белые платочки». Придет механизация: «Потеснись, бабонька, вот он я, рыцарь, явился сменить тебя. Чем ты будешь заниматься и сколько получать? Это твои проблемы. Техника — дело мужское...»

Нет, если мы хотим, чтобы работа о женщине не свелась к пустым словам, мы должны делать ставку на производство хорошей, удобной для женского организма техники. Только так!

И О СЕБЕ...

● *В механизаторы только те могут пойти, у кого муж неревнивый.*

● *Пусть трактористка работает, как пилот, а выглядит, как стюардесса.*

● *«За 15 лет ни разу не была в отпуске летом, с детьми».*

К. О. Амрина. Женщине работать на тракторе не скажу что легко — очень трудно. Почему нас мало? Потому что нет условий для нормальной жизни. Работаете в поле с 6 утра до 10 вечера, даже в кино не можешь сходить, в воскресный день отдохнуть, на речку, в лес выбраться. За 15 лет я не знала, что такое выходной день. Ни разу не получила отпуск в хорошее время. Подойдет лето — просят поработай, надо. А зимой неинтересно идти в отпуск. Вот и работаешь круглый год. Мое предложение: хоть изредка давать женщине-механизатору отпуск летом, чтобы с детьми могла побыть с семьей.

С. Т. Коршунова. С тяжелой душой уходила я с трактора. Люблю эту работу, привыкла. Но ничего не поделаешь: заболела радикулитом, врачи запретили. У нас ведь как: теплого гаража нет. На работу в холодные дни в полседьмого приходиться надо, чтобы успеть трактор завести. Как придешь — сразу зажигаешь паяльную лампу и воду греи: десять ведер понадобится, не меньше. А ремонт? Хорошей мастерской нет — десять лет уж ее строят. А совхоз не бедный! Если трактор сломается — ремонтируем сами, так надежнее. Мы не гордые, трактористы не пилоты, сами в мотор залезть можем.

Н. С. Богданова. А за нашей женской тракторной закреплены

два слесаря, профессионалы высокого класса. В бригаде — 15 женщин, сейчас, правда, двое в декрете. Работаем в две смены, с 7 утра до 14 и с 14 до 9 вечера. Каждой смене горячий обед привозят. Обслуживает нас автобус. Детский сад подстраивается под наш график, до 21.30 работает, а начинается с 6.30. Очень удобно. Ведь у нас почти у всех дети. Квартиры нам в первую очередь дают. Спецдежду по индивидуальным меркам в ателье шьют. Обувь, правда, не выдают, ходим кто в чем. А полшубки на зиму хорошие получаем. Почему такое внимание к нам? Мы нужны совхозу. Летом полевые работы выполняем, зимой животноводов обслуживаем. Ну, а вообще-то мы кормодобывающая бригада на подраеде. Уходить никто не собирается. Сейчас у нас много молодых семей. Большое строительство ведется. Недавно новую школу построили...

Все как будто бы хорошо. Только болеем много. Бригада молодая, тридцати еще никому нет. И уже профболезнями страдаем. А как зима — простуды. Сквозняки, ноги мокрые, и вибрация сказывается: поля далеко, натрясет за смену так, что спину не разогнуть. И что обидно: раньше врачи к нам внимательнее были, комиссии приезжали, специалисты. А теперь, если осмотри, давление измерят, и все.

Р. Е. Кутюва. Как уже говорила, я в районе единственная женщина на тракторе. Были еще две: одна два года проработала, другая — пять. Неподходящая работа для женщины, что там говорить, особенно если есть семья, дети. Вот для животноводов специальные магазины организовали, привозят им товары прямо на ферму. А мы? Нам даже за хлебом пойти некогда. Первого сентября в школу ре-

бенка не проводишь — самая работа. И путевки детям в пионерлагерь, и для самих женщин-механизаторов в санатории, чтобы могли поехать подлечиться, выделять должны в первую очередь.

Я работаю постоянно на гербицидах, обрабатываю поля ядом. Мешки с селитрой или суперфосфатом по 50 килограммов, надо засыпать 10—15 мешков, а я одна...

Н. В. Переверзева. Я уже 29 лет работаю на технике, летом — на комбайне, зимой — на тракторе. У нас когда-то было много женщин-механизаторов, но остались те, кто упорно держится за руль, кто, как Рая Кутюва, не представляет себе иной работы.

Знаю я и таких, кто от природы механизатор, а переломил себя, ушел на другую работу, хотя и по сей день свой трактор во сне видит. И те, кто остался, не только по призванию, но и по другим обстоятельствам остался. Это прежде всего те, кого мужа не ревнуют, а, наоборот, помогают, поощряют в выбранной профессии. Мы потому и пошли по пути создания семейных агрегатов.

Но если у меня муж в помощниках, то насколько же нужнее служба механизаторского сервиса тем женщинам, кто еще не успел выйти замуж или у кого судьба не сложилась. И разве это нормально, что уходит из-за ревности? Сломался трактор, кто-нибудь подойдет помочь — и тут же домыслы: а почему это именно он к ней подошел?

У нас сейчас очень серьезная проблема — задержать девушек на селе, чтобы не уезжали в город. Вот недавно 8 парней из армии пришли. Двое женились, остальным невест нет. Так и ходят неженатые. Значит, заинтересовать надо девушек, условия хорошие создать. У меня у самой

хозяйство, корова, я с пяти часов на ногах, завтрак надо приготовить, всех проводить. И все так крутятся. Почему бы не подумать о гибком графике? Чтобы могли, если нужно, и попозже на работу пойти, и дома остаться?

В. И. Яловнарв. Более тридцати лет я связан с проблемами механизации сельского хозяйства. И обидно, почему мы такие недалёкозоркие люди. Почему не видим дальше собственного носа ничего? И никак не можем понять, что техника, даже более совершенная, чем нынешняя, сама по себе ничего не решит, если мы не создадим механизатору надлежащие условия для ее эксплуатации, ремонта, хранения. Если не позаботимся о самом механизаторе.

Сколько мы говорим о создании службы сервиса для механизатора. О ремонтных базах на местах. Сколько толкуем о двухсменной работе, о переходе на пятидневку... Будто стучишь в дверь, обитую войлоком! Хорошие идеи ломаются на пути к низовым подразделениям. С тем же ремонтом, например. Создали ремонтные мастерские в хозяйствах, а технологическим оборудованием оснастили слабо, запчастей не хватает. Или о мастерах-наладчиках — говорим, принимаем решения, а все попусту. Инерция мышления. Ведь вот даже Света Коршунова считает: механизатор не пилот, сам обязан свою машину обихаживать. Кто внушил ей эту мысль, как не совхозное (да и районное) руководство? Неумение, незнание, косность на местах разрушают самое доброе начинание. Результат? В стране не хватает десятков тысяч механизаторов! Давайте еще и за счет общественного мнения воздействовать на руководителей хозяйств. Потому что завтра мы можем оказаться в еще более жестких условиях. Придет совершенная техника, а управлять ею будет некому...

В. И. Староверов. Если мы действительно хотим привлечь женщин к работе механизаторов, мы должны делать ставку на организацию труда, удобную для женщины-матери. Чем плохо, если трактористка будет работать как пилот, а выглядеть, как стюардесса? Ее одежда должна быть такой же изящной. А может, даже лучше, чем костюм стюардессы. Она того заслуживает. И чтоб голова не болела по поводу детского сада: он должен работать по удобному для нее графику. Ведь на чем срывается двухсменка? На том, что все остальные службы работают в одну смену!

А. М. Цуприк. Наталья Степа-

новна Богданова пожаловалась, что девушки в ее бригаде часто болеют. Да, к сожалению, это так: по данным медицины, если женщина проработает на тракторе от 1 до 3 лет — выявляются заболевания у каждой третьей; до 10 лет — у каждой второй; свыше 10 лет — у двух третей.

Это зависит, конечно, от того, на какой технике женщина работает, но многое — и от условий ее труда и быта. Неужели нельзя оборудовать теплые гаражи? Вагончики, чтобы женщины там спали и переодевались? Почему негде принять душ после того, как женщина отмыла свой трактор от грязи? Да, руководство, профкомы на местах пока еще далеки от больших проблем, волнующих механизаторов. Профсоюз на селе в большом долгу перед тружениками — и за то, что работают по 10 часов, от зари до зари, и что двухсменка не внедряется, о скользких гибких графиках забыли и что отпуска, выходные зачастую компенсируются денежным вознаграждением, а не предоставлением положенного отдыха. Профессиональные заболевания крестьянок — это прежде всего недоработка местного профсоюза, я так считаю. Закон дает все возможности для того, чтобы организовать нормальные условия труда и быта механизаторов. Надо только эти возможности использовать.

А. Г. Валагов. У меня есть конкретное предложение. Давайте через журнал спросим 17 тысяч женщин-механизаторов: **на каком тракторе или комбайне хотят они работать? Если такая техника существует, пусть назовут марку. Если нет, пусть скажут, какой хотели бы ее видеть.** Кстати, оценивать надо не только тракторы, но и комбайны, и другие самоходные сельскохозяйственные машины, на которых работают женщины.

И что еще конкретно надо сделать, чтобы облегчить труд механизатора, нормально организовать его не в ущерб здоровью, отдыху, семейным обязанностям женщин? Чтобы вернуть профессии престиж и привлекательность в глазах нашей молодежи?

Мы, ученые, поможем проанализировать и обобщить ваши предложения. Но уже и сейчас, опираясь на коллективное мнение, можно требовать от промышленности, агропрома и профсоюзов скорейшего решения острых вопросов.

Ждем ваших писем!

Репортаж с заседания
за «круглым столом» вела
Н. КОРИНА.

Фото Б. ЗАДВИЛЯ

Ольга ДЕНИСОВА

* * *

Старуха достанет узорную шаль,
накинет мне молча на плечи.
Какая меня угнетала печаль!
Как стало мне легче!

От этих ли шелковых тонких кистей,
что так разлетелись игриво?
От этих ли рук, что из черных вестей
вдруг вышли светлое диво?

Месяц

Прекрасен, я вам говорю, прекрасен!
В ущербности своей он ликом ясен.

Он дарит свет, не требуя награды,
его не утомляют наши взгляды.

А он за тучку спрятаться бы мог,—
не так уж много сбившихся с дорог.

* * *

Еще смотрю в твои глаза,
но тверже, но смелее.
На травах — долгая роса,
а ночи все длиннее.

Прозрачная в реке вода
еще прозрачней стала,
и слишком яркая звезда
ко мне в окно упала.

Свежа зеленая лоза
над крышею беседки.
Еще смотрю в твои глаза —
но лист сорвался с ветки.

Галина БУШКОВА

* * *

Эта светлая зелень предлетней поры
Романтическим флером одела двory
Подмосковных усадеб, обласканных летом,
Где сарай дровяной и беседка с плющом,
И висячий замок с допотопным ключом
Над уютным крылечком со скрипом заветным.

Сегодня
в нашем
Поэтическом
клубе
стихи
молодых
поэтов,
живущих
в разных
уголках
нашей страны.
Ленинград,
Белая Церковь,
Подмосковье —
здесь
они живут
и работают,
воспитывают
детей.
А в своих
стихах
пытаются
осмыслить
жизнь,
которой
живут...

А хозяйева ходят в линялом старье,
 Обстоятельно сушат белье во дворе
 На сквозном ветерке на пороге простора,
 И просторно груди в этом старом плаще,
 И за старым забором просторно душе,
 А погода на славу, и осень нескоро.

И забот у хозяина не впроорот:
 То забор починить, то вскопать огород,
 Чтобы осенью быть с урожаем обильным,
 А еще — на крыльце посидеть, а еще —
 «Приезжайте к нам летом — у нас хорошо.
 Что вы видите там, в вашем городе пыльном!»

Ирина ЗНАМЕНСКАЯ

Песочные часы

Полюнь, как тополь, шелестит
 И сыплет пылью голубую.
 И твердь над хутором летит
 И тащит хутор за собою.

Пространство сверху широко.
 И снизу
 В талии осиной —
 Обхват мгновенья: молоко парное,
 полдень,
 крик гусиный...

Грядущим полны небеса,
 Историей земля набита.
 Приложишь ухо: голоса..
 Подымешь взгляд: река, ракета —

Простор!.. И время гонит кровь
 Сквозь горла перешеек тесный,
 И время — поливать морковь.
 Под гул земной. И гром небесный.

Березовым веником мокрым по небу
 прошлись,
 Все поры и окна открыты, а души
 дрожали..
 Так трудные дети путевку нащупают
 в жизнь,
 Так спившийся боцман на рыбой
 пропахнувший ящик
 Оглянется сердцем...
 — Что там у тебя?
 Ничего,

Казалось бы, нету. Лишь годы
 подножного корма..
 А вдруг — да с полфразы такое пойдет
 озорство,
 А грудь, словно парус: и холодно ей,
 и просторно!
 К нам жизнь возвратилась:
 Гражданка, послушайте, жизнь! —

Гражданка авоськи свои опускает
 на траву,
 И — выдавит шпильки из кос, и,
 пожалуй, держись,
 Прохожий, пришедшийся по сердцу ей
 и по нраву.
 ...Как хочется жить! — ничего
 не скажу поновей,
 Как хочется быть, узнавать,
 целоваться и слушать...
 А этот, запевший, вы думали кто —
 соловей?
 Нет, это скворец, отстрадавший
 бессмертную душу.

* * *

Я тебя не забуду, трава у забора,
 Пыль, как пудра «ТЭЖЭ» из комода
 старушки,
 И обрывки значительного разговора
 Самой взрослой сестры и красивой
 подружки...

И опять эта травка стручки
 завивает,
 Два двора прошуршав, эта пыль
 шевелится.
 И опять разговор из окна задевает,
 Где ужасною тайной спешат
 поделиться.
 И луна, как монетка, на нитке
 повисла,
 И стоишь у стены всё кино —
 безбилетник..
 Я тебя не забуду, исполненный
 смысла
 Вечер летний, субботний,
 пятнадцатилетний...

Нина ОПАНАСЕНКО

Дед смеется

«Чтобы сына любить больше всех —
 Народил дочерей...
 Чтобы дочек любить больше всех —
 Народил сыновей...»

Нет, — смеется дед, —
 Ума у старого нет...

Чтобы женку любить больше всех —
 Народил дочерей.
 Чтобы женку ценить больше всех —
 Народил сыновей!»

Марина БОРОДИЦКАЯ

* * *

Кошелка тяжелеет, тяжелеет, —
 Еще в молочный надо бы зайти
 (А мальчик все болеет и болеет!),
 Теперь в аптеку, это по пути...

Две девочки во дворике пустынном
 Торопят счастье, шепчутся вдвоем.
 А счастье отдает пенициллином,
 Удачным супом, глаженным бельем...

А счастье — темный взгляд
 над чашкой чайной
 И утренняя ранка на губе..
 Две девочки придумывают тайны
 И кажутся несчастными себе.

Рис. Е. НОВИКОВОЙ.

«КРЕСТЬЯНКА» БЛАГОДАРИТ И НАГРАЖДАЕТ

Подведены итоги Всесоюзного смотра-конкурса по дальнейшему улучшению санитарно-бытовых условий и охраны труда женщин, работающих в животноводстве, который журнал «Крестьянка» проводит совместно с ЦК профсоюза работников агропромышленного комплекса. Премиями и дипломами отмечены хозяйства и коллективы, где в 1986 году животноводческие помещения оборудованы санитарно-бытовыми блоками, где механизированы трудоемкие процессы и созданы безопасные условия труда, организовано общественное питание и медицинское обслуживание.

I премия (цветной телевизор) присуждена коллективу молочного комплекса колхоза «Большевик» Ордынского района Новосибирской области.

II премией (магнитофон) награжден коллектив Городиловской фермы колхоза имени Чапаева Золочевского района Львовской области.

III премии (радиоприемник) удостоен коллектив молочнотоварной фермы совхоза «Тингутинский» Светлоярского района Волгоградской области.

Работникам десяти передовых хозяйств вручены поощрительные премии журнала «Крестьянка».

Тридцать один коллектив отмечен премиями ЦК профсоюза работников агропромышленного комплекса и дипломами журнала «Крестьянка».

Тридцать семь участников Всесоюзного смотра-конкурса награждены памятными подарками ЦК профсоюза работников агропромышленного комплекса.

ВНИМАНИЕ: ФОТОКОНКУРС!

ВСЕСОЮЗНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА

Дорогие читатели!

Фотоконкурс, объявленный «Крестьянкой» в ходе проведения второго Всесоюзного фестиваля народного творчества, посвященного 70-летию Великого Октября, продолжается.

Напоминаем, что победителей ждут премии: одна первая, две вторых и три третьих.

Лучшие из присланных вами работ уже опубликованы в «Крестьянке», а вновь поступающим зарезервировано место в следующих номерах.

Об окончательных итогах конкурса вы узнаете в конце года.

Желаем вам удачи!

◀ З. КОВАЛЬ.
«Папаня! Мы обед принесли!»

Б. РАСКИН. Тихая моя родина... ▶

▼ И. ЯКОВЛЕВ.
Младшая сестра.

«...**Н**ет у нас здесь близких друзей... Мне кажется, что люди только и ждут моих промахов, неосторожных слов, а понятия не имеют. О годах учебы в институте вспоминаю, как о чудесном времени. Хочется все бросить, взять детей и уехать отсюда подальше!.. Не могу и не хочу больше так жить», — написала в «Крестьянку» сельская учительница Татьяна Кадочникова. Клубок объективных трудностей и личных проблем. Исповедь человека, терпящего бедствие. Крик о помощи, посланный наугад, к тем, кто далеко...

В Нытвенском райкоме партии, узнав о письме, насторожились: «Наверное, опять жалоба на директора совхоза?» Как выяснилось, насторожились не случайно: здесь уже в привычку вошло иметь дело с жалобами из совхоза «Батуринский». Народ там сложный: здешние старожилы ведут свой род от кержаков, жили всегда замкнуто, вот и сложился особый характер — суровый, малообщительный, упрямый. Одиннадцатый год директорствует в хозяйстве Василий Михайлович Будусов, занял этот пост молодым еще человеком. При нем «Батуринский» стал специализироваться на откорме крупного рогатого скота, из отстающего превратился в крепкое хозяйство, работающее рентабельно, по многим показателям превышая средний уровень района. В совхозе своя пекарня, построена новая школа, фельдшерско-акушерский пункт, строится новое здание службы быта, жилищное строительство идет полным ходом... Сильный руководитель! И вместе с тем постоянные конфликты: у директора крутой характер...

Вот в такую деревню ехала я, к человеку, который тоже не сошелся характером с окружающими.

Был праздник. В этот день школьники сами читали стихи и учителей вызывали к доске, разучивали с ними песню «Мы желаем счастья вам...», разыграли несколько аттракционов и завершили все общими танцами. Непринужденность, с которой ученики и учителя менялись местами, лучше всего говорила об искренности их отношений и взаимной симпатии.

Татьяна Анатольевна Кадочникова пришла, когда праздник уже начался (она не работала в этот день: заболел ребенок), примостилась за крайним столом. Она, казалось, чувствовала себя не вместе со всеми, а только рядом.

Из тринадцати учителей средней школы только двое родились и выросли здесь, в Луговой. Остальные приезжие — кто из других мест Пермской области, кто и совсем издалека. Четверо учителей из Григорьевского, что в том же Нытвенском районе, в их числе и Татьяна Кадочникова. Недалеко, казалось бы, но вот Татьяна прожила здесь два года и все не может привыкнуть, а Любовь Григорьевна Сушина, преподаватель истории, призналась: «Когда я приехала сюда восемнадцать лет назад, я смотрела на эту вот гору и не находи-

ла себе места от тоски, а сейчас мне здесь все родные: каждый ребенок, каждый старик». Что же, все дело в том, сколько времени на месте проживешь? Стерпится — слюбится? Если бы все было так просто! В каком котле должны перекипеть все надежды и разочарования, все бытовые неурядицы и удовлетворение от хорошо сделанной работы, все трудности и радости человеческого общения, чтобы возникло чувство, что вокруг не чья-то чужая жизнь, а часть твоей собственной, что все здесь тебе родное?

Можно привыкнуть и к этому лугу, и к горе, закрывающей горизонт, привыкнуть и полюбить их. Должно быть, недаром когда-то кержаки выбрали эти отдаленные, но обильные природными богатствами места. Что же касается особого характера местных жителей, действительно отмечают приезжие некоторую замкнутость, сдержанность...

Василия Михайловича Будусова, директора совхоза, мне увидеть не пришлось. Он взял отпуск (второй за десять лет директорства) и уехал в санаторий лечить начинающуюся астму. Вроде бы не за тем я ехала, но оказалось — невозможно писать о Луговой и обойти директора. С кем бы и о чем ни говорила, разговор непременно сворачивал на тему о взаимоотношениях. В конце концов, может быть, и к лучшему, что я не застала Василия Михайловича: не свое мнение излагаю — то,

что сложилось в хозяйстве. А впечатление создавалось такое: директор, только и живущий заботой об успехах и благе совхоза, в характерах людей, составляющих коллектив этого совхоза, видит досадную помеху главному своему делу. Разумно ли, что даже выпиской угля для отопления дома, газовых баллонов занимается не кто иной, как сам директор?

Рассказали мне и о таком — уже давнем — конфликте... Когда Ф. И. Попов, преподаватель труда, не поладив с Будусовым, перешел на работу в лесхоз, его детей выставили из детского сада на том на первый взгляд законном основании, что сад переполнен, а значит, места только детям работников совхоза (но ведь жена-то Попова работает в школе!). Только с помощью комиссии из района была восстановлена справедливость. Дело это прошлое, Федор Иосифович сейчас снова работает в школе, наладил производственную практику ребят, помощь совхозу. И рассказали о конфликте не Поповы. Но не забывают его в Луговой потому, что он, к сожалению, не уникален, едва ли не каждый год сюда наезжают конфликтные комиссии.

Наверно, и Василий Михайлович, со своей стороны, мог бы вспомнить немало обид и причин для недовольства, и обиды эти, вероятно, справедливы. Только ни к чему обиды копить, не будет проку от взаимных счетов, и не будет, несмотря на рост показателей и повышение уровня жизни, лада в «Батурином» — только новые болезни директора да новые заявления об уходе, — пока противостояние характеров не сменится сотрудничеством. И первой опорой в этом должны стать партийная организация, профсоюз, комсомол.

Председатель профсоюзного комитета совхоза Людмила Алексеевна Давыдова считает, что ее избрали на этот пост, потому что больше некого было, да и вообще такая ее судьба: работать там, где прорыв, где людей не хватает, где надо налаживать новое дело. За 14 лет, что живет в Луговой (приехала по распределению после сельскохозяйственного техникума, а родом из Сивинского района), она сменила много профессий. Была бригадиром полеводов, секретарем директора и начальником отдела кадров, нормировщицей, агрономом, экономистом, а теперь 9 лет уже воспитатель в детском саду. Прошлый опыт, считает Людмила Алексеевна, помогает ей справляться с обязанностями профорга — здесь понадобились и знание сельского хозяйства, и уме-

НЕ СОШЛИСЬ

ние работать с людьми. Но главное, наверно, это ее неравнодушие, открытость к людям, заинтересованность в делах совхоза и каждой семьи. В круг ее забот входит многое: от вопросов распределения жилья, благоустройства деревни до художественной самодеятельности, организации сельских праздников, спортивной работы. У нее репутация человека, которому «больше всех надо», все чего-нибудь хочет, требует, просит. Вот есть в деревне водопровод, воду берут из колонок на улице. А почему бы не провести ее в дома? Расходы могут взять на себя сами хозяева, зато ведь какое удобство, и время людям позволит сэкономить. Или нужна освещенная лыжня — оборудовать ее несложно, можно отвести от сети уличного освещения, лыжи здесь любят, а зимой дни короткие, после работы в темноте не покатаешься...

Зачем она взвалила на себя этот воз работ? Не просто от беспокойного характера. Прожив в Луговой столько лет, вынесла твердое убеждение: «Люди здесь хорошие».

Не знаю, что думает Василий Михайлович, но мне кажется, ему просто повезло с профсоюзом: ведь Давыдова с ее общественным темпераментом и независимостью, по существу, настоящий и лучший его соратник. Потому что цель ведь у них общая: успехи совхоза и благосостояние людей.

Так что же, хорошо в Луговой или плохо? Да как и везде — хватает и трудностей, и радостей. Есть и праздники, собирающие в клубе всю деревню, с концертами самодеятельности, с веселыми сюрпризами, есть и будни с повседневным трудом, усталостью, обыденной размеренностью. Есть и серьезные проблемы, среди которых первая, многие другие за собой влекущая, — отсутствие дороги. Может, права Татьяна Кадочникова, мечтающая «все бросить и уехать подальше»? Ведь человек вправе искать, «где лучше»...

Жизнь подсказывает свои ответы, порой неожиданные, но выстраданные. Рядом с Татьяной живет и работает человек, который, по существу, уже ответил ей, если ответом считать не только слова, но и поступки. Это историк Любовь Григорьевна Сушина, та самая, что так тосковала здесь 18 лет назад, бывший завуч, бывший секретарь партийной организации совхоза. Потому бывший, что год назад Любовь Григорьевна уехала из Луговой.

Почему уехала? Из-за конфликта с директором совхоза. О подробностях она не говорит. Лишь одна фраза прозвучала — с горечью и каким-то недоумением: «Мы ведь раньше были большие друзья». Почему она приехала назад? Да просто вернулась домой.

Поселок Майский, где прожила Любовь Григорьевна этот год, центральная усадьба свиноплекарского «Пермский», крупного и преуспевающего хозяйства, стоит, как здесь говорят, «на асфальте», то есть при шоссе. Часть жите-

лей живет по-городскому, в многоквартирных домах, школа полнокомплектная, большая, есть музыкальная школа, разнообразные кружки ведут специалисты. Сушиным предоставили комнату в общежитии, поставили на очередь на квартиру. Любовь Григорьевна преподавала в школе, ее муж, Григорий Петрович, шофер, получил новый «КамАЗ». Он не хотел возвращаться в Луговую. Это легко сказать — вернуться! Люди уехали — жизнь, как текущая вода, сомкнулась за спиной. На новом месте все неплохо складывалось, а здесь снова приходится начинать с нуля. Новый дом вот, только что сданный строителями, нужно отделывать изнутри — красить, оклеивать. Григорий Петрович пока работает в «Пермском», вся обстановка в Майском. Здесь, в полупустом доме, Любовь Григорьевна с детьми.

Преимущества Майского очевидны (я спросила Любовь Петровну: «Может быть, муж прав?» «Конечно, прав», — ответила она). Но назад тянуло то, о чем Любовь Григорьевна, человек, не склонный к патетике, проговорила: «Мне здесь все родные».

Она полдеревни выучила. С этими ребятами по туристским путевкам объездила страну: Москва, Ленинград, Горький, Псков, Белоруссия, Украина... Здесь была комсомолкой. Тогда во многом жизнь была труднее, но помнится другое: как сколачивали агитбригаду и ехали с концертом по окрестным селам, как сами, без указаний начальства, организовывали субботники по благоустройству деревни, веселые комсомольские свадьбы игрались в клубе... Здесь ее избирали депутатом сельского Совета, потом секретарем партийной организации... Свой дом не там, где проживешь долго, — можно и долгие годы жить квартирантом, дачником. Свой дом тот, где во все вложена душа. Пусть он и не лучший на свете — расстаться с ним невозможно.

Что ответить Татьяне Кадочниковой? Ее трудности стоят в Луговой особняком, так же, как сама она особняком держится в деревне. Не деревня виновата в том, что не раскрылась она здесь перед людьми, что люди не раскрылись перед ней.

Когда-то, в институте, староста группы сказала ей: «Завидую тем, кто с тобой рядом». Татьяна умеет удивляться, увлекаться, уходить с головой в интересное дело. Только этим прекрасным, сохранившимся в ней качествам юности порой недостает рассудительности, хладнокровия, трезвой оценки обстоятельств. У нее конфликт не столько с окружающими, сколько с собой.

Кадочниковы приехали в Луговую за самостоятельностью. В Григорьевском они жили с матерью Татьяны, ветеринарным врачом совхоза — и по должности, и по своему властному характеру человеком в селе заметным. Татьяна с мужем поневоле находились в ее тени. Василия даже звали не иначе как «зять». Вот и уехали: там знали Таню с детства, там жила под опекой матери, работала в группе продленного дня рядом со своими

старыми учителями. Здесь предстояло и жить своим домом, и преподавать, наконец, литературу и русский язык, и утверждать себя среди людей заново... Это-то и оказалось самым трудным.

Тяготят Татьяну недостаток внимания, излишняя сдержанность односельчан: встретив на улице, не спросят, как жизнь; зайдешь по делу — разговаривают через порог. А вместе с тем и другое — здесь не затеряться в толпе, не спрятаться от оценок. «На виду, как на ветру, живешь», — говорит она. Уехать подальше, может быть, в поселок городского типа? Да ведь вряд ли это поможет! Там легче затеряться, стать безмянным прохожим, но от одиночества не уедешь так просто — оно одинаково тяжело под пристальными, оценивающими взглядами и в равнодушной толпе. А внимания к себе нельзя ни потребовать, ни получить авансом, его можно только заслужить участием в общей жизни, вниманием и интересом к людям. Незамеченными они не останутся — вернуться сторицей. Тогда и почувствуешь, что в деревне, где «общаться не принято», все тебе, как Сушиной, стали родными. Тогда, как Давыдова, скажешь, не колеблясь: «Люди здесь хорошие».

Я разговаривала с Татьяной о неблагоприятии ее жизни и искала признаков благополучия, тех точек опоры, которых, может быть, она сама не замечает в своем стремлении куда-то вдаль, от всего обыденного, привычного... Мы сидели в уютной двухкомнатной квартире в кирпичном доме на две семьи, в комнате, облик которой определяют шкаф с книгами, кипы журналов на столе и подоконнике, дети играли рядом. Муж в беседе не участвовал — нашел какое-то дело по хозяйству. Татьяна сказала: «Он у меня скромный». Кадочниковы очень друг другу подходят, дополняют один другого: она — с ее эмоциональностью, всегдашней взволнованностью, он — молчаливый и надежный. Она рассказывала о своем, то печалась, то увлекаясь, отчаиваясь безнадежностью своего отчуждения и тут же проговариваясь: «У нас...» Тот удивляющийся и увлекающийся человек впервые на моих глазах проглянул в ней, когда она вдруг сказала: «Знаете, здесь ведь соловьев слышно! Стираю во дворе и слушаю...» Потом она рассказывала, какой замечательный бал прошел в школе: звучали стихи и музыка, красовались овощи, которые ребята вырастили на пришкольном участке, и угощение они наготовили сами... Рассказывала об учениках: какой замечательный был в прошлом году десятый класс, а сейчас вот самые активные и интересные ребята в девятом. А седьмой, в котором она руководителем, беспокоит: дисциплинированные, но трудно их расшевелить...

Никто не даст Татьяне совета, уехать или остаться. Такие вопросы человек должен решать сам. Но сколько бы он ни искал, «где лучше», везде ведется одинаково: уважение людей надо заслужить трудом, уверенность в себе дается преодолением трудностей и спасение от одиночества не придет издалека. Есть один путь — с интересом взглянуть на тех, кто рядом, помогать им, любить их. Непременно человеку нужен свой, уютный и надежный дом. А его нельзя найти. Его можно только построить.

Галина ПЕТРОВА

Фото И. ЯКОВЛЕВА.

Нытвенский район,
Пермская область.

ХАРАКТЕРАМИ?

**МУЗЕЙ
МАТЕРИНСКАЯ
СЛАВА**

Музей в поселке Юргамыш Курганской области строг и скромен. У женщин, глядящих на посетителей с портретов и фотографий, простые судьбы. Эти женщины просто рожают и воспитывают детей, просто трудятся ради их будущего. Но на повседневности и вечности материнского труда держится дом, семья, стоит жизнь на земле...
И идут в музей люди, ведь они тоже чьи-то дети.
А иные из выросших дочерей скоро сами станут мамами.

Матушка, гол

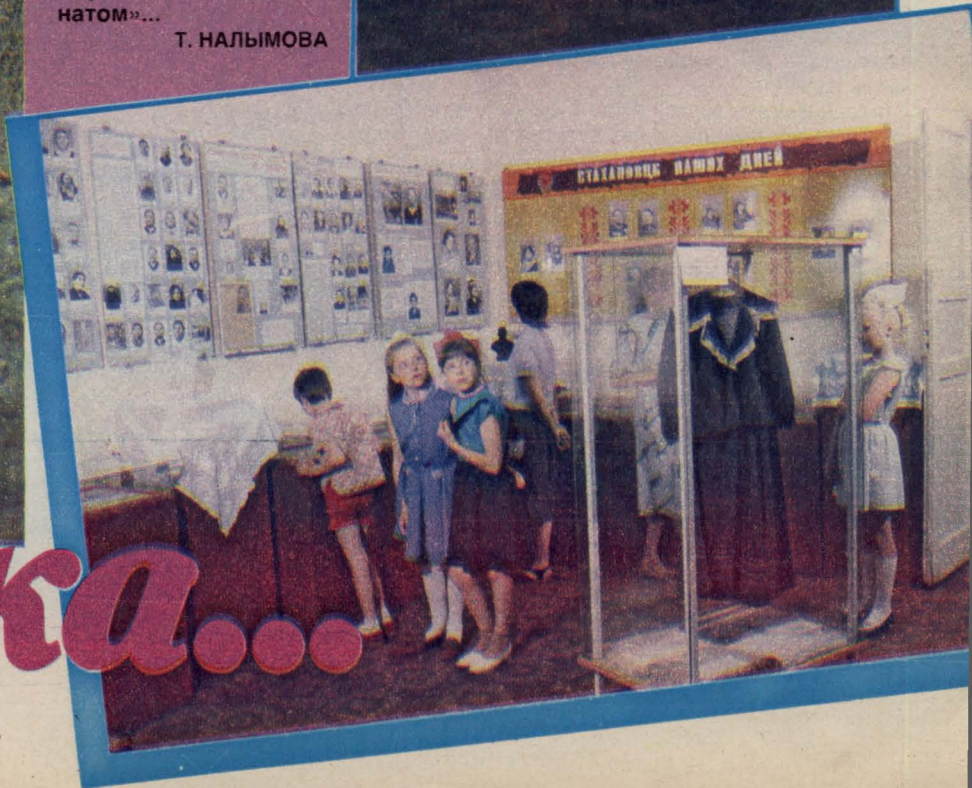
Одиннадцать ребятишек у Любви Васильевны Калегиной. Как управиться с такой командой? Но вся деревня Ложкино знает, какой она милый, открытый человек. Своих детей полон дом, а мимо чужого не пройдет, не улыбнувшись, угостит, приласкает, в гости позывает. И работает не вполсилы, одна из лучших доярок в колхозе. Как они с мужем Сергеем Павловичем — он скотник на ферме — справляются со своими заботами, каких сил стоит держать им в порядке дом и хозяйство, можно только догадываться. Но — все успевают. Недавно узнали добрую весть: правление колхоза «Путь к коммунизму» приняло решение построить для большой семьи новый просторный дом. А пока живут в стареньком, с порога которого каждое утро высыпают ребятишки. Мама дала им жизнь, она окружает их заботой и учит уму-разуму... Люди почтили ее своим уважением, поместив портрет Любви Васильевны в районном музее. А она немного стесняется, что стала «музейным экспонатом»...

Т. НАЛЫМОВА

ФОТО Е. МАТВЕЕВА.

уббушка...

ПОЧЕМУ Я УШЕЛ ОТ ЖЕНЫ

Уважаемая редакция! Ваш журнал читают женщины, и мне хочется им кое-что сказать, а некоторых, вроде моей бывшей жены, попытаться образумить. Не сочтите меня за эти слова нахалом, но вы сейчас поймете, почему я так выразился.

Кто собирается вечерами возле магазина, чайной или на каком-нибудь «пяточке»? Стоят кучками, сидят прямо на земле, выпивают, курят, спорят, а бывает, и дерутся. Что это за люди? Спросите любую женщину у нас в селе, и она скажет: пьяницы, плохие мужья.

А я бы ответил так: это в большинстве своем хорошие люди, у которых плохие жены. Вот они и стали пьяницами по одной этой причине.

Теперь уже не всем, а только замужним женщинам задам еще один вопрос: что значит «плохая жена»?

Наверное, ответят так: плохая жена — это бесхозяйственная женщина, неряха, готовить не умеет, ленивая, скандальная и так далее.

Все верно. Но я думаю, что и самая замечательная хозяйка, работающая, чистюля и по характеру спокойная женщина, да к тому же и красивая, оказывается плохой женой, если она не умеет выслушать и понять своего мужа. С ней уже через год-два становится скучно, а потом и противно, идешь домой с работы и заранее тоскуешь. Она тебя, конечно, ждет — ты должен сделать по дому то-то и то-то и вообще быть при ней. Вроде мальчика на побегушках. А мальчику-то уже под сорок, как мне, например. И у мальчика этого есть работа, причем нелегкая, есть свои заботы, радости и неприятности. Но ей до всего этого и дела нет, даже до твоих неприятностей, если, конечно, они не скажутся на зароботке. А скажутся — значит, ты и виноват.

Смотрю на мужиков, с которыми частенько, уже года четыре, встречаюсь возле бывшей чайной, теперь кафе. Нашего полку прибывает, и пополнение идет за счет молодых «женатиков». Видно, и их семейный очаг не здорово греет, даже зимой на «пяточке» трутся. И говорим мы между собой о том, о чем когда-то пытались говорить дома с женами, считая их (по молодости и по глупости нашей) друзьями, товарищами. Говорим о работе, о прошедшем дне, о том, что на свете происходит.

И меня здесь понимают, здесь я в почете. Многим интересно, что я сегодня придумал, а если кому не ясно — щепкой на земле нарисуеть что-то вроде чертежа, растолкуешь до тонкости. Другой про свое расскажет, мне это тоже интересно, обсуждать начинаем. Бывает: кто и жалуемся друг другу на неудачу, обиду или несправедливость какую-то. А бутылка, бывало, язык развязывала, даже малознакомому человеку душу начинаешь изливать.

А ведь жене-то родной я (да и другие), если бы она сочувственно вникала, и без бутылки бы душу излил. Прямо удивляюсь: неужели женщины этого не понимают, сами толкают мужей к пьянству, от дома отваживают!

Прожил с женой 14 лет. Я местный, а она приехала из соседнего района, работает воспитателем в совхозном садике. После армии и сейчас работаю механизатором. Родители мои в деревне живут, а нам на центральной усадьбе дали двухкомнатную квартиру в двухэтажном доме. Все удобства. Мебель купили, телевизор, мотоцикл — все как у людей. Дочка родилась, больше детей не заводили: совхоз слабый, может, уехать куда надумаем — так рассуждали.

Год, полтора прожили — и скучно мне с женою стало. Почему?

Объясню.

Работаю зимой на ремонте техники. Заработок, конечно, меньше, чем летом, но заниматься ремонтом мне очень интересно. Бывает, за день чего только не придумаешь, чтобы ловчее дело шло. Голова у меня на этот

счет варит и руки соображают. Вся мастерская ко мне ходит, если у кого что не ладится. Другой раз и специалисты не могут найти причину поломки, а я найду! Иногда, конечно, не сразу получается, но у меня упрямыства на пятерых хватит, до поздней ночи провоюю, а все-таки что-нибудь придумаю. Тогда домой как на крыльях летишь, хотя устал жутко. Руки все побиты, грязный, голодный, зато душа поет. Но песня кончается на пороге дома...

Встречает меня или гробовое молчание — а молчать жена умеет по неделе, да так, что, как говорится, молоко в доме киснет, — или вопрос: где ты шлялся?

А я не шлялся, я вкалывал!

Вначале пытался рассказывать. Чтобы ей было понятнее, попрошу лист бумаги, карандаш, хочу начертить, что я там такое придумал. Куда там!

Назавтра от кого-нибудь узнает, что я и правда в мастерских задержался, а не «шлялся». Маленько подобрееет, но ехидничает: работа дураков любит. Смолчу. Потом опять пытаюсь рассказать — вот, мол, чего добился. А уже стыд берет: вроде как похвалы от нее добиваюсь. Хотя что тут стыдного?

Я однажды вез на машине в райцентр двух своих односельчанок. Они про своих мужей разговаривали. Одна своего всячески поносила, и такой он, и сякой. А я его знаю, человек он толковый, работающий, только трусоватый какой-то. Мы с ним как-то вместе в магазине оказались, капусту покупали на засол. Так он перед продавщицей весь извертелся, чтобы она ему получше кочаны дала, а то, говорит, меня жена из дому выгонит. А капуста — 6 копеек килограмм. Пожалел я его тогда от души: до чего же мужика довели! И сколько я таких трусоватых видел! Чуть что не так сделает: купит не то, пиджак запачкает или еще какая ерунда случится, — он уже трясется: жена домой не пустит! Да что это за жена такая, что это за дом и на кой они нужны, если так?

А вторая женщина своего нахваливала. И говорила о нем с таким уважением, называя его при этом не по имени, а «мой» или «сам», что я этому товарищу, которого тоже хорошо знаю, очень и очень позавидовал. Если бы моя жена мною так гордилась, я бы ее и сейчас на руках носил, как после свадьбы делал.

Я, конечно, рассказал этому счастливому товарищу, как его жена уважает. А он на следующий день мне ватрушек принес. Тоже, видно, ему приятно похвалиться мастерством жены было.

Кстати сказать, на «пяточке» я не вижу ни того, ни другого. Одному, так понимаю, ходить туда незачем, ему и дома с женой хорошо, а второй, наверное, ходил бы, да боится. Держать в страхе тоже, конечно, способ борьбы с пьянством, но, думаю, не самый лучший.

Если интересно, могу сказать, как я теперь живу, разведенный.

Дали комнату в общежитии. Дочка ко мне бежит чуть не каждый вечер. Иногда хожу на «пяточку», но теперь реже. С работы домой не тороплюсь. Холостяцкое хозяйство веду аккуратно, как в армии приучили. Месяца два назад появился у меня настоящий друг, хотя это и женщина. Езжу к ней раз-два в неделю за 30 километров. Первое время с бутылкой ездил, а потом понял: не нужна бутылка, и так наговориться не можем. Хотя моя бывшая жена и моложе, и пофигуристей, и красивее. Но, видно, не в красоте дело. В понимании. Научитесь понимать нашего брата — и разводов будет меньше, и пьяниц поубавится. Словом, в семейной жизни тоже перестройка нужна, только, конечно, не такая, как у меня произошла. Я ведь о том, что случилось, очень жалею.

Край, где я живу, огромный, а таких, как я, много, так что вряд ли догадаются, кто писал. Подпишусь так:

Иван БЕССЕМЕЙНЫЙ,

Красноярский край.

Рис. С. БОГАЧЕВА.

СПАСИБО НА ДОБРОМ СЛОВЕ

«Прошу очень и очень: напишите...» — так начинаются или заканчиваются тысячи ваших писем.

«Приезжайте в село Кольшкино на красавицу Волгу и напишите про учительницу Ирину Алексеевну Великих», — просит В. А. Костенко (г. Волгоград).

Удивительных людей, судя по читательской почте, много, и, по глубокому вашему убеждению, «Крестьянке» необходимо познакомиться с ними огромную аудиторию, все семнадцать с половиной миллионов читателей. Ведь сейчас, когда мы так решительно взялись обновлять жизнь, важно понять собственные возможности, «зарядиться» энергией, которая исходит от горячих, знающих, толковых, уверенных в правильности своих позиций людей. Да, эти люди стали центрами притяжения, их соображения по поводу наболевших проблем, их опыт, профессиональный и житейский, интересны всем.

И «Крестьянка» предоставит им журнальные страницы для конкретного разговора: как реализуются идеи обновления, что тормозит, что помогает... Будем держать постоянную связь с женсоветами: что сделано для улучшения условий труда и жизни женщин, как лечат и учат ваших детей, о чем тревожатся матери в больших семьях, что нового в семейных клубах? Будем встречаться для острых споров за «круглым столом» и будем делиться на всех опыт лучшего ведения хозяйства.

А сколько разных «личных» проблем! Ведь и красивой хочется быть, и молодой, и на людях не теряться, и со свекровью ладить, и взрослеющих детей понимать... «Житейская грамматика» и «Хозяюшка» постараются вам помочь.

Говорят, что молодежь советов не любит. Оказывается, неправда. Две девушки из Ялтуровска (Тюменская область) пишут:

«Крестьянка — это не только женщина взрослая, но и начинающая понимать жизнь девушка! Нам нужна ваша поддержка в вопросах любви, семьи, культуры, самовоспитания, моды...»

Вопросов, где нужна поддержка, и в этом, и в других письмах, названо много. Есть и упреки:

«Обещали консультации психолога — где они?..», «Вы что, считаете, что интимная сторона семейной жизни никого не интересует? Обещали советы...»

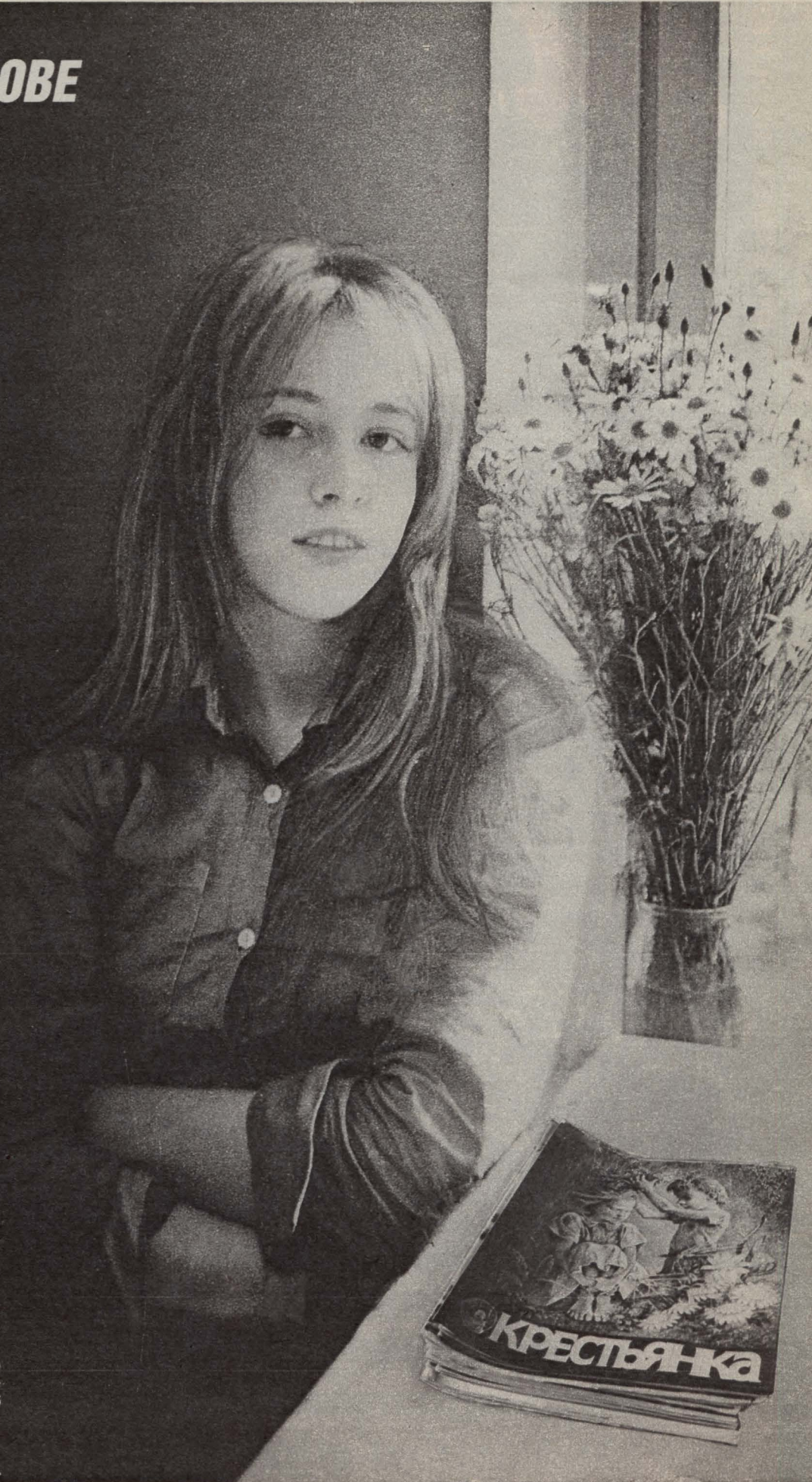
Есть сердитые и даже гневные оценки опубликованных стихов, рассказов, песен. Что касается невыполненных обещаний — вину признаем, и, конечно, все, что обещано, вы в «Крестьянке» прочтете.

А к сердитым письмам относимся с предельным вниманием: за искренность, за желание видеть свой журнал безупречным — спасибо.

Сейчас «Крестьянка» принимает ваши заявки на будущий год. С 1 августа начнется подписка, и кто-то из еще незнакомых с нами читателей надеется прочесть на страницах журнала...

На что надеются «новички»? Чего ждут читатели со стажем? Где, по вашему разумению, еще нужна поддержка «Крестьянки»? И вот еще предложение: первый номер журнала 1988 года нам бы хотелось сделать только по вашим заявкам. Принимаете предложение? Пожалуйста, напишите.

Ваша «КРЕСТЬЯНКА».

М ИРЕЙ АТЪЕ

*Pour la venue "Krestianty"
Avec toute ma sympathie
Votre amitié
Simplician*

Музыкальная запись с нотами и текстом:

На вер-ни-ся-же как-то раз слу-чай-но встре-ти-ли я вас.
 Но вы вдвоём, вы не со мною... Был так пре-красен вер-ниоак, но
 взор всё пре-красней вас. Но вы вдвоём, вы не со мною... Как
 за спасе-нем к вам иду. Вы тот, кого дав-но я жду. Но вы вдвоём, вы не со

Музыкальная запись с нотами и текстом:

мною. И я себя на том ло-жу, что вас почти уже люб-лю.
 Но вы вдвоём, вы не со мной... Ах, вер-нисак, ах, вер-ни-сах!
 Какой портрет! Какой пейзаж! Вот зимний вечер, лет-ний зной,
 а вот Ве-не-ци-я вес-ной... 2. Смп...

— Я родилась в провинции, в Авиньоне, и все, что произошло со мной потом, кажется мне иногда сном, ярким, тревожно-прекрасным, но нереальным.

У отца была не очень-то поэтичная профессия, он был каменотесом, делал надгробия и работал от зари до зари, еще бы, нас было четырнадцать братьев и сестер. Но музыка была везде: в старинных замках и реках родного Прованса, на городских площадях, в деревенских трактирчиках; Париж — мой дом, но корни и сердце там, в Провансе. Наверное, по-другому и не бывает.

Я была ребенком, когда гремела слава Эдит Пиаф, и кто же не пел тогда ее песенки; она была самой Францией для всех нас. Я тоже начала с ее песен, даже приняла участие в конкурсе молодых исполнителей и заняла первое место. Но все-таки это пришло чуть позже, а первыми моими песенками были колыбельные, я помогала маме укладывать

спать нашу домашнюю орду. А первой моей концертной площадкой была ярмарка в Авиньоне.

Мне было 17 лет, когда умерла Эдит Пиаф, я пела и пела ее песни, меня заметил «делатель талантов» Джонни Старк и пригласил в спектакль «Моя прекрасная леди». И тут Морис Шевалье предсказал мне счастливую артистическую судьбу; он сказал: «Многим из нас никогда не добраться до ее будущего успеха». Ему тогда было 77 лет, и он был так знаменит, что на него нельзя было смотреть, не уронив шляпы с головы. В 18 лет вместе с Шевалье мы гастролировали по США. А через два года я впервые приехала в вашу страну. Еще через девять лет я пела в Большом театре. Когда я исполняла «Марсельезу», то подхватил весь зал: наша песня, оказывается, была и вашей. А когда в этот раз я специально подготовила одну русскую песню и спела ее в аэропорту Шереметьево, то ее опять подхватили все, кто был рядом: встречающие, летчики, да все, кто был. Это были «Подмосковные вечера»: ваша песня стала и нашей.

Люблю вашу страну, люблю Москву, прекрасна Красная площадь, где мы для «Крестьянки» сфотографировались с сестрой. Заранее знала, что увезу домой какую-нибудь вашу песню. Мне очень нравится «Вернисаж», сейчас разучиваю ее.

И еще. Давайте вычеркнем из всех словарей слово «продай», пусть остается «до свидания».

Во время встречи с нашим корреспондентом певица передала в подарок читателям фотографию, на которой написала: «Журналу «Крестьянка» — со всей моей симпатией. Ваш друг Мирей Матье».

ВЕРНИСАЖ

Музыка Раймонда ПАУЛСА.
Стихи Ильи РЕЗНИКА.

На вернисаже как-то раз
Случайно встретила я вас,
Но вы вдвоем, вы не со мною...
Был так прекрасен вернисаж,
Но взор еще прекрасней ваш,
Но вы вдвоем, вы не со мною...

Как за спасеньем к вам иду —
Вы тот, кого давно я жду, —
Но вы вдвоем, вы не со мною...
И я себя на том ловлю,
Что вас почти уже люблю.

Но вы вдвоем, вы не со мною...
Ах, вернисаж, мучитель наш,
Вы не один — какой пассаж!
Вы не один, вы не со мною...
На этой выставке картин
Сюжет отсутствует один:
Где мы вдвоем, где вы со мною...

Ах, вернисаж, ах, вернисаж!
Какой портрет! Какой пейзаж!
Вот кто-то в профиль и анфас,
А я смотрю, смотрю на вас...

Смятенье вы мое и грусть.
Мой сон, что помню наизусть.
Но вы вдвоем, вы не со мною...
Моей надежды ясный свет.
И шла к вам столько долгих лет.
Но вы вдвоем, вы не со мною...

Ах, вернисаж, мучитель наш,
Вы не один — какой пассаж!
Вы не один, вы не со мною...
На этой выставке картин
Сюжет отсутствует один:
Где мы вдвоем, где вы со мною...

Фото Е. МАТВЕЕВА.

...Чтобы
согреть сердце

ТАК ДОШЛИ МЫ ДО ОСТАНОВКИ...

Я человек пожилой, вырастила сыновей, имею внуков, все поразъехались, очень давно живу одна. Уже много лет нет возле меня человека, о котором я бы могла заботиться, кормить, ухаживать, согревать. Меня это не тяготило, я привыкла к одиночеству. Но вот как-то вечером возвращалась я от сына. Какое-то расстояние до автобуса надо было пройти пешком. Стемнело, свет почему-то не зажгли, а дорога — лужи, ухабы, грязь. Идет рядом со мной мужчина, тоже запинается за каждую кочку. Разговорились. О том, что дороги плохие, что фонари не горят... А идти все трудней и трудней становится. И тут этот человек ненавязчиво, мягко, но в то же время уверенно взял меня под локоть. И повел. Идти сразу стало легче, я почувствовала опору. И еще я поняла: это очень хороший и добрый человек. Лица я его не видела, возраст тоже в темноте определить невозможно было. Так дошли мы до остановки. Здесь я и разглядела его: он был в летах, может, чуть постарше меня, с орденскими колодками. Подошел автобус, мы сели в него порознь, где места свободные были. Больше мы не обмолвились ни единым словом. Я не видела, сошел он раньше меня или проехал дальше. А на меня нашла такая грусть... Я как будто помолодела душой. И не на 10—15 лет, а на все 30. Оказывается, нам, женщинам, совсем немного нужно — чуть-чуть теплоты, чтобы согреть сердце.

Е. Г. РАХМАННАЯ

г. Курган

ЗА ЯСНЫМИ ЗОРЯМИ

Если бы жителям деревни Ясные Зори кто-нибудь сказал несколько лет назад, что на пустыре за околицей вырастут маслята, ни за что бы не поверили. Какие там грибы, даже бурьян не растет на этих камнях! Пустая, голая, бесплодная земля. А нынче я сам набрал целый кузовок молоденьких маслят. И подарил их Евдокии Ивановне Рогожиной, старожилу Ясных Зорь.

Все началось с того, что работница местного лесхоза Е. И. Рогожина вышла на пенсию. Сразу появилось много свободного времени! Ей, выростившей семерых детей, непривычно было сидеть сложа руки. А на глаза то и дело попадался пустырь. Сколько земли пропадает зря!

Не выдержала Евдокия Ивановна, пошла в совхозный лесхоз. Там не возражали: «Земля списана, делайте с ней что хотите». А что можно сделать, если ни техники нет, ни саженцев?

«Покумекал» директор лесхоза Дмитрий Яковлевич Абашкин, посоветовался со специалистами да и рискнул: ранней весной 1982 года выделил в распоряжение Рогожиной и ее мужа Егора Алексеевича трактор, посадочную машину, хвойные саженцы.

За три дня высадили тысячи деревьев! Вдоль дороги листовница — она лучше других образует ровные своды. А за ней побежали рядки сосенок. Следила за ними Евдокия Ивановна: не выжжет ли солнце, не погубит ли их, крохотных, высотой с карандаш, ветер, не вытопчут ли лоси, кабаны и домашний скот?

С пастухами Рогожина договорилась — будут обходить посадки. От кабанов и лосей стерегли с мужем по очереди, а потом и жители Ясных Зорь подключились. И вот молодой лесок охорашивается, расправляет ветви, зеленеет. Второе лето здесь растут маслята. А скоро и другие грибы появятся. Так что готовьте лукошки — и к нам, в Ясные Зори...

В. НИКИФОРОВ

Вязниковский район,
Владимирская область

Потом, как обычно, он ушел на кухню. Она, как обычно, попросила его остаться и курить в комнате, но он, как обычно, не послушал ее.

Когда через несколько минут она вслед за ним пришла на кухню, он сидел за столом на табуретке, прижавшись спиной к холодильнику и запрокинув голову.

— Галкин, дай мне, пожалуйста, сигарету. У меня, оказывается, пустая пачка,— попросил он, сидя с запрокинутой головой.

— Ты же знаешь, я не курю,— ответила она.

— Я знаю, что ты не куришь. Но я хочу курить.

— Ну и хоти себе на здоровье,— сказала она и пошла в комнату.

Она всегда держала в доме сигареты. Потому что обычно, когда он приходил к ней, он находил в кармане пустую пачку.

Вернувшись, она протянула ему сигареты и, устроившись за столом напротив, молча смотрела, как он курит.

— Галкин, ты не представляешь себе, как мне с тобой здорово!— сказал он, глядя не на нее, а в потолок, глубоко затягиваясь и выпуская дым через ноздри.— Галкин! Ты нездешняя женщина!.. С тобой ведь с ума сойти можно!— задумчиво произносил он в перерыве между затяжками.

— Поставить чайник? Чай будешь пить?— спросила она.

— Просто кошмар какой-то!— ответил он.

Повернувшись на табуретке, она зажгла газ, поставила на конфорку чайник, снова повернулась к столу, потом встала, подняла чайник, помотала им из стороны в сторону, потом налила в него воды из-под крана и поставила на огонь.

— Послушай, а твоя жена... Что ты ей теперь скажешь?

— Как обычно: был на ночном дежурстве.

— И она поверит?

— Не знаю... Скорее всего — нет, не поверит.

Она засмеялась.

— Или я ей скажу, что был у любовницы. И тогда она поверит, что я был на ночном дежурстве,— сказал он, оттолкнулся спиной от холодильника, посмотрел на нее и тоже засмеялся.

— Какая же ты... бэстолочь!— улыбаясь, сказала она.

Она его так часто называла, иногда через «э» обратное.

— Между прочим, она все понимает,— улыбнулся он.— Она прекрасно понимает, что если она вдруг станет пиявить меня вопросами, ей самой только будет хуже... И потом она жалеет меня. Она очень добрый человек и все понимает.

— Не понимаю, как ты можешь с ней жить,— сказала она.— Ведь ты ее совсем не любишь. Ты любишь меня.

— Очень люблю. В этом-то и кошмар!..

— Нет, Галкин, не поэтому,— погода возразил он, хотя она молчала.— Не из-за дочки... Она мне, между прочим, как-то пообещала, что Сашка всегда будет моей. Даже если я уйду... В любой момент, когда мне захочется, я смогу видаться с девочкой, брать ее к себе. Она сказала, что никогда не уподобится тем женщинам, которые считают себя вправе лишать детей хороших отцов только потому, что отцам надоело жить с матерями...

— Да, от меня ты детей не дождешься.

— Ну сколько можно!— Лицо его болезненно скривилось.— Ты же знаешь, не из-за этого! Как тебе не стыдно!

— Стыдно. Стыдно. Но при всем моем желании и твоей любви к детям...

— Да замолчи ты!— закричал он на нее.— При чем здесь дети! Чушь какая! Я ж тебе объясняю!..

Он вдруг перестал кричать, и в наступившей тишине загудел закипавший чайник. Она встала ногами на табуретку и принялась поправлять шторы; они пребывали в полном порядке, плотно прилегая друг к другу, и все петельки были на крючках.

— Мне тут недавно сон приснился. Очень занятный,— говорила она, стоя на табуретке, а он сидел, опустив голову, и большими пальцами массировал себе виски.

— Сон, говорю, приснился,— продолжала она.— Как будто ты тяжело заболел и тебя на целых полгода уекли в больницу. А я, значит, подкупила медсестер и раз в неделю приходила к тебе ночью. С тобой в палате лежали еще двое каких-то мужчин. Один из них никак не мог заснуть, все ворочался с боку на бок, кашлял, пил воду из стакана. А я, как дурочка, сидела в коридоре и ждала, когда он наконец затихнет...

Он молчал, растирая себе виски, а она слезла с табуретки, выключила газ под кипящим чайником, потянулась к мойке с чашками, но вдруг резко обернулась, подседа к столу. Она взяла его за подбородок, подняла его голову, заглянула ему в лицо.

— И ведь все как наяву,— заговорила она.— До мельчайших подробностей. До сих пор помню!.. Потрескавшуюся краску на стене между двумя окнами. Ядовитый такой цвет... Помню сбоку от двери, слева... да, слева от входа в палату — плакат о вреде курения... Помню, как каждые пять минут вскакивала, подходила к двери, прижималась к ней, стараясь не дышать, и тогда слышала, как крутится на постели и скрипит пружинами тот проклятый мужик, который никак не хотел заснуть... Все помню!

— А дальше. Дальше помнишь?

— Бэстолочь! Да ну тебя!

— Еще раз, пожалуйста.

— Что еще раз?

— Еще раз бэстолочью назови.

— Бэстолочь ты,— сказала она.

— Нет, не так.

— Ну бэ-э-столочь!.. Доволен?

— Спасибо, Галкин!

Достав из пачки вторую сигарету, он принялся разминать ее между пальцами, а она поднялась, подошла к плите и стала заваривать чай.

— Зря благодаришь,— сказала она, насыпая заварку в фарфоровый чайник.— Я вот возьму сейчас и выставлю тебя. Убирайся к своей жене. Пусть она называет тебя «бэстолочью». Пусть рождает детей. Заваривает тебе чай. Беседует с тобой по ночам на кухне... Она добрая и все понимает. А я не хочу понимать!

Впрочем, все это она произнесла беззлобно, безразличным тоном и не оборачиваясь.

— Никогда ты этого не сделаешь.— Он устало вздохнул.

— Это почему же?

— Потому что любишь меня, между прочим.

— Ну и что?

— Потому что я не могу без тебя.

— А мне-то какое дело!

— Потому что я от тебя все равно никуда не денусь. Даже если ты меня сейчас выгонишь. И ты это прекрасно знаешь.

Она поставила заварочный чайник на столик рядом с плитой, накрыв чайник полотенцем.

— Нет, Галкин, я не могу ее бросить,— сказал он немного погодя.— И не из-за Сашки. Понимаешь... я люблю ее. По-своему. Как бы тебе это объяснить?.. У нее ведь никого нет. Она совершенно одинока!

— Это она-то совершенно одинока?! Ах, несчастная страдалница! А ребенок? А родители? Да пошел ты! Ей двадцать четыре года в конце концов, а не тридцать пять, как мне!

— Не надо, Галкин. Ты же прекрасно понимаешь: Сашка еще маленькая. Она не помощь, а обуза... А родители у нее... Сама знаешь, какие у нее с ними отношения!

— Как же! Хуже не придумаешь! То-то ее мамаша, когда их любимая дочурка у тебя на шее повисла, а потом «погорела», не поинтересовалась, женат ты или нет, даже увидеться с тобой не пожелала, а прямым к тебе на работу. До сих пор ходишь на работе оплеванным! Но своего добились! Сразу просекла, что с бестолочью связалась, с христосником, слонтяем!— Это говорилось уже в полный голос, с болью и яростью.— Господи, как я иногда тебя презираю. Разве ты мужчина?! Ты... Знаешь, кто ты...

— Бестолочь,— радостно произнес он и покорно вздохнул.

Ярость в ней тут же иссякла. Она поспешно отвернулась, чтобы не улыбнуться.

— Не надо, Галкин,— осторожно попросил он.— Ну сколько можно! Она-то здесь при чем? Она ведь мать свою за это до сих пор простить не может. А отца боится! И, кроме страха, у нее к нему...

— А я, что, по-твоему, не одинока? Ведь у меня ни детей, ни родителей. У меня-то действительно никого нет на белом свете!

— У тебя есть я,— сказал он.

— Ты издеваешься?— спросила она почти испуганно.

— У тебя есть я,— тихо и виновато повторил он.— Ты знаешь, я всегда тебя любил и буду любить. А у нее не может быть такой уверенности.

— Ах вот оно что! Ловко, однако!— с издевкой произнесла она и поставила на стол две чайные чашки без блюдец.

— А я, между прочим, замуж собираюсь. Надо же как-то устроить свою личную жизнь,— сообщила она.— Ты слышишь меня?

Он посмотрел на нее задумчиво.

— Да и потом — ты красивая. У тебя хорошая фигура, длинные ноги, замечательные глаза — все в тебе прекрасно. А она невзрачнейшая такая, коротконогая, сутуленькая... Она тебе по всем статьям проигрывает.

— При чем здесь это?

— При том, что бросить сейчас ее и уйти к тебе — совсем нечестно, подло даже. Понимаешь?

— Понимаю,— вздохнула она и вдруг ласково добавила:— И вот от сострадания решил родить второго ребенка.

— Откуда ты знаешь?!— испугался он.

— Я все про тебя знаю.

Он вскочил с табуретки, вышел в коридор, потом вернулся на кухню.

— Между прочим, я не собирался! И она не хотела! Но так получилось, и ее врачиха теперь настаивает...

— Тебе сколько ложек: две или три?— перебила она его, кладя ему в чай три ложки сахара.—

Так ты слышал, что я собираюсь замуж?

Он снова вышел в коридор. На этот раз он пробыл там довольно долго, стоял возле вешалки и тербил пуговицы на своем плаще.

Потом радостный вбежал на кухню. Схватил ее за руки, поднял с табуретки, притянул к себе.

— Слушай, Галкин,— торопливо зашептал он ей на ухо.— У меня только что родилась грандиозная идея! У моей жены в Сочи целый дом. В нем жила ее бабка. Но бабка умерла, и дом теперь пустой. Давай плюнем на все и рванем в Сочи. А?! Ты представляешь, как будет здорово! Вдвоем! В пустом доме! На берегу моря!

— Ну и бестолочь ты!— засмеялась она, обхватила его за шею.

— Нет, но почему сразу же бестолочь!— возмущенно воскликнул он.— Я хочу быть с тобой!

Она вдруг резко оттолкнула его от себя, села за стол, взяла чашку с чаем.

— Самое смешное,— улыбнулась она, отхлебывая из чашки,— что я действительно никогда не выйду замуж. Нет, не воображай себе: кавалеров у меня хоть отбавляй, и многие из них с радостью возьмут меня замуж... Один из них по крайней мере... Но все они для меня... Кавалеры! Вот именно. Понимаешь, пока они за мной просто ухаживают, приглашают меня в театр, в ресторан, танцуют со мной, осторожно прижимая и с надеждой заглядывая... Да, мне приятно. Я чувствую себя женщиной. Но стоит мне только представить себе... Да нет, я даже представить не могу без содрогания...

Он потянулся за сигаретой, стараясь не встречаться с ней взглядом. Но она и не смотрела в его сторону, прихлебывала чай маленькими глотками, произносила фразу, прихлебывала и снова произносила спокойным, удивительно безразличным тоном:

— Получается, что я ни разу не изменила тебе. А кто ты мне, спрашивается? Муж? Какой ты мне муж, когда ты женат на другой...

— Пойми, Галкин,— начал он совсем тихо, теребя в руках сигареты и к чаю не притрагиваясь.— Я, честное слово, не виноват во всей этой истории. Я тебе говорю, что ни я, ни она не хотели...

— Да заткнись ты!— вдруг закричала она и с такой силой ударила ладонью по столу, что чай из его чашки выплеснулся на клеенку.— Ты же все-таки из интеллигентной семьи! Я понимаю, ты все мне привык рассказывать! Но есть ведь какой-то предел, какие-то вещи...

Она перестала кричать так же неожиданно, как начала, и продолжала отхлебывать из чашки маленькими глотками. Лицо у нее снова было спокойным, а взгляд безразличным.

— Я просто хотел тебе... я хотел только объяснить...— Он тоже замолчал, не докончив.

— Ничего мне не надо объяснять,— сказала она, допив чай и снова наполнив чашку, на этот раз одной заваркой.— Зачем? Что вообще может объяснить мужчина! А тем более такая бестолочь, как ты. Разве ты что-нибудь понимаешь в своей жизни? Минуточку! Теперь я тебе объясняю... Как ты, женатый мужчина, спутался с этой девчонкой, тут все ясно. Девять месяцев без меня.

Одиночество. Чужая страна, чужие люди и все такое прочее. И вдруг встречается тоже одинокая. Наша, отечественная, слава тебе господи! Хоть не красавица и тоже в общем-то чужая, но зато двадцатилетняя... А главное — девять месяцев одиночества!.. Потом ее высылают почти следом за тобой, на год раньше срока. Действительно, кому за границей нужна беременная машинистка?!

Рассказ

Юрий ВЯЗЕМСКИЙ

СТОЛОЧЬ

Рис. А. ОСТРОМЕНСКОГО.

Он хотел что-то сказать, но она не дала ему.
 — Минуточку! Твои объяснения я уже слышала, два года назад, здесь, на этой вот кухне. Что любишь ты меня, ее не любишь, но после этого не можешь ее предать. Что со мной тебе все равно жить не будет, так как совесть не даст, с ума сойдешь от стыда, от жалости к той, соблазненной и покинутой... Верно, не смог бы. Такой уж ты «недоделанный» у меня мужчина! И люблю я тебя, кстати, именно за это. Другой бы и глазом не моргнул. Ах, ну да, скандал на работе... Но ведь я тебя знаю! Из-за одного скандала ты бы ни за что на ней не женился. Не из тех ты!

Он опять хотел возразить, и опять она ему не дала, закрыв ему рот рукой.

— Все-все я тогда поняла и сейчас понимаю. Кроме одного: почему ты пожалел ее, а не меня? Свою жену, с которой прожил почти десять лет?!

— Потому что люблю тебя, а ее не люблю, — сказал он, отводя от своего рта ее руку и целуя ее. — По моей вине произошла трагедия. И я решил... Понимаешь, я подумал, что справедливее будет, если мне будет хуже...

— Врешь! — улыбнулась она. — Ты не так подумал. Ты подумал: даже если с ней разведусь, все равно никуда от меня не денется. Потому что любит меня, как кошка. Жить буду с другой, а любить буду ее. Раз уж так все «трагически» получилось!.. Разве посмел бы ты бросить меня, если бы в глубине души не был твердо уверен, что все равно я, дура, никуда от тебя не денусь?!

Он так сильно стиснул ей руку, что она поморщилась и замолчала.

— А ей, ты считаешь, легче стало от того, что ты на ней женился? — спросила она, когда он отпустил ее руку. — Не думаю... Знаешь, как бы погано мне сейчас не было, я бы ни за что не поменялась с ней местами. Ей-богу!

— Но теперь у нее будет второй ребенок! И врача обещает, что ее аллергия после родов... Нет, теперь я уже совсем в безвыходном положении! — воскликнул он и посмотрел на нее с таким обезоруживающим отчаянием, что она рассмеялась.

Она смеялась беззаботно и совершенно искренне.

— Ну и бэ-э-столочь ты, — сказала она, кончив смеяться.

Потом они поговорили о его работе. Потом — о ее работе. Потом она пересказала ему содержание шведского фильма, который недавно видела в Доме кино. Потом, по ее просьбе, он рассказал ей, как развиваются наши отношения с Америкой и что происходит в нашем здравоохранении. А потом, как обычно, долго сидели на кухне, сдвинув табуретки, обнявшись и ничего не говоря друг другу...

Когда он ушел, она привычным движением поставила около себя телефон.

Он позвонил минут через пятнадцать.

— Галкин, это я, — сообщил он. — Только не удивляйся. Я звоню из автомата. Значит, так: сейчас я иду к начальнику и говорю ему, что мне нужен отпуск за свой счет на неделю. А после работы еду в трансгентство и заказываю два билета до Адлера. Ты слышишь меня? Я больше так не могу! Ясно?! А как только вернемся в Москву, тут же подаю на развод и снова женюсь на тебе. Все! Я решил! Бесповоротно!

Всякий раз, уйдя от нее, он звонил ей из автомата и просил не удивляться. Обычно они должны были куда-то отправиться. Как правило — на самолете. И часто по возвращении собирались снова пожениться...

— Бэстолочь! — сказала она. И, как обычно, не дожидаясь ответа, повесила трубку.

«СТРОКИ О ЛЮБВИ»

К. Н. БАТЮШКОВ

1787—1855

МОЙ ГЕНИЙ

*О память сердца! ты сильнее
 Рассудка памяти печальной
 И часто сладостью своей
 Меня в стране пленяешь*

дальной.

*Я помню голос милых слов,
 Я помню очи голубые,
 Я помню локоны златые
 Небрежно выходящих врасплох
 Моей пастушки*

несравненной

*Я помню весь наряд простой,
 И образ милый, незабвенный
 Повсюду странствует*

со мной.

*Хранитель гений мой —
 любовью*

*В утеху дан раздуке он:
 Засну ль? приткнет*

к изголовью

И усладит печальный сон.

ЭЛЕГИЯ

*Как счастье медленно
 приходит,*

*Как скоро прочь от нас летит!
 Блажен, за ним кто не бежит,
 Но сам в себе его находит!
 В печальной юности моей
 Я был счастлив — одну*

минуту,

*Зато, увы! и горесть люту
 Терпел от рока и людей!
 Обман надежды нам приятен,
 Приятен нам хоть и на час!
 Блажен, кому надежды глас
 В самом несчастье сердцу*

внятен!

*Но прочь уже теперь бежит
 Мечта, что прежде сердцу*

льстила;

*Надежда сердцу изменила.
 И вздох за нею вслед летит!
 Хочу я часто заблуждаться,
 Забыть неверную... но нет!
 Несносной правды вижу свет,
 И должно мне с мечтой*

расстаться!

*На свете все я потерял,
 Цвет юности моей увял:
 Любовь, что счастьем мне*

мечталась,

Любовь одна во мне осталась!

Доверимся ли мы этим словам писателя? Или заколеблемся? Не поверим, не доверимся? «Нет нынче любви», — горько жалуются девочки 13—14 лет, и письма их в редакцию наполнены прелестной пугливостью перед взрослым миром, и не угрюмые обманы послужили поводом для написания их, а ребяческие ссоры и веснушки — трагедии, и мамы не пускают на танцы — драмы. Нет же, не насмешка здесь, а добрая, тихая зависть этого самого «взрослого мира», у которого и аргументы много жестче, и оптимизма поменьше. Как же так — оптимизма поменьше? Да и в тех, почти детских письмах вроде бы нет его — ведь «нет нынче любви», пишут они. Пишут-то пишут, но так старательно, прикусив язычок, выводят буквы, будто она, завтрашняя любовь, уже витает над ними, и они чувствуют ее приближающееся дыхание, и, боясь сглазить, рисуют буквы, потому что так хочется, когда придет срок, встретить ее и чтоб была она самой-самой, такой, какой, говорят, она уже давно не бывает... А скажи им, что она и не была никогда такой, не поверят и правильно сделают. Ведь стоит только бросить взгляд в хрестоматию, и глаз не успеет прочесть, а сердце уже впитывает, впитало: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...» Почему же тогда было, а сейчас нет? Была ли Она таким гением чистой красоты или Он Ее такой увидел — как узнать? Кто ответит? Но было же, было! И нет...

Он очень прост, этот телевизионный фильм. Наполненная первым весенним томлением восемнадцатилетняя девочка хотела полюбить и полюбила. Он очень сложен, этот фильм, потому что у нас на глазах с очевиднейшей убедительностью расцветает любовь не «с первого взгляда», а «до первого взгляда». Девушка пройдет все стадии развития чувства: знакомство и глуповатые смешочки, кокетство и приверженность к «роковым тайнам», все это отшелушится, и всплывет, и захватит бабья пронзительная тоска по возлюбленному, желание укрыть, спасти и сохранить. А того самого «первого взгляда» так и не будет. Никогда не было и уже никогда не будет.

Фильм называется «Привет с фронта», этими словами начинались письма, пробудившие в девушке любовь. Но возможно ли все это? Двадцатилетний юноша видел несколько раз девушку — и влюбился. Она могла его видеть, он был рядом, но не обратила на него внимания. Он-то помнит «чудное мгновенье», она — нет. Он пишет ей письма, память ее не пробуждается, но любовь полонит ее и по прошествии нескольких десятков лет остается столь же чистой и святой. Все это было бы псевдоромантическим вздором, литературной уловкой, если бы не одно обстоятельство: если бы не война.

Девочка занята совсем не детским делом, работает в военном госпитале, вздрагивает, сжимается при виде смерти, но фронт врывается и сюда, в Москву, уже салютующую победам. И девочка видит, как вешают бирку на запястье человеку, еще несколько часов назад угощавшему ее фронтowymi яствами. И влюблявшиеся в нее мальчики-

ветераны переставали присылать треугольнички со штампами полевой почты не потому, что забывали ее, просто они были убиты.

Так кто же сказал ей безмолвное, но отчетливое: «Я помню чудное мгновение, передо мной явилась ты...»? Кто, каков он, тот лейтенант, что начинает присылать ей приветы с фронта? Она не сочиняет своего возлюбленного — мудростью женщины, соприкоснувшейся со смертью, она вызывает его из небытия памяти.

Можно представить их несостоявшуюся встречу. Как бы она ощущала его незнакомое, родное лицо: как вглядывалась бы в глаза незнамого цвета, как доверилась бы его рукам, ни разу не обнимавшим ее. Узнала бы его в толпе? Да, безусловно! Потому что даже лицо, даже рост и цвет глаз — только внешнее, необязательное в ее любви, и это столь же жутко, как и прекрасно.

Убивали там, на фронте, но одна из главных целей той страшной войны была и смерть этой девочки: пусть не физическая, от бомбежки или голода, гибель духовная — девочка должна была привыкнуть к смерти, принять ее за данность. Но если война, вместо того чтобы убить ее душу, породила и вынянчила в ней такую любовь, значит, эта девочка оказалась сильнее войны, и потому она непобедима, и непобедим народ, вырастивший и неведомого нам лейтенанта, и эту сестричку из военного госпиталя.

Об этом фильм. О войне. О первой любви. О неотвратимости победы, потому что любовь и была ее победой на той войне.

Автор сценария Вячеслав Кондратьев воевал, был ранен, лежал в госпитале.

Режиссер Иван Киасашвили помнит войну только по рассказам старших.

Роль медсестры Нины сыграла Елена Шилкина, студентка, родившаяся через двадцать лет после Победы.

Девочки в своих письмах в редакцию мало вспоминали этот фильм. Больше их бабушки, в жизни которых мелькнул или мог мелькнуть такой вот госпитальный лейтенант. Девочкам трудно, невозможно представить бирки и пайки, да и патефонные танго для них только

Какая нынче любовь?

За мной,
читатель!
Кто сказал
тебе,
что нет
на свете
настоящей,
верной,
вечной
любви?
Да отрежугу
его гнусный
язык!
За мной,
мой читатель,
и только
за мной,
и я покажу
тебе такую
любовь!

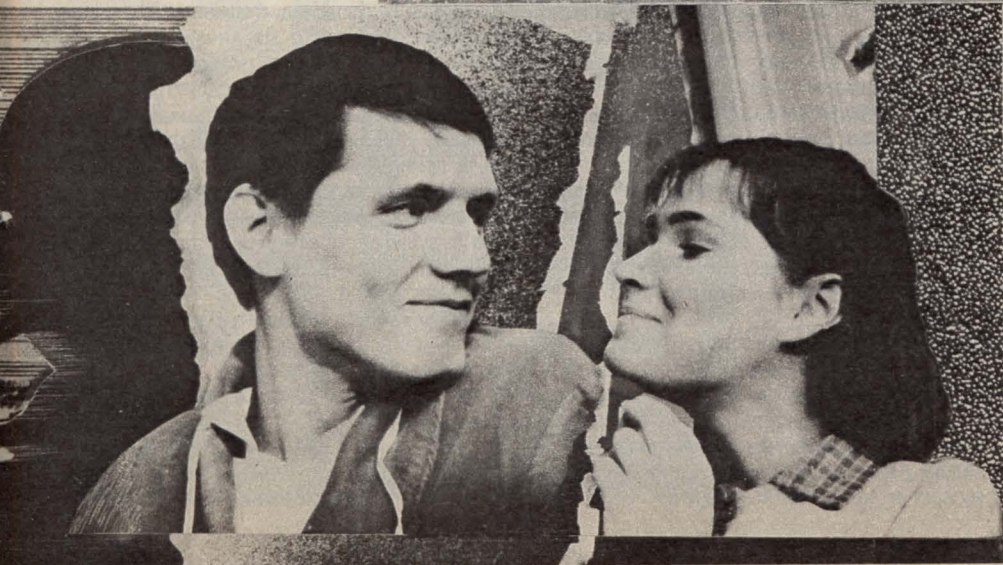
М. БУЛГАКОВ
«Мастер и Маргарита».

экзотическое «ретро». Смутно догадываются они, глядя на бабушек, в лицах которых прорезалась вдруг молодая тоска, что за этим «ретро» таится что-то такое огромное, что уж никогда, наверное, им не понять. «Кино! — восклицают эти девочки, выбегая в вечернюю улицу. — Ничего кино, только скучноватое, бабки зашуршали». Да, трудно им понимать, как можно влюбиться в письма, в тень, как можно по высохшему цветку, вложенному в письмо, понять, что суженый мертв.

Да ведь не одни только девочки могут написать, что нету нынче хорошей, большой любви, и в этом же письме попросят выкройку воротничка, как у Людмилы Гурченко, а заодно уж и модную песенку про самую современную любовь.

Письма женщин бывают горьки, полынны. Фунт лиха взвешен полностью и оценен без скидки. Жизнь виновата, что столкнула с этим «дураком проклятым». А как начиналось-то хорошо... Может, не жизнь виновата, предполагают авторы этих писем, а мы сами, что выдумали себе эту дурацкую любовь, эту выдуманную мерку приложили к жизни — и не сходится. А не забивали бы, дескать, себе головы всякой блажью, оно, гляди, и легче было бы. Ну, скучней, может, ну, безрадостней, а то с этим пьяницей весело, а то с этим бабником радостно; а уж коли не пьяница и не бабник, так обязательно зануда и каждой боч-

ке затычка. Проще, мол, надо на мир смотреть, и жизнь не обманет, сама только не обманывай этими сказками...

Уже обманулись. Или пытаются себя обмануть. Или, как те девочки, заговаривают себя, заколдовывают, чтобы соседки вой не услышали. В школе еще учителя ошибку сделали, когда проходили органы чувств, когда говорили о зрении, слухе, обонянии, вкусе, осязании. И ни слова о любви. А ведь не будь любви, старики проклинали бы молодую жизнь, чувствуя приближение конца: как же так, им уходить, а эти будут радоваться на зеленых лугах? Не будь любви, сдавали бы повсеместно отцов-матерей в приюты: сделали свое дело, вспоили-вскормили — подвиньтесь, не застите! Да не будь любви, и Родины бы не было, а был бы случайный клочок земли: где-то же надо родиться, и память была бы пустым звуком.

Другие письма; не те, что девочки пишут в редакцию, и не те, что писал неведомый лейтенант. Письма зрелой женщины из села Ясное в лагерь. Письма рецидивиста из лагеря в село Ясное. Ему сорок, и большую половину жизни провел в тюрьме, ей за тридцать, и обоглась уже в браке. Уж ей ли уши развешивать на тюремные байки? Не девочка же. И про все его судимости знает. А все же... Смотрит она на лагерную фотографию стриженного мужика и видит, что глаза у него грустные, читает его письма, и сердце болит. Как уж он вызнал ее адресок, неизвестно, лагерники, они насчет адресков запасливые, и писал ей на всякий случай, может, и не ей одной. Наверное, искренним был, скорее всего — и правду писал, и сам любовался, что правду пишет. Потому что план его был ему самому ясен во всех подробностях. «Любушка-голубушка,— говорил он сам с собой, когда ему в другом месте дали от ворот поворот.— Оладушек ты мой сибирский! Я хоть отъемся около тебя... Хоть волосы отрастут. Дорогуша ты моя сдобная. Съем я тебя! Задушу в объятиях!.. Разорву и схавая! И запью самогоноккой. Всё!»

Верно, ждал встретить деревенскую дурочку или истосковавшуюся без мужика бабу, а встретил женщину добрую и ясную, спокойную и веселую. И в первую же минуту встречи стало ему неспокойно. Перевидав много всяческой человеческой дряни, не приходилось ему вот так близко соприкоснуться с настоящим. Он и растерялся. В дом привела, как дурочка, с родителями познакомила — как не растеряться? Да еще и мудрая, с ходу видит всю его игру и на нее не обижается: «Как конь в гору, только еще боками не проваливаешь. Да пена изо рта не идет. Упадешь ведь. Запалишься и упадешь. У тебя, правда, что ли, никого нету? Родных-то...» Не о других женщинах выпытывает — о родне, о теплом...

Встретился Егор Прокудин по кличке Горе с ясностью, по подлинным и коряво потянулся к нему. Но не о нем речь — о ней. Если она такая сердобольная, если на любовь великая, то что же с первым-то мужем не поладила, в нем любовь не раскрыла? Собою виден и хорош, а все равно противный, когда пьяный, а пьяным бывал часто. Не полюбишь такого, сердце восстаёт. Просила не пить — все равно пил, оскорбляя ее любовь, не жулся в ее любви — вот эти и отвратило.

Еще по письмам Егора из тюрьмы отмыла его, отчистила от дряни — и стало жалко его, и грустно, и сколько бы он ни изголялся,

сколько бы ни врал теперь, понимала: отсюда все это, из той его проклятой жизни; а ведь, что греха таить, и побаивается его, ну как заиграется, ведь ошпарил же брата по злобе, по привычке к исковерканности...

В какие седые времена родилась любовь из жалости, из сострадания? Сколько же удивления к самой себе, когда говорит вроде бы подруге, а на самом деле себе: «Гляди-ка, Вера, присохла я к мужику-то. Ну надо же! Болит и болит душа — весь день... И я уж не знаю: то ли я его люблю, то ли мне его жалко. А вот болит душа — и все».

Может, выдумал все Шукшин Василий Макарович в киноповести «Калина красная»? Но откуда тогда такая вера в эту ясную женщину из села Ясное? Такая вера может быть только в одном случае: когда каждый жест, каждое слово вызывает не восхищение актерским мастерством или блистательностью реплик, сочиненных автором, а просто входит в душу и тербит те же струны, те же самые. Нет этих струн, и фильм покажется нелепым: пьяницу на вора поменять, ну и дура, ну и получай...

Говорят, что дар любви редок, как и любой талант. Нет же, не так. Мы рождаемся с ним, как со зрением и слухом, и надо быть большим выродком, чтобы органически не иметь его или растерять, вытравить из себя — пьянкою ли, предательством или пошлостью.

Но почему же все кино да кино! Давайте о жизни. А мы о чем? Кино, искусство, помогает нам увидеть самих себя, если оно, конечно, не врет напропалую, но тогда оно не искусство. И девочку Нину увидеть в себе, и неудачливую ясную Любу. Одним своим опытом не проживешь; то жизнь покажется неоправданно сладкой, то невысимо горькой. — искусство и подключает нас к опыту всех, а это уже прочно.

Так что давайте еще разок заглянем в кинозал.

Тоже Нина. Тоже, возвращаясь из Москвы, обнимает молодые деревца, как Егор. Только не от тюремной тоски, а от того, что вот, вернулась, ну, здравствуйте, дорогие. Здесь был их «топтогончик», здесь с любовью своей встретилась. Однажды и навсегда. «Я, конечно, и раньше его видела, ну, парень как парень, просто он был тогда как все. А тут только я на него посмотрела — а у него до того были голубые глаза, просто как небо. Вот они-то мне так в душу зашли, эти глаза, и до сих пор — самый близкий и родной человек».

Егор только в селе Ясном провел первую в своей жизни борозду; эта Нина начала работать в двенадцать лет, такое было время. На ферме работала, но тянуло к трактору и обожала запах бензина. «А больше всего гордилась, что у меня платье измазано — это уж было как большая награда. Я даже тайком кой-где себя сама измажу, чтоб все видели, какая я непростая».

Здесь же, где родилась, и замуж выходила за своего синеокого Николая. Получила в приданое прабабушкин сундучок, в котором подгнила одна досточка. Досточку заменили, а вот краски где взять? Так и осталась одна досточка белая.

Здесь же обучал ее Николай всем премудростям работы, технику он знал отменно. Здесь, на поле, и бурчала на мужа, когда он не по ее делал, и злилась, бывало, на него; сюда и сына привела, и шея, как потом признавалась, тогда у нее стала длиннее: а иначе как и за мужем, и за сыном углядеть?

Постояте, это что — кино? Ну да, кино. Документальный фильм «Перед жатвой» о Нине Васильевне Переверзевой, Герое Социалистического Труда, делегате XXVII съезда партии. И кино, и жизнь. В прошлом году она выступала в «Крестьянке», кому интересно, может прочесть в восьмом номере.

К тому времени, когда снимался фильм, прожили они с Николаем вместе более тридцати лет. Немало, чтобы привыкнуть, стерпеться, стереться даже. Но пусть он сам скажет: «Да, вот так, с пятьдесят второго года — семья. Тридцать четыре года назад она для меня красивой была. А для другого, может, и нет. А для меня она красивая. Такой и осталась».

Статью для «Крестьянки» уже набрали тогда в типографии, послали Нине Васильевне с просьбой прочитать, сообщить, нет ли ошибок. Все сроки прошли, нет ответа. Звонят из редакции домой. Трубку никто не берет. Человек известный, мало ли в какой командировке. Снова звонок домой, снова тишина. В правление колхоза звонок: где Нина Васильевна, куда запропастилась? Да в больнице она, в больнице, с Николаем Петровичем плохо, инфаркт у него.

Та статья такими словами заканчивалась: «Каждый человек, наверное, задумывается о своей жизни, о всех тех годах, которые прошли. И вот я так порою все-все в глубине души измеряю и каждый раз прихожу к одному выводу: я какая-то одаренная. Вот чем одаренная — не могу сказать. Наверное, жизнью. А оттого, наверное, и счастливая».

Счастливая... С утра до ночи в больнице, с ночи до утра. Но кто же сказал, что вот эти ночные сидения, тревога эта, грызущая и иссушающая, не входит в понятие счастья? Ведь вот твоё, родное, беспомощное, и ласку не ощущающее, беспамятное, а все-таки и ощущающее, и памятное, там, где-то, вне сознания, кто же сказал, что, когда минует беда, и эти тяжкие, как больные ночи, минуты не будут казаться счастьем, да еще каким! Правда, если любовь была и осталась навсегда. Николай Петрович выздоровел. Прошел год, Нина Васильевна приехала в редакцию с такими же, как сама, хозяйками земли, говорили о делах женщин-механизаторов, о вещах важных и нужных, о чем вы можете прочитать в этом же номере. Жизнь продолжается.

Так какая же нынче любовь? Ведь мы меняемся, и, значит, наши чувства тоже... Но разве не так же, как тысячи лет назад, болит палец, если ребенком случайно коснешься огня? Разве не так же, как миллионы лет, прочно удерживает нас на земле гравитация, сила притяжения и сродства с землей? А что же с любовью случилось? Да ничего с ней и не случилось, такая же она тяжкая и необходимая, с утра до ночи, с ночи до утра.

Только принцы ходят в ватниках, крепко, устойчиво упираясь кирзовыми сапогами в землю, а принцессы поменяли волшебный башмачок Золушки на халат медсестрички, подвойник Любы и ароматно пахнущее бензином платье будущей комбайнерши. Надо только узнать себя. Поверить себе. И чистыми глазами посмотреть вокруг. Где в нас живет чувство гравитации? Никто не знает. Везде. И потому мы прочны с землей. Так же и любовь. И поэтому мы прочны с жизнью.

А как же иначе? Какой же ей, любви, еще быть?

Эрнст МАРКИН

Фотомонтаж Г. МАЛОФЕЕВА.

«...Совсем недавно много и восторженно писали об экстрасенсах. А сейчас их называют чуть ли не шарлатанами, обманщиками. Но я сама была у такого экстрасенса и, когда он проводил рукой около меня, ясно чувствовала тепло, даже жар, и, представьте, помогло, стала лучше спать, нервы успокоились...

М. П.,
Ленинградская область».

Беседы
о бесконтактном
массаже

ЭТИ ЗАГАДОЧНЫЕ ЭКСТРАСЕНСЫ...

В. ИВАНОВ,
заслуженный
врач РСФСР,
доктор
медицинских наук

Сразу ответу автору этого письма: по-моему, способностями экстрасенсов (я не имею в виду, конечно, тех, кто пытается поживиться на волне модного увлечения) не надо ни восторгаться, ни отрицать их. Явление это еще не исследовано до конца. Однако народная медицина знает немало эффективных способов лечения, которые трудно обосновать теоретически, но они существуют и облегчают страдания.

Главное, что нужно запомнить: есть — и, увы, множество! — болезни, которые не поддаются никаким народным методам и требуют немедленного вмешательства врача, самого срочного, серьезного лечения. А вот при начальных стадиях многих нарушений функционального состояния органов, когда человек плохо спит, легко раздражается, жалуется на слабость, дурное

настроение, действительно достаточно бывает порой нескольких сеансов аутогенной тренировки, массажа, водных процедур и т. п., чтобы предотвратить развитие заболевания. Какой путь лечения избрать, подскажет врач, и его советам нужно следовать строго — мы с вами уже не раз говорили о вреде самолечения.

На чем же основаны приемы экстрасенсов, как им удается порой помочь человеку всего лишь «движением руки»?

Тут нет никакого волшебства: эти «движения» — не что иное, как массаж, только на этот раз воздушный, иначе говоря, бесконтактный. Основывается бесконтактный массаж на теплообмене, возникающем между движущейся рукой и кожей пациента.

Мы уже говорили о том, что наша кожа — это сложнейшая чувствительная система, она способна воспринимать тепло, боль, хо-

очень высокой тепловой чувствительностью: с расстояния в 1 метр ощущает тепло от зажженной спички, а тепло от руки — с 20—30 сантиметров.

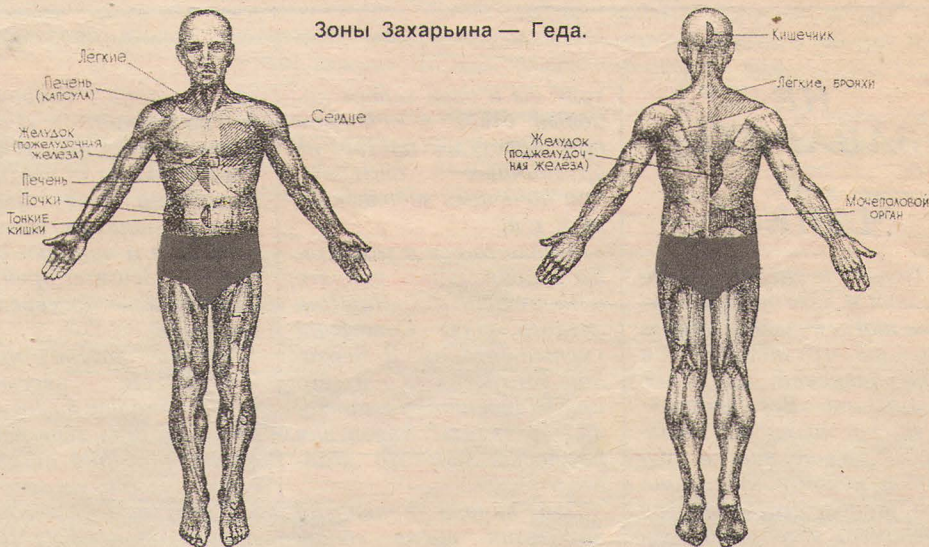
Кожа и сама излучает тепло в виде потоков, сила которых постоянно меняется в зависимости от состояния органов и систем нашего организма.

Учтем и еще одну особенность кожи: отдельные участки ее имеют связь с определенными внутренними органами, при заболевании их в этих участках повышается чувствительность, может даже появиться болезненность. Изучив расположение этих участков, определив, с каким именно органом связан тот или иной участок (зона, как мы его привыкли называть), и вспомнив особенности теплового излучения

тить особо пристальное внимание.

Возникает вопрос: все ли люди способны улавливать тепловые излучения кожи и при помощи тепла собственной руки регулировать состояние внутренних органов? Да, все. Только одни — в большей степени, другие — в меньшей, все зависит от индивидуальной чувствительности к тепловым потокам и от умения человека делать свои руки более теплыми (вы уже догадались: это именно те способности, которыми обладают экстрасенсы). Можно ли развить в себе эти качества? Можно, и мы подробно будем говорить об этом в наших последующих беседах.

Пока же, пожалуйста, взгляните на рисунки: на них указаны определенные участки кожи и вну-

лод, прикосновение, массу других более тонких воздействий и всю полученную «информацию» передавать в центры управления физиологическими функциями организма: головной и спинной мозг. Кожа активно участвует в дыхании, обмене веществ, регуляции тепла в организме, она способна воспринимать изменения температуры и обладает

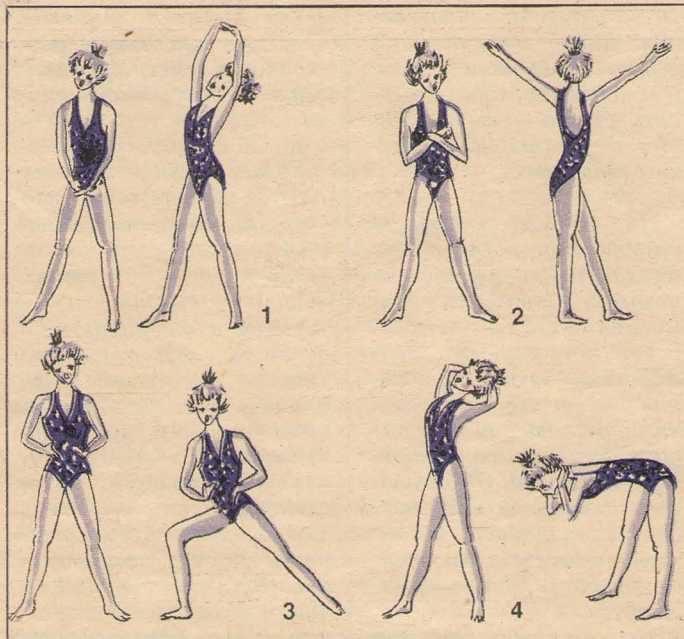
кожи, призовем на помощь бесконтактный массаж: ведь рука улавливает изменения в тепловом потоке с точностью до 0,3—0,5°. Конечно, я не хочу сказать, что такой метод может заменить современную научную диагностику, но он может подсказать заранее, еще до развития патологического процесса в организме, на какой орган следует врачу обра-

тратить органы, с которыми они связаны. Связь эту открыли и исследовали в конце XIX века известные ученые Г. Захарьин и Г. Гед, в их честь и названы эти участки кожи «зонами Захарьина — Гада». Постарайтесь, пожалуйста, их запомнить: это понадобится нам, когда мы начнем изучать методы бесконтактного массажа.

ЕСЛИ УСТАЛА СПИНА

У хозяйки много работы сейчас в поле, на огороде, в саду. И почти все эти работы приходится делать в наклон, в неудобной позе, согнувшись. Устает спина, затекают руки и ноги. Поэтому советуем не пожалеть нескольких минут и сделать легкую разминку — она поможет восстановить кровообращение в нижней части туловища, снимет утомление. Потом и работа пойдет легче!

УПРАЖНЕНИЕ 1. Ноги на ширине плеч, руки свободно опущены вперед, пальцы сомкнуты в «замок». С глубоким вдохом поднимите руки вверх, поворачивая ладони наружу,

но не размыкая «замок». Потянитесь, прогнитесь назад. Выдох — опустите руки.

УПРАЖНЕНИЕ 2. Руки скрещены перед грудью. Глубокий вдох — поворачи-

ваем упражнение с поворотом влево.

УПРАЖНЕНИЕ 3. Руки на поясе, ноги широко расставлены. Сгибаем правую ногу в колене, переносим на нее центр тяжести. Возвращаемся в исходное положение и повторяем упражнение, сгибая левую ногу. Дыхание равномерное.

УПРАЖНЕНИЕ 4. Руки за голову. Вдох — прогибаемся назад, наклоняя назад голову, локти тоже отводим назад — так, чтобы лопатки сошлись. Выдох — нагибаемся вперед, сводим локти, не расцепляя рук.

Каждое упражнение повторяем в медленном темпе по 3—5 раз.

Разминку полезно делать через каждые полтора-два часа. Хорошо также время от времени присесть, а еще лучше — прилечь, полностью расслабив все мышцы. Достаточно нескольких минут такого отдыха, чтобы восстановить работоспособность.

чиваем туловище направо, разводя руки в стороны. Выдох — возвращаемся в исходное положение. По-

НЕ ЗАВАРИТЬ ЛИ ЧАЙКУ?

Только не спешите за заваркой в магазин — не нужен нам сейчас чай из пачки, ни грузинский, ни краснодарский, ни даже индийский. Все достоинства, которыми они обладают, да еще многие другие: и неповторимый аромат, и целебные свойства соединяет в себе чай лесной, тот, которым наслаждались, лечились, потчевали гостей наши прапрабабушки, — липовый, малиновый, земляничный...

На долгое время рецепт изготовления такого чая был забыт. Кое-кто, правда, пытался приготовить заварку из сушеных листьев липы, брусники, малины, но она была скорее похожа на лекарство, чем на чай: без вкуса, без запаха. Поэ-

тому мы и пьем теперь липовый отвар в основном при простуде, настой из брусничных листьев — при почечных заболеваниях и т. п.

А дело-то все в том, чтобы правильно собрать и подготовить листья для лесного чая. Советский ученый-ботаник Н. Верзилин воскресил рецепт его приготовления. Не пришлось читать? Так я вам расскажу, как это делается.

Для начала правильно определим время сбора: листья земляники, мали-

ны, черной смородины можно собирать в течение всего лета, но лучший срок — август — сентябрь, когда они более зрелые; листья иван-чая, клюквы, брусники и черники собирать поспешите: время их заготовки — до середины сентября.

Теперь листья нужно **ЗАВЯЛИТЬ**: рассыпать слоем не толще 5 сантиметров в тени на день или на сутки, пока они не сделаются вялыми, не потеряют упругость. Следующая процедура — **СКРУЧИВАНИЕ**: вялые листья при-

дется скручивать между ладонями, пока не выступит сок. Затем скрученные листья рассыпьте в ящик или на противень, слоем опять же не толще 5 сантиметров, накройте мокрой тканью и выдержите так 6—10 часов в теплом помещении (с температурой 24—26°). Этот процесс называется **ФЕРМЕНТАЦИЯ**. Осталось последнее: ферментированные листья подсушить в духовке на слабом жару (при температуре не выше 100°) 40—50 минут.

Правильно подготовленные листья хорошо растирают между пальцами, хранят в стеклянной или керамической посуде с притертой крышкой. Заваривают лесной чай как обычный: из листьев любого из названных растений или из сбора их в пропорциях по вашему желанию и вкусу.

А. СТАНИС

Рисунки в «Хозяюшке» выполнены художниками Е. Новиковой и С. Богачевым.

Вы уже сделали себе модный пояс, модели которого мы предлагали в № 6 «Крестьянки»? Остались довольны? Тогда беремся за следующую работу, немного посложнее: будем шить сумку.

Прежде всего определите для себя, какую именно сумку вам хочется: ее стиль, цвет, назначение, запас прочности. Соответственно будем подбирать материал для нее. Как и в работе над поясом, подготовленную заранее старую кожу используем для украшения (декора) сумки, но если у вас ее достаточно, можно сделать сумочку и из одной кожи. Возможно, вы хотите, чтобы сумка подошла к поясу, уже сделанному вами? Тогда проще всего взять такую же ткань и обрезки кожи, но это не обязательно: в отделке сумки могут появиться лишь фрагменты, напоминающие отделку пояса, и наоборот.

Итак, ткань для верха сумки выбрана. Подкладка, конечно, должна гармонировать с ней по цвету и по качеству. Так, для простой летней сумки из упругой ткани не подойдет шелковая подкладка, но «выходная» бархатная сумочка нуждается именно в такой.

Подобным же образом подберем кожу для отделки. Не только по цвету! Приглядитесь повнимательнее к подготовленным

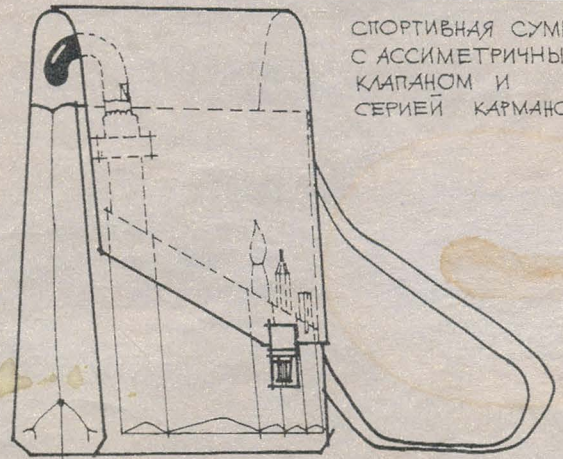
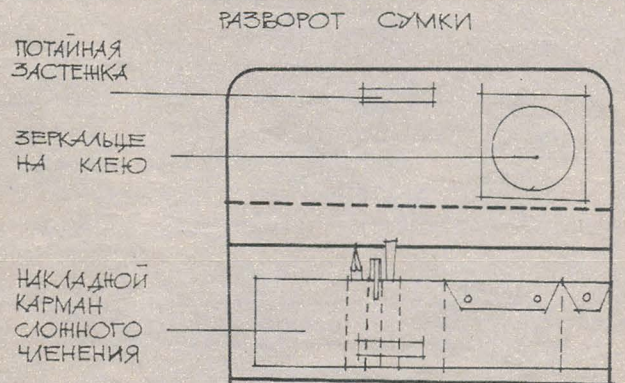
вами кожаным пластинам, к яркому или матовому блеску их поверхности, к фактуре. И постарайтесь максимально использовать эти естественные качества кожи.

Не забудьте, пожалуйста, подготовить материал для прокладки — сумка, выполненная по нашей «выкройке», должна держать

сумку более жесткой и прочной, простегав одновременно все три слоя материалов — верх и два слоя прокладки. При этом стежки на поверхности

лов с выкройкой, вырежьте одновременно детали. Схемы края вы видите на наших рисунках. Одна предлагаемая модель плоская, а вторая имеет толщину.

СУМКА НА ВСЕ ВКУСЫ

УГОЛОК ЗАВЕРНУТЬ И ПРИШИТЬ К ШВУ

форму, иметь жесткость. Подойдут бортовка, клеенка, коленкор, грубый холст. Если сумка большого размера или сделана из очень тонкой ткани, потребуется два слоя прокладки.

Теперь поговорим о том, что вы собираетесь положить в сумку. Косметику, записную книжку, свежий номер журнала или газеты для чтения в дороге? Или придется класть в сумку еще кое-какие покупки? Тогда надо будет сделать

сумки становятся уже декоративным элементом. Значит, их нужно расположить в виде определенного рисунка и почаще. Рисунок лучше заранее продумать, чтобы создавалось впечатление не стеганого одеяла, а скорее ткани в рубчик. Фигурная стежка наравне с кожаными аппликациями — украшение такой сумки.

Приступаем к крою! Все ткани — основную (верх), прокладочную и подкладочную — сложите и, ско-

Это меняет форму выкройки, но не усложняет работы.

Раскроили? Теперь складываем детали края таким образом: лицевую часть верха с лицевой частью подкладки, а прокладку накладываем на изнанку верха сумки.

Совместив края деталей, скальваем их и выстрачиваем по указанным на рисунке пунктирным линиям с припуском около пяти миллиметров. Затем выво-

швы, бажки, вышивалки...

рачиваем заготовку на лицевую сторону, расправляем швы, отутюживаем их, прострачиваем по верху.

На этом же этапе работы советуем пристрочить карманы, ремни, аппликации

шины, возможен и матерчатый, с кожаными деталями в местах крепления. Длина ремня зависит от того, собираетесь ли вы носить сумку через плечо или в руках.

Для маленькой изящной

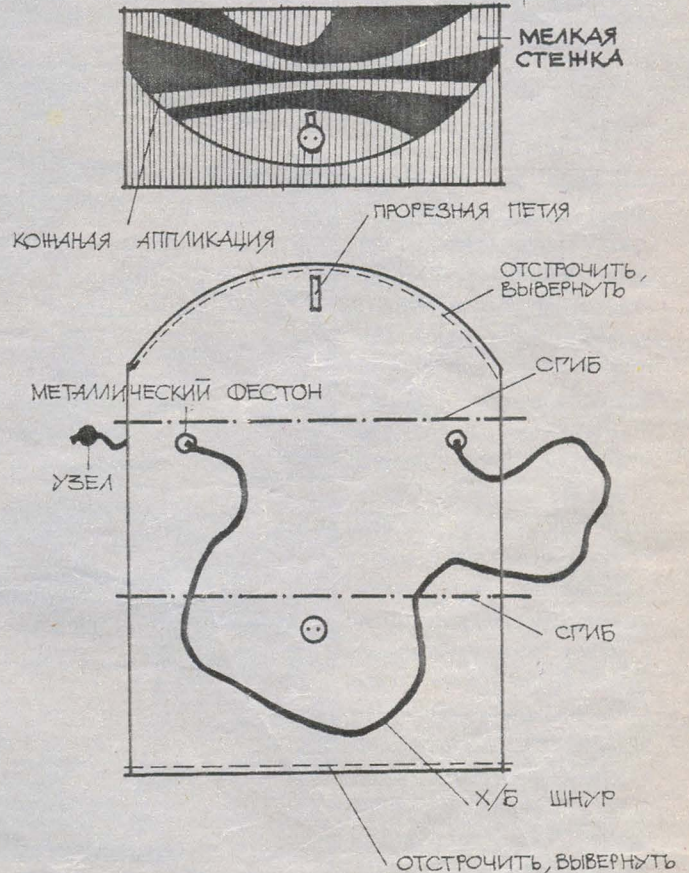
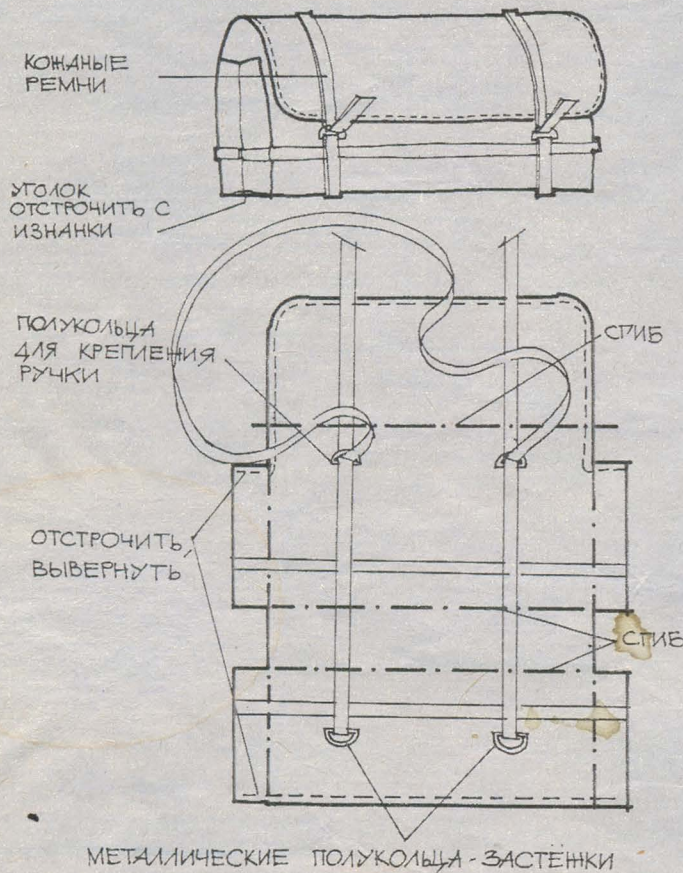
пане, из ремешков с полукольцами, на кнопках. В сумке, не имеющей клапана, оба края обрабатывают одинаково, после чего к ним пришивают разъемную «молнию».

И, наконец, завершаем сборку сумки: сложив заготовку по линии нижнего сгиба, указанной на схе-

встречаться, так что лучше уже сейчас научиться решать ее.

Если вы выбрали сумку с толщинкой, нужно отстрочить уголки, как показано на схеме, затем вернуть их — и сумка готова!

В заключение заметим, что по предложенной схеме

и другие элементы отделки, но если ваша машина плохо берет несколько слоев материала, можно сделать это сразу после раскроя. Кожаные детали прострачиваем швом зигзаг по краю или простым швом, отступив от края на 1—1,5 миллиметра.

Прежде чем окончательно «собрать» сумку, подумайте о ремне. Его можно сделать из кожи в один или два слоя, в зависимости от тол-

сумочки подойдет простая металлическая цепочка, а, к примеру, для сумки из сурового полотна с деревянными пуговицами или бусинами — простой хлопчатобумажный шнур. Небольшая сумочка может и вовсе не иметь ручки — вы будете носить ее под мышкой.

Застежка любая. Проще всего сделать прорезную. Красиво выглядит застежка из крупной пуговицы с навесной петлей на кла-

пах, лицевой стороной внутрь, заделываем оба ее свободных конца матерчатым кантом или строчкой зигзагом. Если ваша машинка не возьмет эту толщину с первого раза, попробуйте побить молотком по тому месту, где она «буксует». Еще один способ: несколько раз прострочить сложное место поначалу без нитки. Испробуйте оба: в дальнейших наших работах эта проблема еще будет

можно сделать еще и изящный ридикюль, папку-конверт для «деловой женщины», спортивный вариант молодежной сумки или просто удобный кошелек без подкладки любого размера.

М. ИГНАШЕВА,
М. УТКИНА,
дизайнеры по костюму.

Чертежи
и рисунки авторов.

В редакционной почте много писем от женщин с полной фигурой. «Все ваши выкройки — для молодых, стройных, модных! — пишут они. — Что же делать нам? Комплекция «модничать» не позволяет!»

Позволяет!

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К СВОБОДНОЙ БЛУЗЕ?

В любом возрасте, с любой комплекцией женщина должна, просто обязана идти в ногу со временем — разумеется, не слепо следуя моде, но выбирая из множества ее предложений то, что позволит подчеркнуть достоинства внешности и скрыть недостатки. Модели, которые мы сегодня рекомендуем, созданы с учетом этого требования.

Итак, блуза и блузон на одной основе, с цельнокроеным рукавом типа кимоно, с подрезом на плече и с рубашечным воротником, размер 58, рост III (164—116—128). В дополнение — прямая юбка того же размера, со шлицей или разрезом сзади.

Расход ткани: на блузу или блузон — 3,5 м любой тонкой ткани шириной 80 см (хлопок, легкий трикотаж, креп, лен и др.); на юбку — 1,6 м (при ширине ткани 100—140 см). Материя любая, но, учитывая особенности фигуры, предпочтительнее выбрать все-таки несколько более плотную и однотонную. Различия между моделями 1 и 2 небольшие: первая (блузон) — с накладными карманами, без планки, вместо манжет у запястий — отвороты той же ширины, что и рукава. Вторая — блуза, которую носят поверх юбки, с пояском. Застежка — на планке. Рукава — на манжетах.

Припуски на швы одина-

ковы и для блузы, и для блузона: по воротнику и горловине 0,8—1 см, по всем остальным срезам — 1,5 см. На юбке (модель 3): по боковым срезам и низу — 2,5 см, по талии — 1 см, по шлице припуск не потребуется.

БЛУЗОН шьем в такой последовательности:

● Выкраиваем детали, намечаем на них середины, вытачки, складки, засечки, прутюживаем.

● Обрабатываем спинку: стачиваем вытачки на лопаточных выступах (на плечевых срезах) и делаем подрез для складки на головке рукава (см. схему 1). Складку закладываем в подрез от плечевого среза вниз и зашиваем в вытачку, намеченную на схеме 2 пунктирной линией.

Пожалуйста, обратите особенное внимание на эту

операцию: именно подрезы на плечах с заложенными в них складками придают рукаву пышность, а силуэту блузона — оригинальность, современность. К тому же этот крой скрадывает излишнюю полноту руки.

Теперь шьем средний шов спинки, завершающийся внизу шлицей.

● Приступаем к обработ-

швы, бажаны, вышиваем...

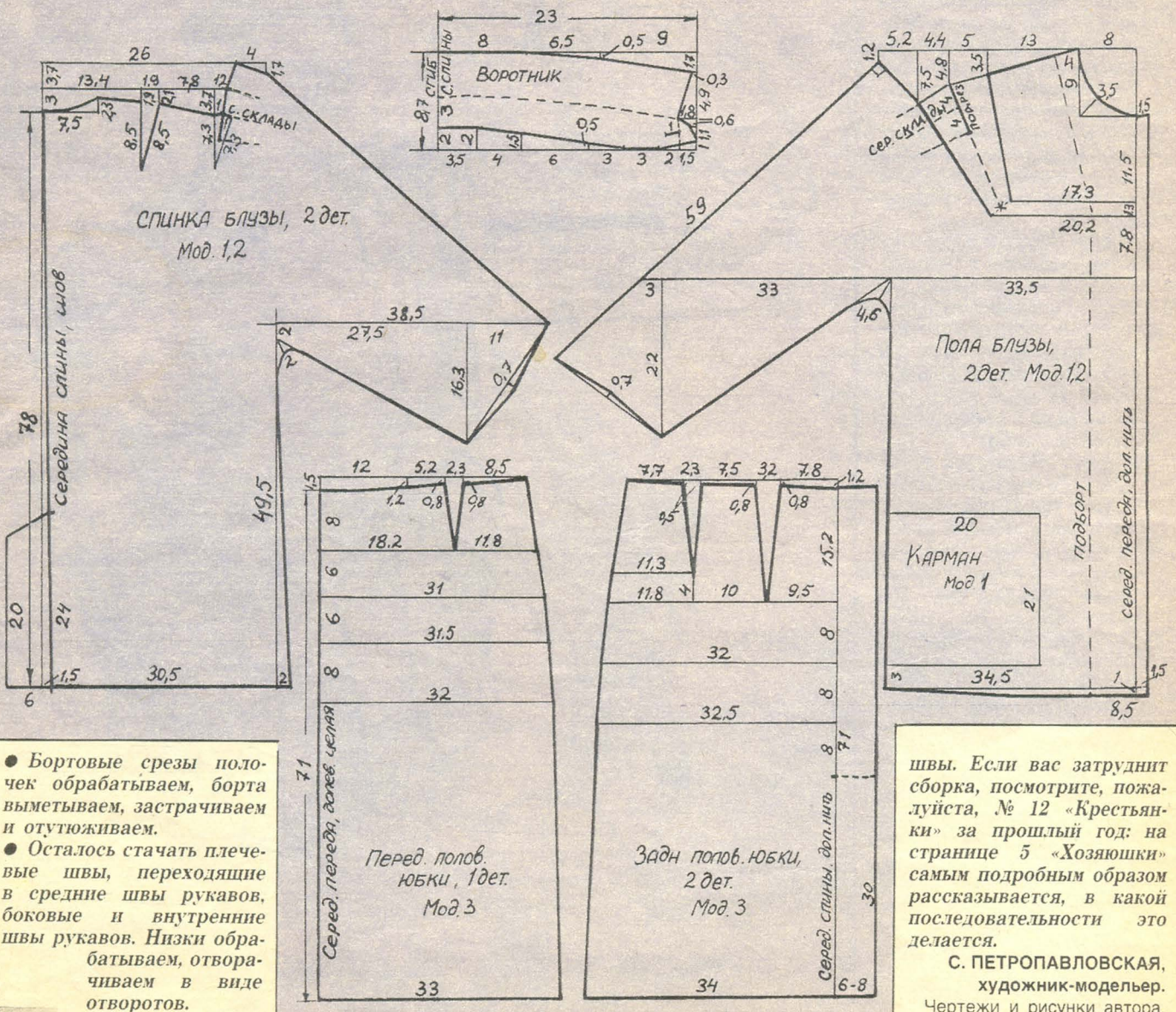
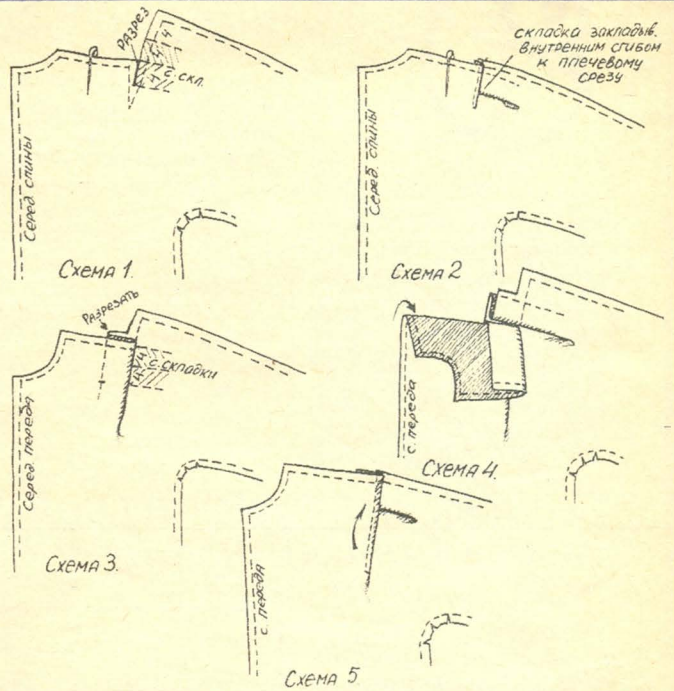
ке полочек. Заметьваем складку от плеча на грудь и приутюживаем гибом к середине переда. Внутренний гиб складки подрезаем до нужной длины (см. схему 3). Складку на рукаве закладываем так же, как на спинке, только на полочке она несколько сместится от плечевого среза (см. схему 4).

Внешний гиб нагрудной складки накладываем так, чтобы он закрыл срезы складки на рукаве, а плечевой срез уравнился со срезом рукава (см. схему 5).

● Вшиваем в горловину отдельно обработанный воротник, подшиваем низ блузона и нашиваем карманы.

БЛУЗУ шьем в той же последовательности, только к бортовым срезам притачиваем планку, а к низам рукавов — манжеты. Карманы не нужны. Поясок (см. рис.) делаем из остатков ткани.

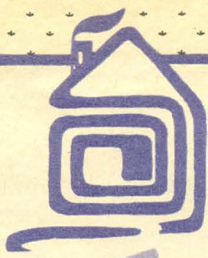
Шитье ЮБКИ, думается, не представит для вас сложности. Надо будет только аккуратно и внимательно выкроить детали, не забыв о припусках на

● Бортовые срезы полочек обрабатываем, борта выметываем, застрачиваем и отутюживаем.
● Осталось стачать плечевые швы, переходящие в средние швы рукавов, боковые и внутренние швы рукавов. Низки обрабатываем, отворачиваем в виде отворотов.

швы. Если вас затруднит сборка, посмотрите, пожалуйста, № 12 «Крестьянки» за прошлый год: на странице 5 «Хозяюшки» самым подробным образом рассказывается, в какой последовательности это делается.

С. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ,
художник-модельер.
Чертежи и рисунки автора.

Пришла наша домашняя страда, дорогие хозяйки! Сейчас главная забота — побыстрее и половчее упрятать в банки, бочонки, кадушки, бутылки плоды летнего сада и огорода, да так, чтобы и стояли подольше, и пользы не потеряли, и аромат, цвет, вкус сохранили!

ИЗУМРУДНОЕ ВАРЕНЬЕ И ТАК ДАЛЕЕ...

СОВЕТЫ
МАРИИ ИВАНОВНЫ

Начинаем, как положено, с закусок. Тут всего и не перечислить, что вы умеете консервировать, знаю об этом из ваших писем, сама многими вашими рецептами пользуюсь и спасибо говорю. Пробовали вы заготовить аппетитное АССОРТИ из овощей и фруктов? Делается оно так. Огурцы, зеленые и бурые помидоры, твердые яблоки, морковь, сливы, сельдерей, петрушку, цветную капусту, небольшие незрелые арбузы, стручковый перец (если есть, можно добавить 2—3 айвы) тщательно вымыть, нарезать кусочками, уложить в подготовленные банки, бросить туда же несколько зубчиков чеснока, сверху накрыть листьями вишни, сушеным укропом. Залить рассолом так, чтобы он покрыл овощи (на литр воды — 30 г соли). Банки плотно закрыть, еще лучше — закатать крышками, хранить в холодном месте.

А вот как я готовлю витаминную ЗАПРАВКУ для первых и вторых блюд. Беру по килограмму моркови, помидоров, перца сладкого, лука репчатого и зелени (петрушки, сельдерея, лука-порея — укропа не кладу, он не так сто-

ек в хранении), очень хорошо промываю, мелко-мелко режу и в большом тазу тщательно перемешиваю с килограммовой пачкой мелкой соли. Как только начнет появляться сок, раскладываю по подготовленным, простерилизованным банкам, закрываю обычной крышкой (закатывать не надо), храню не в холодильнике — просто в прохладном месте. Получается четыре литровые банки, моей семье как

раз до новой зелени хватает. Если вам этого много, можно сделать половинную порцию.

Отличная приправа ко второму блюду — МАРИНОВАННАЯ СВЕКЛА. Ее нужно вымыть, сварить и охладить в той же воде, в которой варилась. Когда остынет — очистить, нарезать ломтиками, разложить в банки, залить маринадом и закрутить. Маринад готовится так: стакан столового уксуса и столько же воды, столовую ложку сахара, половину чайной ложки соли, несколько лавровых листиков и горошин перца вскипятить, охладить — как раз хватит залить одну литровую банку свеклы.

А теперь подумаем, что приготовить к зиме для наших сладкоежек.

В эту пору в саду обычно так много яблок, что не успеваешь все их переработать. Давайте-ка попробуем сварить из них вкусный МАРМЕЛАД.

Яблоки моем, режем кусочками так, чтобы не попала сердцевина с косточками. Складываем в кастрюлю. Добавляем на 2 кг яблок половину стакана воды и варим под крышкой, помешивая, пока

дольки не «разбредутся», не превратятся в пюре. В горячем виде протираем через дуршлаг толкушкой, добавляем на 1 кг пюре 500—700 г сахара и снова ставим на огонь примерно на полчаса, чтобы уварилось на два пальца. Только

отвлекаться не придется, чуть перестанете мешать — подгорит. Как сахар совсем разошелся — готово! Разливаем мармелад в банки, формы.

Из твердых, неперезрелых яблок — лучше всего, конечно, антоновка — готовлю ЯБЛОЧНУЮ НАЧИНКУ для пирогов на зиму. Яблоки чищу, режу, складываю в кастрюлю, посыпаю сахаром (на 2 кг яблок — граммов 500—700 песку), ставлю на тихий огонь. Как только ломтики начнут терять форму, станут помягче — раскладываю в простерилизованные банки, в горячем виде закатываю крышками. Одной литровой банки хватает на большой пирог, во весь противень.

Любят у вас ВАРЕНЬЕ? Я вот в последнее время только «пятиминутку» варю — и быстро, и вкусно, и витамины сохраняются, да и не так приторно. Хороша «пятиминутка» из черной смородины, из вишни. Ягоды только должны быть чистыми и сухими. На килограмм ягод варю сироп: килограмм сахара и 3/4 стакана воды, в него бросаю ягоды, покипит минут 10 — сразу же, горячим, разливаю по го-

товым банкам, закручиваю крышками.

А из красной смородины хорошо ЖЕЛЕ! Ягода эта нежная, кожица тонкая у нее — как такую обсушить, не помяв? Такая с вечера кусты поливаю, а утром рано, чуть солнышко пригреет, собираю ягоды. Отжимаю сок через специальную соковыжималку или просто через марлю, добавляю на литр сока 2 кг сахарного песка, тщательно перемешиваю, раскладываю в чистые сухие банки. Закрываю бумагой, храню при комнатной температуре.

Знаю, что кое-кто из хозяек крыжовник и за ягоду не считает. Может быть, просто не знает, что из него сделать? Советую сварить ИЗУМРУДНОЕ ВА-РЕНЬЕ, не пожалеете!

Соберите крыжовник немного незрелый, вымойте, отщипните «носик» и плодоножку. Мелкие ягоды можно варить целиком, из крупных лучше вынуть зерна (надрезать сбоку и удалить шпилькой семена с частью мякоти). Переложите крыжовник промытыми вишневыми листьями и обдайте кипятком — тогда ягоды не потеряют своего зеленого цвета.

Теперь вынесите ягоды в прохладное место на несколько часов. Тем временем сварите сироп, как обычно (на 1 кг ягод — 1,5 кг сахара). В кипящий сироп бросаю подготовленные ягоды, удалив вишневые листья, выключаем огонь и даем постоять 2—3 часа. Снова ставим на огонь, доводим до кипения, снова снимаем и даем остыть. Затем уже варим до готовности и охлаждаем как можно быстрее, чтобы не потеряло цвета, для этого можно поставить таз с вареньем в холодную воду. Когда совсем остынет, разольем по банкам.

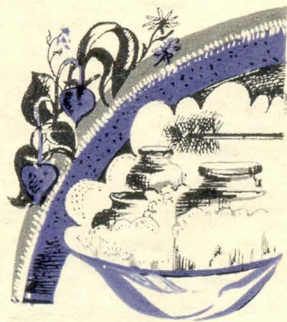
Приятного аппетита!

Ваша
МАРИЯ ИВАНОВНА

ПОСУДА ДЛЯ КОМПОТОВ

Август — горячее время для хозяйки, самая пора домашних заготовок на зиму.

Достаем с полок, из кухонных шкафов, из погребов или с балконов запылившиеся банки, бутылки — ведь обычно мы, надо

признаться, небрежно храним освободившуюся посуду из-под прошлых лет

компотов, маринадов, соков. Но сейчас она снова нужна, причем абсолютно чистая, стерильная, иначе все наши труды пропадут даром — заготовки испортятся.

Прежде всего тщательно вымоем стеклянную посуду внутри и снаружи теплой мыльной водой, почистим «ежиком». Не советуем применять химические средства типа «Пемоксоль», стиральные порошки — можно отлично обойтись и без них! В бутылки бросьте размельченную яичную скорлупу, картофельную шелуху или мелкие кусочки бумаги, залейте до половины водой и сильно встряхните несколько раз, затем вылейте

и хорошенько прополощите. Если на дне бутылки остался желтый след, осадок — влейте в нее мыльный раствор и оставьте на ночь, утром воду слейте, всыпьте в бутылку чайную ложку питьевой соды, встряхните, хорошо промойте.

Банки промывают раствором питьевой соды и выполаскивают. Можно добавить в воду уксус или щепотку крупной соли.

Напоследок ополаскиваем посуду холодной проточной водой.

Вот теперь можно стерилизовать ее, как обычно, над паром или прошпарив кипятком.

Т. АЛЕКСЕЕВА

В ЧЕМ ВАРИТЬ ВАРЕНЬЕ?

Многие хозяйки пользуются для этой цели алюминиевыми мисками, но в них — вы замечали? — сироп приобретает неприятный синеватый оттенок. Вы предпочитаете эмалированную посуду? Она, безусловно, удобна и гигиенична, но, согласитесь, капризна: легко дает трещины, не любит резкой смены температуры, варенье в такой посуде пригорает, стоит только хозяйке немного отвлечься и перестать помешивать его, а вообще-то варенье лучше не мешать, встряхивать — словом, неудобств много.

Лучше всего приобрести специальный таз, медный или латунный. И ягодам просторно, и хозяйке легко управляться, а длинная ручка помогает встряхивать ягоды.

Чистят латунную посуду смесью из уксуса, муки и мелких опилок. Этой смесью натирают поверхность таза и оставляют, чтобы высохла, а затем вытирают мягкой тряпочкой и промывают теплой водой.

Медную посуду можно почистить разрезанной головкой репчатого лука, затем вымыть и вытереть насухо. Если после этого протереть ее шерстяной тряпочкой, смоченной в нашатырном спирте, а потом еще раз вымыть и обтереть — таз засверкает.

П. ВЕЛИЧКО

СКЛАДКИ — В ПОРЯДКЕ!

Юбки в складку никогда не выходят из моды, меняются только длина, ширина, расположение складок. Что и говорить, такие юбки нарядны, элегантны, хороши с любой блузкой, свитером, джемпером. Единственное неудобство — их трудно гладить, а стрелки быстро мнутся.

Существует, правда, специальный препарат «Стрелка» для фиксации (закрепления) складок на шерстяных и полшерстяных тканях. Им нужно смочить ткань и прогладить складки через марлю

с лицевой и изнаночной стороны.

А нельзя ли закрепить складки домашними способами? Попробуем!

Пропарьте их с обеих сторон горячим утюгом через тряпку, смоченную в мыльно-уксусном растворе (1—2 столовые ложки на 3 литра теплой мыльной воды) и хорошо отжатую. Если ткань толстая — пропарьте ее дважды.

Перед тем, как стирать вещь со складками, прометайте их края мягкой тонкой ниткой крупными стежками. Сушите на вешалке, складки расправьте и потяните в нужном направлении, это поможет сохранить форму и облегчит глажение.

Складка на мужских брюках сохранится дольше, если прогладить их через ткань, смоченную водой с добавлением уксуса.

М. РЯЗАНСКАЯ

ХОЗЯЙКЕ НА ЗАМЕТКУ

● Детские брюки, свитеры, джемперы, кофты не протрутятся на локтях и коленках, если подшить с изнанки к этим наиболее «уязвимым» местам лоскутки от старых чулок или колготок.

● Сваленную шерстяную вещь будет легче распушить, если в сырой, пасмурный день вывесить ее на несколько часов на улице или повесить над кипящим чайником, кастрюлей.

● Новая метла, швабра, веник дольше прослужат, если перед употреблением вымочить их в горячей мыльной воде.

● На поверхности утюга нередко остаются частички крахмала после глажения подкрахмаленного белья. Не нужно соскабливать их ножом, тереть проволочной мочалкой, лучше протрите полотно утюга влажной тряпочкой, обмакнув ее в мелкую соль.

● Свежие пятна от жира с хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых тканей можно удалить, насыпав на них с обеих сторон ткани зубной порошок. Сверху положите лист белой бумаги, прижмите каким-нибудь тяжелым предметом и оставьте на сутки. Порошок очистит сухой щеткой.

Представьте: совсем близко от вас прошла женщина, и вас словно овеяло свежей волной...

Помню, как в школе, в десятом классе, у нас появилась новенькая. От нее никто не мог оторвать глаз. Причем ничего исключительного в ее внешности вроде бы не было. Туфли, платье — как у всех, а «на лицо» в классе были и покрасивее. Но весь ее облик производил впечатление недостижимой, блистательной чистоты. Другие девочки тоже меняли воротнички, чистили туфли и мыли голову, но как-то дотягивая до последнего момента, когда еще «чуть-чуть» — и ты будешь выглядеть неряшливо. А на этой девочке все было кипенно-белым, хрустящим, словно сию минуту вымытым и выглаженным. Казалось, она излучает чистоту.

Еще вспоминается женщина в поезде, вначале ничем не поразившая. Но поезд шел, вагон приобретал обычный дорожный вид, сваливались простыни, сминались халаты, прически, кто-то воевал с крошками, и только у нее одной почему-то ничего не мялось, не крошилось, не пачкалось. Свежая, подтянутая, словно только что причесанная, она в своем ситцевом халатике выглядела королевой в нашем тесном вагонном мире...

Чистота — украшение особое. Мы говорим: чистый человек, чистое сердце, душа, что может быть выше этих оценок? Чистота внешняя тоже говоряща — она рассказывает о человеке больше, чем даже со вкусом подобранная одежда.

Чистота — идеальная подготовка к бодрому, деятельному началу дня. Свежему телу комфортно в выстиранной, выглаженной одежде. Человек увереннее ходит, говорит. Он с самого утра настроен на особый лад: готов быть аккуратным и ясным в каждом своем движении, поступке, слове. Чистота раскрепощает. Делает человека раскованным — если понимать под этим словом легкость, которая идет изнутри от ощущения свежести, комфорта.

Слово «лоск» применительно к внешности кажется немного старомодным. Но вспомни его: навести лоск — значит оживить облик блеском чистоты.

Тему эту порой стыдливо обходят: стоит ли размышлять об очевидном? Но это очевидное в повседневной жизни иногда может стать большой проблемой. Ум, красота, обаяние женщины мгновенно меркнут в наших глазах от ее неопрятного вида. Есть прекрасные, добрые люди — их можно уважать, быть к ним расположенным, но вряд ли захочешь находиться с ними рядом в одной комнате, вагонном купе, гостиничном номере. Невольно представляешь, сколько на их долю выпадает в жизни лишних и ненужных неприятностей, сколько раз их сторонились люди по причине до смешного простой: они не в ладах с водой и мылом.

Мы легко переносим любые запахи природы и те, что связаны с производством, с работой. Единственно, что всегда и безусловно действует негативно, — «дух» нечистоты.

Конечно, все по утрам чистят зубы и умываются. Но это минимальная норма.

САМОЕ ГЛАВНОЕ УКРАШЕНИЕ

Чистоплотность, которая поможет стать привлекательнее, укрепит чувство собственного достоинства, потребует больших забот.

ИМЕЙТЕ В ВИДУ...

— Известны психологические опыты, поставленные с целью выяснить, что влияет на симпатии и антипатии пятнадцатилетних подростков к своим сверстникам. Оказалось, что среди причин, отталкивающих ребят, на одном из первых мест — нечистоплотность. Своего рода тест на совместимость!

— Часто говорят: легко соблюдать правила гигиены при «чистой» работе. А попробуй провести весь день в поле или на ферме, в поте лица зарабатывая хлеб насущный — какая уж тут свежесть! Однако кожные выделения здорового организма не имеют запаха, он появляется только через 8—9 часов, если человек не вымоется после работы, не сменил одежду. Так что люди, занимающиеся разным трудом, в равном положении.

Вымыться с мылом, а еще лучше — принять душ утром и вечером после работы, чаще менять белье — не так вроде бы трудно. Но наши укоренившиеся привычки обладают редкой устойчивостью. Давно сложившийся уклад деревенской жизни велит идти в баню по субботам и после бани менять белье. Однако в современном селе много женщин работает не на вольном свежем воздухе, а в помещении. Изменились ткани. Хлопок и лен заменила синтетика. Спим на поролоновых матрасах, ходим по паласу, сверкающему искусственным блеском. А колготки, платья и даже обувь? Организм изо всех сил стремится справиться с теплообменом. Сальные, потовые железы работают с нагрузкой. И если чистый хлопок прежде верно служил неделю, то теперь со своей службой не справляется. Тем более синтетика. У синтетики есть свои достоинства: она легко стирается, быстро сохнет, практически не нуждается в утюге. Но независимо от состава волокна срок носки близкого к телу белья и блузок — один-два дня.

Верхнюю одежду, конечно, каждый день стирать не будешь, но и она всегда должна быть в безупречном порядке. Запомнилась мне одна молоденькая девушка. Полгода она появлялась на работе в одном и том же красивом свитерке. Я наблюдала его в разных состояниях — новеньким и свежим, затем потерявшим свежесть, наконец, обвисшим и затертым. Другого она не поку-

пала: не попадался такой же нарядный. И равноценного на смену, должно быть, не имела. В результате красивая, модная вещь просто скомпрометировала свою владелицу, обнаружив ее неаккуратность. Право же, старенькая, но свежая кофточка сделала бы девушку куда привлекательнее.

И еще. Наши магазины предлагают сейчас довольно богатый набор гигиенической косметики. Но многие считают ее чуть ли не блажью. Рассуждают: если тратьте, то уж на духи или краску для ресниц, эффект сразу заметен. А гигиенический дезодорант? Тут же выветрится, никто и внимания не обратит. И хорошее туалетное мыло необязательно, когда есть банное.

У иной женщины в косметичке чего только нет: несколько оттенков губной помады и теней, тон для лица, румяна, пудра. Но может не оказаться самого необходимого — набора очищающей косметики. Любая «декорация» только тогда украсит женщину, когда ляжет на безупречно чистую основу.

Елена ЕЛЕНИКОВА

О ЧЕМ ПОВОРОРИМ В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ...

- В чем секрет «долголетия» белого воротничка, с незапамятных времен сохраняющего лидерство в моде?
- Можно ли определить характер человека, взглянув на его руки? Правильно ли считать, что ухоженные руки и ногти выдают «белоручку»? А может быть, ухаживать за руками — значит поддерживать их в рабочем состоянии?
- Что такое хорошо одетый человек? Есть и такой ответ: тот, у кого в идеальном порядке обувь и прическа.
- Что должна носить в своей сумочке женщина, которая хочет всегда хорошо выглядеть?

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ИСКРЕННИМ

НЕ ПРАВДА ЛИ, ПРИЯТНО ИМЕТЬ ДЕЛО С ИСКРЕННИМИ, НЕПОСРЕДСТВЕННЫМИ, ЧИСТОСЕРДЕЧНЫМИ ЛЮДЬМИ? ИСКРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК НАДЕЖЕН, НА НЕГО ЛЕГКО ПОЛОЖИТЬСЯ И В БОЛЬШОМ, И В МАЛОМ. НО БЫВАЕТ ПОРОЙ, ЧТО ОТ ЕГО НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ НЕ ЗНАЕШЬ КУДА ДЕТЬСЯ. ВОТ И ПОЛУЧАЕТСЯ, ЧТО ИСКРЕННОСТЬ — ДЕЛО НЕПРОСТОЕ, ОЧЕНЬ ТОНКОЕ, ТРЕБУЮЩЕЕ МУДРОСТИ И ДУШЕВНОГО ТАКТА.

Они смеются, когда им смешно, и грустят, когда грустно. Они всегда следуют своему чувству и открыто его выражают. Им хорошо что-то рассказывать — в глазах живая реакция. Им интересно — и это тебя греет. Неинтересно — ты вмиг это почувствуешь, не будешь зря распинаться, злоупотреблять чужим доверием.

Слов нет, приятны искренние, непосредственные, чистосердечные люди. Они не играют чужих ролей. Если чего-то не знают, не будут с важным видом вступать в спор, пыжась, изображать осве-

домленность. Не боятся попасть впросак и чаще всего не попадают. Их защищает естественность поведения, которую редко кто не оценит. Она помогает установить контакт с окружающими в любой незнакомой обстановке, выйти с честью из сложной ситуации.

В своих воспоминаниях «Строка в старой записной книжке» кинодраматург Алексей Яковлевич Каплер рассказывает случай, который произошел с Борисом Захаровичем Шумяцким, назначенным в начале двадцатых годов полномочным предста-

вителем молодой Советской республики в Иране. За плечами у Шумяцкого были подпольная работа, революция, гражданская война, некогда было ему осваивать разные тонкости этикета, которые полагается знать дипломату.

По приезде в Иран он был приглашен на обед, где собрался весь дипломатический корпус. Чопорная обстановка, стол, сервированный серебром. По одну сторону тарелки целый строй разных вилок, по другую — ножей. Дипломаты с любопытством поглядывали на русского, ожидая забавных ситуаций, в которые, по их мнению, неизбежно должен попасть «необразованный медведь». А Шумяцкий, сев за стол, спокойно собирает тщательно разложенные предметы сервировки, оставляя только одну вилку и один нож, подзывает лакея и говорит, вручая ему кучу серебра: «Это лишнее, можете убрать». И дипломатический корпус раздражается аплодисментами.

Чему же аплодировали искрененные в этикете дипломаты? Наверное, не просто жесту, внесшему оживление в церемонный прием, но и проявившемуся вмиг характеру, проявившемуся достоинству.

Связь между искренностью и достоинством самая прямая. Заложенная с детства искренность может стать стержнем достоинства — выражают, что чувствую, говорю то, что думаю. А обретенное достоинство не позволит человеку солгать, изменить себе. Он всегда будет отстаивать свои взгляды, если считает их верными, не прикидывая, выгодно это ему или невыгодно. Искренний человек надежен, на него легче положиться и в большом, и в малом.

Искренний и непосредственный человек не заклинивается, как правило, на суетных мелочах, на себе: как повернусь, как слово молвлю, какое произведу впечатление, не ударю ли в грязь лицом, докажу ли всем, что я тоже не лыком шит?

Он свободен от подробных тревог и забот и больше сосредоточен на том, что происходит вокруг.

Правда, замечательные свойства, о которых мы ведем речь, проявляются по-разному. Иногда не знаешь, куда от искреннего и непосредственного деться.

...Женщина пришла на работу в нарядном новом платье по случаю дня рождения. В бухгалтерии, в женском царстве, оживление — все наперебой хвалят обновку. И самая молоденькая сослуживица тоже не удержалась от восхищения: «Какой замечательный фасон, а цвет — с ума сойти! И надо же — совсем вам не идет! Не по возрасту».

Попробуешь в подобном случае объяснить, что не стоит так вот непосредственно выплескивать эмоции, столкнешься с недоумением: «Значит, лучше соврать? Я же чувствовала, что все были неискренни, а я так не умею...» Но почему же неискренни? Все как раз искренне не хотели имениннице портить настроение.

...От врача вернулась расстроенная соседка. Что случилось? Залилась безутешным плачем. Сквозь всхлипывание удалось разобрать: «Она сказала, у меня не будет детей... никогда...» — и приготовленные слова утешения застряли в горле. Неужели врач с ходу могла такое заявить? И не оставила надежд на лечение? А как же этика врачевания?

К счастью, все обошлось. Соседка уже гуляет по улице с коляской, а из головы не выходит та врачиха, заставившая ее немало пережить. Тоже небось радуется за искренность. Что думала, то и выпалила с детской непосредственностью.

А совсем другой доктор и писатель Викентий Викентьевич Вересаев сказал однажды об искренности, что это — дело трудное и очень тонкое, требующее мудрости и большого душевного такта.

Т. АЛЕКСАНДРОВА
Рис. В. КОВАЛЯ.

КРЕСТЬЯНКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»
ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА

Редакционная коллегия:

И. П. АЛЕКСАНДРОВ,
Н. И. ГОРШКОВА,
Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
Т. М. КОСТЫГОВА
(ответственный секретарь),
А. В. КУПРИЯНОВА
(заместитель главного редактора),
А. А. ПИМЕНОВА,
М. Б. РЫЖИКОВ,
И. Г. УШАЧЕВ,
Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
С. И. ВОРОНЦОВА.
Художественный редактор
Е. Г. Новикова.
Над оформлением номера
работала Г. Н. Сидорова.

Адрес редакции: 101460, Москва,
ГСП-4, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79,
212-12-39.

Сдано в набор 12.06.87. Подписано
к печати 01.07.87. А 05090. Формат
бумаги 60 × 90¹/₈. Глубокая печать.
Усл. п. л. 6.00. Уч.-изд. л. 8,56. Усл.
кр.-отт. 21,00. Тираж 17 536 000 экз.
(1—13 716 200 экз.). Изд. № 2090.
Зак. № 902.

Во всех случаях обнаружения по-
лиграфического брака редакция
просит обращаться в типографию,
печатающую журнал.

Ордена Ленина и ордена Октябрь-
ской Революции типография име-
ни В. И. Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда». 125865, ГСП, Мо-
сква, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки
фото Б. ЗАДВИЛЯ.

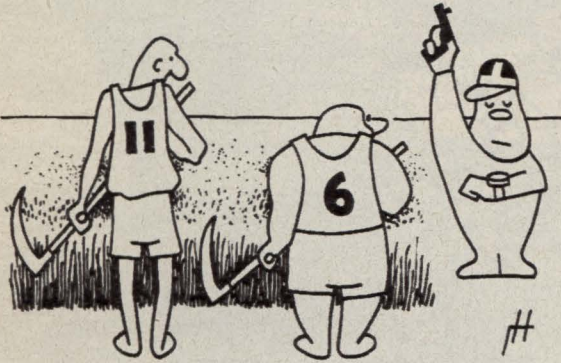
ЮМОР

Рисунки
Г. Назарова,
С. Нечаева,
И. Новикова.

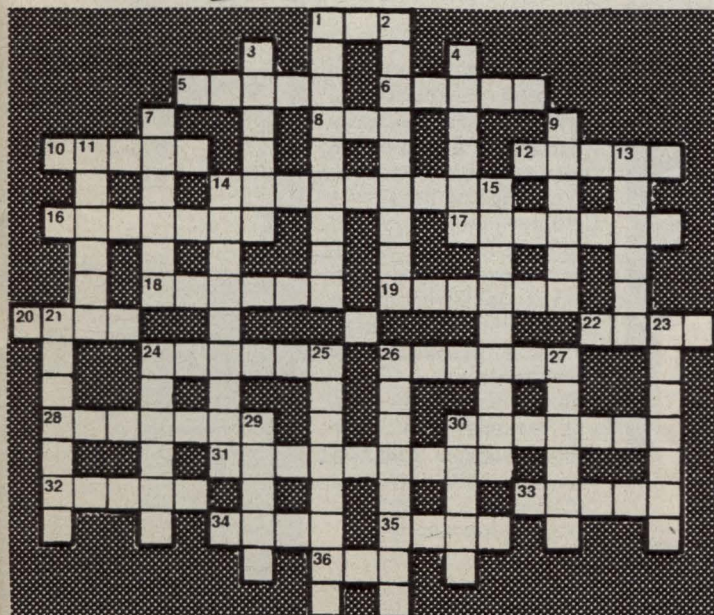
— Вы правы, этот зуб действительно здоровый...

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Растение с овальными семенами, заключенными в стручки. 5. Впадина на поверхности земли. 6. Дерево семейства маслиновых. 8. Город в Красноярском крае. 10. Животный мир. 12. Русский мореплаватель, один из основателей и руководителей Русского географического общества. 14. Лесная птица, родственная бекасу, кулику. 16. Самая высокая вершина в Альпах. 17. Морской порт в низовьях Енисея. 18. Мелкая разновидность корюшки. 19. Растение с сочными стеблями и колючками вместо листьев. 20. Участок водоёма, оборудованный для ловли рыбы закидным неводом. 22. Вечнозеленое растение семейства агавовых. 24. Масса из смеси силикатов с водой, используемая при изготовлении фарфора, фаянса, керамики. 26. Крупное жвачное животное из рода быков. 28. Морское млекопитающее семейства дельфиновых. 30. Плавающая ледяная гора. 31. Живописец, скульптор, изображающий животных. 32. Ответвление от главного русла реки. 33. Район г. Сочи. 34. Погощик собак или оленей, запряженных в нарты. 35. Крупная хищная птица. 36. Река в СССР и Китае.

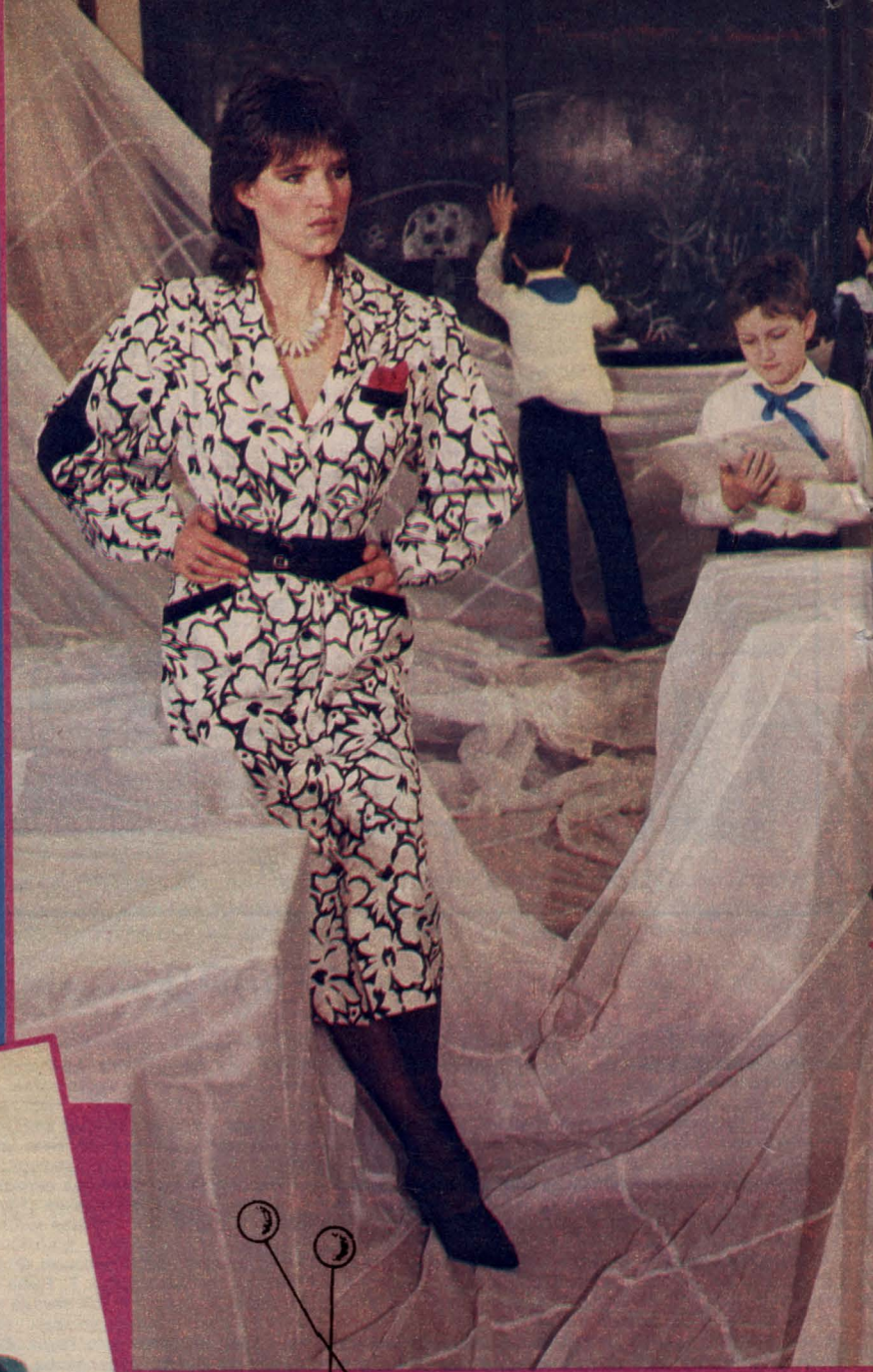
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Вечнозеленый болотный кустарник с одурманивающим запахом. 2. Колючее растение, разводимое как живая изгородь. 3. Ветер разрушительной силы. 4. Лысый барсук. 7. Рыба, способная дышать атмосферным воздухом и передвигаться по суше в другие водоёмы. 9. Самая яркая звезда на небе. 11. Травянистое растение, из которого получают эфирное масло. 13. Птица семейства фазановых. 14. Род многолетних лекарственных трав. 15. Советский селекционер, дважды Герой Социалистического Труда. 21. Грызун с ценным темным мехом. 23. Сумчатое млекопитающее. 24. Воскоподобное вещество, выделяемое тропическими насекомыми из семейства лаковых червецов. 25. Сорт яблок. 26. Комплекс наук о живой природе. 27. Большая водоплавающая птица. 29. Стихотворение А. С. Пушкина. 30. Род ядовитой змеи.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Фе-
номен. 8. Кулинар. 12. Кинети-
ка. 13. Академия. 14. Спорт.
15. Полиция. 16. Комици. 19.
Лиман. 21. Толстой. 22. Каноз.
23. Железнодорожник. 26. Хал-
лат. 28. Ставень. 29. Аккад.
33. Кадриль. 34. Номинал. 35.
Пресс. 37. Форсунка. 38. Ана-
конда. 39. Пифагор. 40. Ба-
латон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Генети-
ка. 2. Позиция. 3. Техас. 4.
Булат. 5. Гиталов. 6. Балери-
на. 9. Дивизия. 10. «Прозасе-
давшиеся». 11. Чириков. 17.
Комната. 18. Сопрано. 20. На-
лет. 22. Канна. 24. Кашалот.
25. Лаванда. 27. Акростих. 30.
Ксилофон. 31. Плантаж. 32.
Токамак. 35. Паром. 36.
Сазан.

● Наиболее практичны костюмы, комплекты легких жакетов с юбками и блузками, а также элегантные темные платья со съемными деталями. Сегодня мода делает особый акцент на таких украшающих элементах: белые воротнички — маленькие, как на мужской рубашке, или «гимназические», кружевные различной формы, декоративно завязанные шарфы и шелковые косынки, нарядные галстучки, платочки в нагрудном кармане...

МОДА

для учительницы-

— так назвал болгарский журнал «Лада» эту коллекцию моделей

Вот-вот начнется новый учебный год, и у наших дорогих учительниц на одну заботу больше: что надеть, как выглядеть перед классом? Ведь все мелкие погрешности, к которым отнеслись бы снисходительно во взрослом коллективе, обязательно отметит цепкий детский глаз. На самом деле редко какая профессия предъявляет столько требований к внешности, костюму. Учитель своим обликом тоже воспитывает.

Традиция подсказывает: если костюм достаточно строг, сдержан по цвету и форме, не грешит назойливыми деталями, он помогает подчеркнуть авторитет, достоинство, серьезность педагога. Но в то же время современность облика, легкие, ненавязчивые знаки моды, женственная нарядность вносят праздничность в школьные будни, привлекают детей, которые, как известно, острее, чем взрослые, чувствуют новизну и красоту. И, конечно, лучше всего, если костюм любимой учительницы послужит тем образцом, по которому ее ученицы будут строить свои представления об эlegantности и хорошем вкусе.

Постарайтесь найти в предложениях моды «свой» силуэт, то есть тот, при котором ваша фигура выглядела бы наиболее выигрышно. Заметим при этом, что лучше, если одежда будет более свободно облежать фигуру, чем чересчур ее подчеркивать.

Посмотрите, какие модели предлагают учительницам болгарские художники — не правда ли, есть, что выбрать?

Е. ПАНУЛИ

-
- Модная линия по-прежнему подчеркивает расширенное плечо; проймы заниженные, удобные, различной глубины; рукав цельнокроеный или присборенный на головке, чаще всего сужен к запястью.
 - Остается в моде прямой силуэт, обещает стать популярным силуэт с четко обозначенной талией. И, конечно, всегда хорошо выглядят вещи классического и спортивного стиля. Главное, чтобы стиль этот был выдержан даже в мелочах.

**СВЕТ
ОТЕЧЕСТВА**

Е. РОМАНОВА.
«Лето». 1982 г.

«Лето — лучшая пора для творчества. Я имею в виду не время года, а пору зрелости, когда человек знает, что сказать людям, он деятелен, полон сил и надежд. Прекрасная пора цветения, сбора первых плодов... Наверное, об этом моя картина. Женщина, стоящая посреди лета, — не совсем автопортрет, скорее обобщенный образ, аллегория. А домики вдали, хоть и не писаны с натуры, мои хорошие знакомые. Это край одной подмосковной деревни, где я подолгу жила. Она похожа на тысячу других русских деревень, но для меня — единственная на земле. Когда я думаю о своей Родине, перед глазами встает этот неяркий пейзаж...»

Елена РОМАНОВА, лауреат премий Ленинского и Московского комсомола.